

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 4 (20) ноябрь 2013

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна, д-р. социол. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк»)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектменеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МАХМУТОВ Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, академик АН РБ (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

САМРАИЛОВА Татьяна Константиновна, д-р полит. наук, профессор (Академия труда и социальных отношений, Москва)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д-р юрид. наук (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права)

ШАХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич, руководитель Агентства примирительных технологий (Башкирский институт социальных технологий)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна, канд. психол. наук (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ	7
Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Объединение субъектов Российской Федерации как политический процесс	7
Глинская И.Ю. Территориальный брендинг — механизм формирования бренда России	15
ЕВРАЗИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В XXI ВЕКЕ	21
Вахитов Р.Р. Россия — евразийская цивилизация	21
Минаков П.А. Некоторые проблемы формирования правового государства в современной России	24
Фонарев М.А. Распад Советского Союза и трансформация Евразийского Содружества: новые реалии.	26
Одерий А.В. Межэтническая толерантность как основа многонациональных государств	32
Яматин А.Д. Политическая оппозиции в современной России: субъективный фактор	38
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	44
Изгина Р.Э. Теоретико-концептуальные основы федерализма в контексте субъектности регионов	44
Садыков В.Н. Федеральные округа как территориальная основа современной региональной политики	50
Зими́на Е.В. Особенность межэтнического диалога в рамках трансформационного процесса внутриполитического порядка современного египетского государства.	57
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	62
Валиуллин В.Р. Толерантность и политическая корректность как инструменты межэтнического взаимодействия в Федеративной России.	62
Мукаев Р.И. Этнополитические и социально-экономические особенности субъектов в Российской Федерации.	67
РОССИЯ И КАЗАХСТАН: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АРГУМЕНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА	75
Унбаева А.С. Приветствие участников международного круглого стола «Россия и Казахстан: политико-правовые, экономические и социокультурные аргументы сотрудничества»	78

Нигматуллина Т.А. Ресурсное обеспечение человека в интересах устойчивого развития	81
Гайдук В.В. Трансформация российско-казахстанских отношений на постсоветском пространстве	84
Сулейманов А.Р. К вопросу о межнациональной интеграции в условиях глобализации: Россия и Казахстан	87
ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ	89
Нигматуллина Т.А. Приветствие участникам международного круглого стола «Приоритетные проекты интеграционного сотрудничества России и Белоруссии» Россия и Белоруссия: геополитические партнеры и исторические соседи.	91
Самойленко Н.Н. Опыт и перспективы развития молодежного парламентаризма	94
Сулейманов А.Р. Социально-политические особенности евразийской интеграции в системе национальной безопасности	96
Рудман М.Н. Назад — в Федерацию, вперед — в Федерацию	98
Минаков И.П. Формирование правовой культуры молодежи в современной России.	105
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.	108
Терновая Л.О. Региональная идентичность в координатах истории и памяти	108
Соегов М. Пятеро из семидесяти восьмерых (О воинах-туркменах 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза)	118
Бенина Л.И. Четыре пласта российской политической культуры: истоки формирования	124
Минеев Е.М. Традиционализм духовных основ государства как фактор укрепления национальной безопасности России	129
Саитова Э.Ф. Транзит российской федеративной государственности: от СССР к России	135
Каримов Р.Р. Патриотизм как форма общегражданской идентификации россиян	142
Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Проблема творчества в истории философской мысли	147
Сулейманов Т.Ф. Диалектика взаимоотношений религии и искусства	159
CONTENTS	166
АВТОРАМ	176

CONTENTS

THEORETICAL AND CONCEPTUAL FOUNDATION OF FEDERALISM IN THE CONTEXT OF SUBJECTIVITY OF REGIONS	7
Gaiduk V.V., Demyanenko Y.A. Integration of the subjects of the Russian Federation as a political process	7
Glinskaya I.Y. Territorial branding as a mechanism of Russia's brand formation.	15
EUROASIAN OUTLOOK AND POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS IN THE 20TH CENTURY	21
Vakhitov R.R. Russia as a eurasian civilization	21
Minakov P.A. Some problems of formation of the constitutional state in modern Russia	24
Fonaryov M.A. Collapse of the Soviet Union and transformation of the Eurasian Commonwealth: new actuals	26
Oderij A.V. Interethnic tolerance as a basis of multinational states	32
Yamatin A.D. Political oppositions in modern Russia: subjective factor	38
TERRITORIAL DIFFERENTIATION AND REGIONALIZATION IN THE MODERN WORLD	44
Izgina R.E. Theoretical and conceptual grounds of federalism in the context of subjectivity of the regions	44
Sadykov V.N. Federal districts as territorial fundamentals of modern regional policy	50
Zimina E.V. Feature of interethnic dialogue within the framework of the transformational process of the internal political order of the modern egyptian state	57
PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERREGIONAL INTEGRATION	62
Valiullin V.R. Tolerance and political correctness as instruments of interethnic interaction in Federative Russia	62
Mukayev R.I. Ethnopolitical, social and economic features of the subjects in the Russian Federation.....	67
RUSSIA AND KAZAKHSTAN: POLITICAL AND LEGAL, ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL ARGUMENTS OF COOPERATION	75
Unbayeva A.S. Greeting of the participants of international panel discussion «Russia and Kazakhstan: political and legal, economic and sociocultural arguments of cooperation»	78

Nigmatullina T.A.	
Resource providing of a person for the sake of sustainable development	81
Gaiduk V.V.	
Transformation of the russian-kazakhstan relations at the former soviet union area.	84
Suleymanov A.R.	
To the question of international integration in the conditions of globalization: Russia and Kazakhstan	87
PRIORITY PROJECTS OF THE INTEGRATION COOPERATION OF RUSSIA AND BELARUS	89
Nigmatullina T.A.	
Greeting to participants international panel discussion «Priority projects of the integration cooperation of Russia and Belarus». Russia and Belarus: geopolitical partners and historical neighbours	91
Samojlenko N.N.	
Experience and prospects of development of youth parliamentarism.	94
Suleymanov A.R.	
Social and political features of the eurasian integration in the system of national security	96
Rudman M.N.	
Back to the Federation, forward to the Federation	98
Minakov I.P.	
Formation of legal culture of the youth in modern Russia	105
POLITICAL, SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF STATEHOOD	108
Ternovaya L.O.	
Regional identity in the coordinates of history and memory	108
Soyegov M.	
Five from seventy eight (Concerning Turkmen soldiers of the 112th Bashkir cavalry division, awarded the titles of the Heroes of the Soviet Union)	118
Benina L.I.	
Four layers of the Russian political culture: origin of formation	124
Mineev Y.M.	
Traditionalism of spiritual bases of the state as a factor of strengthening of national safety of Russia	129
Saitova E.F.	
Transit of the russian federal statehood: from the USSR to Russia	135
Karimov R.R.	
Patriotism as a form of civil identification of russians	142
Suleymanov T.F., Kashapov U.A.	
Creativity problem in the history of philosophical thought.	147
Suleymanov T.F.	
Dialectics of relationship of religion and art	159
CONTENTS	166
FOR AUTHORS	176

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ

УДК 321(470)

ГАЙДУК Вадим Витальевич,

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: grb@mail.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Юрий Анатольевич,

кандидат социологических наук, ректор Псковского государственного
университета, докторант кафедры национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
e-mail: secret@pskgu.ru

ОБЪЕДИНЕНИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В данной статье рассматриваются особенности федеративной модернизации России (объединение субъектов Федерации, создание федеральных округов). По мнению авторов статьи федеративная модернизация должна носить научно обоснованный характер, взвешенный, системный, базирующийся на понятных обществу принципах и ценностных приоритетах. Удачным в этом смысле является разработка дорожной карты федеративной модернизации России.

Ключевые слова: федеративная модернизация, объединение субъектов, федерализм, федеральные округа, вертикаль власти.

Идея объединения субъектов Российской Федерации, родилась, как это ни странно, в «науке», хотя ее обсуждение в профессиональном сообществе было осторожно-негативным. Прежде всего, пугала непроработанность вопроса о необходимости и последствиях. Намного больше энтузиазма указанная идея вызвала у федеральной власти, как часть «программы» восстановления управляемости страной. Сокращение числа субъектов РФ дополнялось отменой прямой выборности губернаторов, частичной утратой независимости местного самоуправления. Последние лет 7–8 шел негласный переход от федерального к унитарному государству.

Начала выстраиваться долгожданная вертикаль власти. Страна — 7 федеральных округов (на сегодня уже 8) — 30–40 субъектов (как конечная цель) — маломощные муниципальные образования, «выстроенные» губернаторами. В этой простой схеме, по мнению ее авторов, решалась и проблема депрессивных и слаборазвитых территорий: кризисные территории будут объединены с «локомотивами» роста и поднимут их до своего уровня.

Это была еще одна попытка управлять территорией страны как корпорацией (или военной частью) — сильная компания поглощает слабую и делает ее успешной или банкротит. Но эта аналогия не верна в принципе: компа-

ния может обанкротиться, а территория и ее население — нет. Для компании заработная плата — издержки и она должна быть минимизирована, для территории значимая часть валового регионального продукта и, в качестве таковой должна быть максимизирована.

Основная задача большей части федеральных институтов власти, любого субъекта Российской Федерации и большинства муниципий — не удои, урожай, выплавка и добыча, а обслуживание населения. А вот с этой точки зрения никто объединительный процесс не рассматривал. Как и особенности его реализации в большой стране, все еще контролирующей седьмую часть суши.

Управление процессами регионального развития, географизация принимаемых решений — может быть наиболее сложная сфера деятельности государства, ибо требует знания и понимания территории страны. Кроме того, картина усложняется депопуляцией большинства территорий страны, инерционностью процессов регионального развития и т.д. Отсюда и постановка задачи (государством) — упростить объект управления (а не привлечь управленцев, способных понять ситуацию и управлять ею).

Изменение административных границ — процесс для России далеко не новый. Перекройка внутренних границ, территориальные объединения или размежевания, исходя из решаемых административных и экономических задач, всегда использовались в качестве эффективного инструмента внутренней политики. Тем не менее, специфика современных процессов не позволяет их ставить в один ряд с длинным перечнем предшествующих административно-территориальных преобразований, скорее она свидетельствует о сдвигах, как в массовом сознании, так и в подходах к управлению, требуя принципиально новых идей.

Во-первых, принятие решений о территориально-административных преобразованиях стало многосубъектным. Изменение пространственной конфигурации отношений «центр — регионы» всегда инициировалось государственной властью, за исключением коротких периодов революций и смут. Такие решения, хотя и были обоснованы политической или экономической целесообразностью, остротой задач государственного управления, необхо-

димостью обеспечения контроля над территориями и границами, имели волонтаристский характер. Субъект принятия таких решений был один — государство, и никаких споров во круг изменившихся границ не было, и быть не могло, хотя конечно подспудное недовольство существовало. Б. Н. Ельцин своей знаменитой фразой: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», произнесенной им как Председателем Верховного Совета РСФСР (на тот момент, высшее должностное лицо в России) 6 августа 1990 г. во время его выступления в Казани, превратил выражение недовольства в открытый процесс и легитимировал многосубъектность принятия решений об изменениях административно-территориального устройства страны и статуса ее регионов.

Руководство СССР в противостоянии с руководством РСФСР рассчитывало на поддержку региональных политиков, а руководство РСФСР пыталось оставить национальные автономии в составе РСФСР, предоставив им дополнительные полномочия.

30 августа 1990 г. была принята Декларация о суверенитете Татарстана, в котором и была произнесена фраза. В 1994 году был заключен договор между Республикой Татарстан и Российской Федерацией о распределении полномочий. Реально стать полностью независимой от России попыталась только Чеченская Республика, но в итоге, после двух войн, она осталась в составе Российской Федерации.

В книге Бориса Ельцина, «Пятьдесят семь вопросов Президенту России», вышедшей в 1996 году, фраза о суверенитете оправдывается тем, что она, по мнению автора книги, была направлена на остановку сепаратизма автономий и сравнивается с встречным пожаром, применяемым для тушения огня.

Новые возможности были оценены, прежде всего, этническими республиками и автономиями в составе России. На Кавказе вопрос о внутренних межсубъектных границах и отношениях приобрел весьма острое, даже конфликтное звучание.

Вслед за республиками многие области продемонстрировали способность инициировать процессы изменения административно-территориального деления (АТД), как через обмен

районами, так и путем укрупнения (вспомним несостоявшиеся проекты «Уральская республика», «Кавказская республика», «Дальневосточная республика», «Северная республика») или размежевания (Тюменская область, Иркутская область, Красноярский край, Архангельская область и др.). В целом, процессы пошли по пути увеличения числа субъектов, заявляющих о своих правах на самостоятельность, и приобрели необратимый характер. Сегодня возвращение к модели, когда в тиши властных кабинетов принимаются единоличные или корпоративные решения об изменении административной конфигурации регионов страны, уже невозможно. Власть оказалась в «ловушке» демократического закона об административно-территориальных преобразованиях, где прописана обязательность проведения референдумов об объединении. Центру пришлось договариваться с региональными элитами, придумывать экономические и политические компенсации, чтобы вовлечь элиты и население в процесс и обеспечить результат. Возникла принципиально новая ситуация, требующая понимания законов внутренней геополитики и умения балансировать между разными группами интересов. В стране сформировались новые центры влияния, которых не было в советское время. Это не только этнические республики, такие как Татарстан или Чечня, но и крупнейшие города — макрорегиональные столицы, вокруг которых стали формироваться ареалы не только экономического, но и политического притяжения.

Во-вторых, реализация проекта «укрупнения регионов» столкнулась со стремительным ростом регионального самосознания. О региональной идентичности как особом феномене общественного сознания и регионализации как процессе, предшествующем сепаратизму, заговорили практически сразу после распада СССР.

При этом оказалось, что факторы, работающие на укрепление регионального самосознания, имеют самую разную природу. Однако какие бы аргументы ни выдвигались, все они были направлены на одно — обоснование уникальности и привилегированности положения региона, его особой роли в стране. Региональное самоопределение стало частью политики регионального развития, мобилизующей мест-

ное население и внутренние ресурсы, а также способствующей привлечению внешних инвесторов.

Одновременно был открыт публичный диалог между федеральными и региональными элитами о моделях и механизмах взаимодействия центра и регионов. Рост регионального самосознания затронул все слои местных обществ, а не только элиты, имеющие возможность получать несомненные выгоды от привилегированного доступа к ресурсам «своего» региона. Социологические опросы наглядно демонстрировали, что люди, которые вполне позитивно относились к идее объединения регионов, одновременно не хотели бы, чтобы этот процесс затронул их. Рост регионального самосознания заставил власти с крайней осторожностью подходить к проектам реального объединения регионов. Масштаб реализованных проектов не идет ни в какое сравнение с озвученными и обоснованными планами укрупнения субъектов Российской Федерации.

Власти пришлось осторожно тестировать общественное мнение, прибегать не к директивным методам управления, а к бюджетно-финансовому торгу — деньги в обмен на лояльность, или же социально-политическим компенсациям — привилегированные отношения и более высокий статус, повышающий значимость объединенных регионов.

В-третьих, административные преобразования, затрагивающие повседневную жизнь людей, стали невозможны без опоры на общественное мнение. Среди наиболее обсуждаемых тем 1990-х годов были мифический возврат России к состоянию удельных княжеств, утрата управляемости страной, нарастание региональной автаркии и тенденций к сепаратизму, потенциальная угроза «обкрошивания» страны по периферийным рубежам. В списке кандидатов на отделение присутствовали не только республики Северного Кавказа, охваченные вооруженными конфликтами, но и регионы Сибири и Дальнего Востока. Реформа АТД, объявленная в 2003 году и начатая в 2005 году с образования Пермского края, стала ответом на запрос общества и была подготовлена широкой публичной дискуссией при отсутствии знаний о предмете и специалистов (заранее идею не поддержавших). Фактически

проект укрупнения субъектов федерации явился реакцией государства на кризисное состояние российского социума, плохо адаптированного к изменившимся реалиям и новым требованиям, а не был вызван необходимостью решения задач развития страны.

Реформа АТД, как часть государственной политики, апеллирующей к общим интересам, таким как обеспечение целостности страны, преодоление клановости и самоуправства части региональных и локальных элит, достижение большей равномерности развития и социальной справедливости, опиралась на позитивное общественное мнение, но консенсуса достигнуто не было.

Существенно бóльшую поддержку реформе оказала часть экспертного сообщества, которое выдвинуло целый ряд проектов укрупнения регионов и радикального изменения АТД страны. В основу этих проектов были заложены самые разные идеи, такие как:

1) выравнивание налоговой базы регионов и бюджетный федерализм,

2) избавление от статусной асимметрии и отказ от части этнотерриториальных субъектов РФ,

3) совмещение экономических и административных границ страны для снижения административных барьеров экономического роста,

4) обеспечение безопасности страны, создание регионов-форпостов и «тылов»,

5) возвращение к принципу деления на исторические провинции, «земли»,

6) перераспределение ресурсов развития через укрупнение экономической базы регионов и разделение управленческих функций, выполняемых столичными городами, между всеми значимыми центрами,

7) преодоление коррупции через разрушение устойчивых региональных альянсов бизнеса и власти.

Все эти проекты укрупнения регионов не прошли общественной, да и научной/профессиональной экспертизы и имели очень слабый резонанс в СМИ.

Новые социально-политические условия реформирования АТД страны свидетельствуют о том, что различие интересов федерального, регионального и муниципального уров-

ней больше не может сбрасываться со счетов, а возникающие противоречия неразрешимы в рамках системы административного подчинения.

Подход к решению внутригосударственных общественно-политических проблем с позиции силы (административной, экономической или даже военной) эффективен лишь в очень ограниченных пределах, поскольку приводит к появлению «выигравших» и «проигравших». Конфликт не исчезает, а переходит в латентное состояние, проигравший (или проигравшие) не смиряются со своим положением и ищут способы компенсации своих потерь. Для общества в целом такой проигрыш оборачивается новыми проблемами и значительными потерями в будущем. Для подтверждения этого тезиса не обязательно прибегать к примерам двух чеченских войн, достаточно обратиться к практике параллельной реализации в стране таких масштабных проектов, как объединение регионов и муниципальная реформа. В условиях, когда объединение регионов трактуется не как «ликвидация» субъектов, а как их территориальная интеграция и вовлечение в процессы развития в соответствии с историей и сложившейся социальной и экономической практикой, проблемы асимметрии федерации и неравномерности территориального развития никак не решаются. Она лишь «спускаются» ниже этажом, на муниципальный уровень.

Экономически слабые субъекты становятся экономически слабыми муниципальными образованияами, но при этом теряют значительную часть внимания федеральных властей (источник государственной региональной политики и адресной поддержки), растворяясь в «материнском» регионе. Вечная дилемма: кого поддерживать — слабых или жизнеспособных, в условиях дефицита ресурсов решается в пользу последних. Соответственно и слабые районы, утратившие субъектность и лоббистские возможности, усиливают свою социально-экономико-политико-культурную периферийность и лишаются надежды хоть когда-то выбраться из бедности. Не будем забывать, что главным аргументом в пользу объединения был ожидаемый экономический рост и инвестиции, которые должны были компенсиро-

вать снижение статуса. Но что можно обещать рядовому дотационному району, когда и «доноры» теряют экономическую устойчивость в условиях кризиса.

Еще хуже дело обстоит с этническими проблемами, поскольку вместо национальных автономий возникают национальные районы, но общая конфигурация административных отношений позволяет в любой момент восстановить предшествующий *status-quo*. Ведь бывшие автономии сохранились (во всяком случае, на бумаге) как выделенные административно-территориальные образования внутри «материнского» региона, более того у них остается некое подобие правительства. Это своего рода полуполитимные фантомы, поскольку в российском законодательстве статус внутрирегиональной автономии не предусмотрен.

Еще один подводный камень кроется в попытках одновременного использования демократических и авторитарных процедур управления. Конечно, российское население еще не научилось пользоваться таким важнейшим и реально полезным для людей демократическим институтом, как местное самоуправление, не осознало свои права. Но ведь когда-то это произойдет, и чем меньше у федерального центра будет ресурсов, чтобы «подкармливать» местных руководителей и национальные элиты, чем острее будет необходимость самостоятельного поиска путей выхода из разнообразных критических ситуаций, тем скорее это случится. Невыполнение или даже частичное выполнение центром своих обещаний, данных при объединении регионов, поставит не только местные элиты, но и местные сообщества в положение обманутых, усилит недоверие к власти и запустит цепную реакцию протестов. Современный экономический кризис явно подталкивает к такому сценарию развития событий.

Отнимая у региональных элит «легкие деньги», он будет настойчиво выталкивать их в политику, заставляя бороться не только за финансы, но и за ресурсы поддержки и популярности. Такая борьба вновь актуализирует задачу децентрализации власти и передачу больших полномочий регионам, а от регионов местному самоуправлению.

Если отвлечься от корыстных выгод и коррупционных схем, тесно связанных в общественном сознании с правящими элитами и чиновничеством всех уровней, а также выстраивания стратегий личного карьерного роста, интересы разных групп власти сильно отличаются. Даже приблизительный перечень интересов федеральных, региональных и муниципальных элит показывает наличие лишь немногих точек соприкосновения. Хотя власть осторожно начала процесс объединения с автономных округов, не до конца перерезавших пуповину исторической памяти, связывающую их с советскими «матрешечными» краями и областями, она столкнулась с сопротивлением региональных элит.

Практически во всех случаях законодательные собрания и «материнских», и «дочерних» субъектов не видели целесообразности в интеграции такого рода. Из всего арсенала политических аргументов, позволяющих обеспечить согласие регионов на объединение, были выбраны три, наименее рискованные с точки зрения Центра. Это увеличение инвестиций и бюджетных отчислений, реализация социальных программ и личный карьерный рост. Следовательно, компромисс между интересами федерального, регионального и муниципального уровня состоит в увеличении расходов Центра на сохранение привилегий одних и компенсацию потерь других, это выливается в значительное увеличение (а не сокращение) отчислений «на содержание» регионов.

Ставка на меркантильную мотивацию поведения региональных элит и политический торг как главный способ обеспечения лояльности приводит, с одной стороны, к завышению «стоимости» понесенных местными элитами политических и экономических потерь от объединения, а с другой, к раздаче невыполнимых обещаний, особенно в сфере социальных обязательств и прогнозов роста благосостояния. В результате, федеральная власть становится легкой добычей критики со стороны оппозиции и утрачивает свою выгодную роль третейского судьи в конфликтах местной власти и населения. Ослабление доверия к Центру неизбежно влечет за собой усиление сепаратистских настроений, вопреки интенциям к интеграции страны, заложенным в идею объединения.

Даже такие мощные и легко конвертируемые управленческие инструменты как «власть» и «деньги», к сожалению, подвержены инфляции. Дело не только в периодически случающихся экономических кризисах, росте и падении цен на природные ресурсы и энергоносители, но и в модернизации общества, которое в самые непредсказуемые моменты теряет свое долготерпение и покладистость. «Человеческий капитал», не имея возможности реализоваться на месте, мигрирует туда, где такие возможности есть. Компенсировать это инвестициями в модернизацию экономики невозможно. К тому же и сами финансовые вливания в экономику в отсутствие местных квалифицированных кадров сомнительны, поскольку «завоз» не только профессионалов, но даже дешевой рабочей силы обходится дорого, влечет за собой сопутствующие траты на социальную сферу и снижает отдачу инвестиций. Если же этого не делать и стремиться к повышению экономической эффективности, то развитие приобретает характер внутренней колонизации.

Таким образом, согласование интересов элит при помощи механизмов административного подчинения и финансовых компенсаций, оставляет без внимания куда более широкий круг внеэкономических управленческих проблем, возникающих при объединении регионов.

В их числе непубличность политики и закрытость власти, противостояние национально-государственной, региональной и этнической идентичностей, существенные этнокультурные и территориальные различия, диктующие необходимость развития федеративных отношений, гражданское несогласие, усложнение структуры общества и поведенческих мотиваций людей, и прочее. Груз субъективных факторов, составляющих фон объединения, до определенной степени компенсируется объективным улучшением экономических показателей региона и повышением уровня жизни людей, но он сразу дает о себе знать при появлении первых признаков ухудшения экономической динамики и росте требований людей, предъявляемых властям разного уровня.

На основании анализа сложившейся практики образования Забайкальского, Камчатского, Красноярского, Пермского краев и Ир-

кутской области путем их объединения, можно обозначить следующие проблемы реализации объединительного процесса субъектов Российской Федерации:

– на уровне вновь образованных субъектов Российской Федерации не определен конституционно-правовой статус вошедших в их состав «автономных округов», они не являются ни полноценными административно-территориальными единицами, ни муниципальными образованиями. В правоприменительной практике возникает неопределенность с термином «административно-территориальная единица с особым статусом» в составе вновь образованных субъектов Российской Федерации;

– образование новых субъектов Российской Федерации повлекло за собой появление новых правовых систем субъектов Российской Федерации (правовая система Пермского края; правовая система Красноярского края; правовая система Камчатского края; правовая система Иркутской области; правовая система Забайкальского края) и новых систем законодательства субъектов Российской Федерации, а также принесло существенные изменения в законодательство объединившихся субъектов Российской Федерации, что требует устранения правовых коллизий между системами законодательства объединившихся субъектов Российской Федерации;

– системы законодательства субъектов Российской Федерации характеризуются как несовершенные: имеются пробелы, обусловленные отставанием от изменений, происходящих в социально-экономической сфере и в федеральном законодательстве.

Следовательно, в результате анализа практики образования Забайкальского, Камчатского, Пермского, Красноярского краев и Иркутской области путем объединения можно выявить следующие тенденции дальнейшего развития федеративных отношений в Российской Федерации, носящие как позитивный, так и негативный характер:

– в результате объединения субъектов Российской Федерации нарушен один из исторически сложившихся принципов федеративного устройства Российского государства — построение Российской Федерации на сочетании

территориального и национально-территориального начал. В результате может произойти столкновение национальных интересов народов, проживающих на территории вновь образованных субъектов Российской Федерации, что может коснуться вопросов, связанных с государственным суверенитетом Российской Федерации;

– в Российской Федерации в качестве вектора развития федеративных отношений определен такой способ как образование нового субъекта Российской Федерации путем объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации. Следовательно, развитие федеративных отношений осуществляется пока только в одном направлении, что существенным образом ограничивает возможности конституционного развития России как федеративного государства, несмотря на то, что сама Конституция Российской Федерации не ограничивает способы образования нового субъекта Федерации;

– ущемлены интересы коренных малочисленных народов, проживающих на территории вновь образованных субъектов Российской Федерации. Ранее существовавшие субъекты Российской Федерации в результате объединения прекратили свое существование, в результате чего народы, проживающие на территории автономных округов, утратили представительство в федеральных органах законодательной власти, что напрямую связано с реализацией представительной демократии в России, а также может привести к национальным и межэтническим конфликтам.

К сожалению, процесс объединения субъектов Российской Федерации не подкреплен научно. Не проводится политический мониторинг, истинные политические процедуры объединительного процесса не проводятся. Для меня, например, является очевидным тот факт, что объединение субъектов должно проходить по собственной воле населения, проживающего в конкретном регионе. Здесь нельзя оперировать общим методом, уравниловка недопустима как в политическом плане, так и чисто в человеческом. Если возникает реальная потребность в объединении, то должен проводиться референдум по этой проблематике. Вы когда-нибудь слышали, что подобный вопрос

поднимался в регионах. А это, между прочим, конституционный процесс.

Хотелось пояснить сразу, что мы не критики, и не сторонники объединительных реформ. Ключевое здесь другое. Во-первых, этот процесс должен не просто формально регламентироваться конституционными нормами, Конституция РФ должна стать в нем ключевым механизмом, если хотите знать основным инструментом этих мер, посредством проведения референдума. Во-вторых, это решение должно быть инициировано населением этих регионов, а не федеральной или региональной элитой. В этом смысле особое внимание должно быть уделено населению и органам муниципалитета. В-третьих, объединение не должно проходить «поголовно». В связи с чем не применимы какие-либо общие правила. Регион региону рознь.

Вы никогда не задумывались о том, почему объединение субъектов РФ началось не на окраине, а почти в самом центре (Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ объединились в Пермский край). Ведь гораздо целесообразнее начать объединение по пограничным территориям, окраинам. Или почему не объединяют российские республики.

Например, давно уже ходят разговоры об объединении Республики Башкортостан и Оренбургской области. Да потому, что объединение полиэтнических федераций с подобными или даже более или менее моноэтническими приведет к обострению межэтнических и межнациональных конфликтов. И тогда станет понятно, что объединительная парадигма проходит не по воле многонационального русского народа, а по каким-то иным причинам. Или же взять проблему Москвы и Московской области. Вы видите, как предпринимаются попытки их объединить, которые, в конечном счете, если произойдут, то приведут к непоправимым последствиям. Нетрудно предположить, как негативно настроены к подобным процессам москвичи, как они без желания делятся «московским статусом». Вопросы и проблем действительно много. Или взять проблемы Псковской и Новгородской области. Это два совершенно разных исторических уклада, и поверьте — люди от объединения не станут счастливее, только более озлобленнее.

Вот и 20 лет исполняется нашей Конституции. А отражает ли она сегодняшней федеративной природе нашего государства. Это большой и дискуссионный вопрос. Федеральные округа, введенные как вынужденная реформа в укреплении целостности государства еще в начале 2000 года, так и не нашли конституционного закрепления. В связи с чем возникает вопрос: Почему? Или 13 лет оказалось мало, чтобы понять, для чего они нужны. Если нужны, то они должны быть закреплены в Основном Законе страны, если нет, то это уже другой вопрос.

Действительно очень много вопросов витает в области федеративного строительства нашего государства. Мы, например, за осознанную федеративную политику нашего государства, подкрепленную наукой, нашими с вами целостными прогнозами и анализами. Мы убеждены, что должна быть выработана дорожная карта федеративной модернизации страны, взятая не с потолка, а взвешенная и обдуманная. Иначе наука так и будет лишь констатировать факты, обесцениваясь и проедаясь в очередных академиях или научно-исследовательских структурах.

УДК 32(470)

ГЛИНСКАЯ Ирина Юрьевна,
доктор политических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»
e-mail: irina_glinskaya@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ — МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА РОССИИ

В статье «Территориальный брендинг как механизм формирования бренда России» говорится о маркетинговых технологиях продвижения территорий. Поскольку бренд государства не может существовать в отрыве от региональных и городских брендов, программы брендинга необходимо начинать с них. В качестве примеров автор приводит программы Карелии, Вологодской обл., Мордовии, Костромской обл. и др., где развиваются такие направления, как агротуризм, экотуризм и этнотуризм. Развитие региональных брендов окажет позитивное влияние и на национальный бренд «Россия».

Ключевые слова: бренд, территориальный брендинг, агротуризм, экотуризм и этнотуризм.

Недавно появившееся в России направление — территориальный брендинг, успешно развивается. Однако для результативности кампаний по продвижению брендов территориальных единиц (деревень, городов, регионов, макрорегионов и страны в целом) необходим анализ возможностей, состояния массового сознания, общественного мнения, особенностей культурно-исторического развития, менталитета, традиций и обычаев, религий, существующих на территории данной страны. Национальный бренд — это не только специфические товары, производимые в стране, но и все символы, имена и достопримечательности, вызывающие устойчивые положительные ассоциации. Национальный российский бренд должен представлять нашу страну как государство, обладающее уникальным потенциалом в области производства товаров и услуг, с богатым научным и образовательным потенциалом, культурными традициями, природно-рекреационными ресурсами. Для того, чтобы создать такой бренд, необходимо начать с создания брендов регионов и привлечь туда инвестиции для развития инфраструктуры. Его подготовка требует профессионального маркетингового подхода, столь отличающегося от традиционных взглядов на социально-экономическое развитие.

Бренд государства не может существовать в отрыве от региональных и городских брендов. «В одних странах бренд государства задает стандарты, на основе которых развиваются маркетинговые программы его территориальных единиц, а в других странах, наоборот, региональные бренды формируют фундамент, на котором затем вырастает национальный бренд» [3, с. 52]. Россия уже подошла к разработке программы государственного бренда, поскольку существует ряд программ территориального брендинга, которые успешно реализуются.

Например, г. Мышкин привлекает туристов не только из России, но и из многих стран зарубежья благодаря успешному брендингу. «В концепции бренда должна быть мощная национальная составляющая, которая апеллирует к жизненным ценностям целевой группы» [5]. Однако бренд-имиджи городов и регионов могут позитивно восприниматься жителями зарубежных стран по ряду показателей, в то время, как в целом, имидж России пока воспринимается негативно, поскольку он конфликтует с негативными стереотипами, существующими в этих странах. Поэтому параллельно с созданием брендов территориальных единиц, необходимо вести работу по изменению стереотипов и влиянию на общественное мнение зарубежных стран.

По мнению одного из ведущих специалистов в области территориального брендинга А. Стася, в России существует множество различных типов территорий, к которым может быть успешно применен брендинг:

- Сама Россия как одна из самых многоликих, противоречивых стран, оказавшая влияние на развитие человечества и вобравшая в себя множество различных этнических и религиозных культур, природных ресурсов и обычаев;

- Макрорегионы, часть из которых совпадает с современными федеральными округами (Сибирь, Дальний Восток, Урал, Поволжье);

- Регионы, совпадающие с субъектами федерации, например, Тамбовская область, Чукотка, Красноярский край;

- Города — большие и малые, которых в России около тысячи;

- Некоторые деревни и поселки, которые могут стать объектами брендинга [3, с. 185].

Важно понимать, что брендинг города, региона, в отличие от брендинга товара или услуги не требует обязательной массивированной рекламной компании, а может проводиться с помощью тех же экономических, культурных, социальных мероприятий, что традиционно проводят администрации городов и регионов. Но эти мероприятия должны быть структурированы и реализованы так, чтобы усиливать бренд города или региона.

Среди важных проблем маркетинга города, муниципального образования также можно отметить следующие:

- управление развитием городского, муниципального потребительского рынка, условиями торговли, рациональное использование налога с продаж;

- подготовка городских кадров маркетологов и маркетинговое образование горожан, представителей мелкого бизнеса, муниципальных предприятий и органов местного самоуправления, маркетинговое информационное и консультационное обеспечение муниципальных образований;

- развитие городских маркетинговых коммуникаций, в т.ч. разработка, популяризация и использование городской символики — флага, герба, гимна, словесных символов, городских наград; разработка и реализация правил создания, размещения и оплаты городской ре-

кламы; управление имиджем города; развитие городских интернет-коммуникаций;

- радикальное повышение действенности выставочно-ярмарочной и другой презентационной активности, сфер транспорта, связи, туризма и гостеприимства [2].

Если рассмотреть формирование имиджа российских макрорегионов на основе технологии брендинга, то продукция в основном имеет свою идентичность, обусловленную местом происхождения. Например, бренд рыбной продукции «Дальпико» уже в своем названии ассоциируется с Дальним Востоком, богатом рыбой и морепродуктами. Туристическое направление пока недостаточно развито в макрорегионах.

Россия может быть мировым лидером *эко-туризма*, поскольку обладает уникальными природными возможностями, но нужны усилия государства, бизнеса и структур гражданского общества, чтобы этот потенциал превратился в ресурс развития российской экономики. Одним из мировых центров *эко-туризма*, зимних видов спорта могла бы стать Сибирь. Дальний Восток мог бы стать местом проведения морских регат, центром гольф-туризма. Поволжье обладает историческими, культурными и природными ценностями, интересными как для российского, так и зарубежного туризма. Нижегородский монастырь, Нижегородская ярмарка, Плес, — места, привлекательные для посещения. Большое количество крупных городов с развитой инфраструктурой дают возможность для развития имиджа региона, хорошего для проживания и привлекательного для студентов и мигрантов.

Поскольку Россия представляет собой объект территориального брендинга, следует рассмотреть его инструменты:

- проведение фестивалей, конкурсов, выставок, конференций;

- празднование юбилеев исторических и культурных событий;

- возрождение местных традиций и обычаев;

- разработка новых туристических маршрутов;

- актуализация региональных брендов;

- создание новых территориальных маркетов;

- разработка символов территорий (в т.ч. гербов, гимнов и пр.);
- создание памятников и архитектурных комплексов;
- создание кинофильмов, театральных постановок, выпуск краеведческой литературы;
- персонификация территории через знаковую фигуру — политика, писателя, исторического деятеля.

Такой проект уже используется для продвижения бренд-имиджа Северо-западного округа. Большое значение приобретает сегодня российская геральдика. Внося вклад в социально-экономическое развитие государства, тем самым, способствует его укреплению. «Символ выступает историко-культурной зоной, сформировавшей образное целостное пространство каждого отдельного города в единстве всех его социально-политических составляющих» [4], — считает специалист в области геральдики Г.А. Туник.

В условиях рыночной экономики коренным образом изменился механизм и содержание государственного управления региональным развитием. Децентрализация государственного управления экономикой страны привела к повышению значимости регионального уровня регулирования экономических процессов. Органы местного самоуправления должны стимулировать и регулировать инвестиционные процессы, формировать благоприятные условия для привлечения необходимого объема инвестиций. Сегодня власти регионов все активнее идут на прямые контакты с инвесторами на профильных мероприятиях и демонстрируют инвестиционную привлекательность за счет прозрачных показателей, низких рисков, высокого потенциала и готовности оперативно решать проблемы инвесторов. Среди стратегических инвесторов региона: деловое сообщество и государство; жители региона и туристы. В Северо-Западном Федеральном округе (СЗФО) можно говорить о выделении отдельной целевой группы — иностранных инвесторах.

Приграничный статус регионов этого округа позволяет им активно работать с иностранными инвесторами-соседями в рамках таких мероприятий как Международные: Ганзейский форум в г. Великий Новгород, Экономический форум Заполярья в г. Мурманске и даже Фо-

рум представителей малого и среднего бизнеса региона Юго-Восточная Финляндия и Ленинградской области, который проходит непосредственно в Финляндии (Коуволла). Позиции в различных экономических и инвестиционных рейтингах у большинства регионов округа стабильны и находятся в зоне «минимального инвестиционного риска».

Безусловным лидером стал Калининградский регион, пресса назвала его «экономическим чудом Балтики». Рост промышленного производства и иностранные инвестиции, обеспечили «Янтарной провинции» лидирующее место среди регионов России по экономическому подъему. Еще один вектор развития туристической индустрии Калининградской области — превращение из «янтарной провинции» в «янтарную столицу». Следующим этапом может стать реализация такой цели, как «занятие лидирующих позиций на мировом рынке янтаря». Власти активно инвестируют в Центр народно-художественных промыслов «Город мастеров» в поселке Янтарный и делают все, чтобы этот район привлекал зарубежных туристов.

В целом, же по сравнению с Центральным Федеральным округом, конкуренция между отдельными регионами СЗФО носит менее острый характер — слишком велики географические, климатические и национальные различия, резко отличаются экономический потенциал и политический статус субъектов округа. Практически у каждого из регионов есть своя ниша и в экономическом пространстве, и в туристическом бизнесе.

Так, о своем агропромышленном потенциале неоднократно заявляли на страницах СМИ власти Вологодчины и Калининграда, чьей визитной карточкой давно уже стала молочная продукция. Власти акцентируют внимание потребителей на традиционном качестве и информируют деловое сообщество о высоком экономическом потенциале своих регионов и многолетнем успешном опыте в производстве продуктов питания. За портфель государственных заказов в области судостроения борются Мурманск и Архангельск. Архангельская область также занимает одно из ведущих мест среди лесных регионов России, и сегодня активно соперничает с Карелией за инвестиции в лесопромышленной сфере. А в план регио-

нальных властей Мурманска входит «возрождение статуса Мурманска, как рыбной столицы Заполярья».

Сегодня многие регионы, заново осмысливая перспективы развития туризма, выделяют эту отрасль, как одну из важнейших в формировании благоприятного имиджа края, привлечении инвестиций и ресурсов для развития. Высокий потенциал отрасли ведет и к обострению конкурентной борьбы — регионам СЗФО приходится формулировать уникальные предложения на фоне весьма конкурентноспособных предложений соседних регионов. Масштабным планом у Калининграда является трансформирование региона в туристический центр России на Балтийском море — Северным курортом страны.

Республика Карелия стала одним из пионеров в области *агротуризма*. Республики Коми и Карелия, развивая индустрию туризма, делают ставку на уникальные памятники природы, заповедники, богатства флоры и фауны — туристов приглашают посетить «красивейшие таежные озера с богатой рыбалкой и уникальными пляжами». В 2008 году республика Коми вышла на федеральный уровень и представила свой природный памятник «Столбы выветривания» на горе Маньпупунер в Троицко-Печорском районе на конкурс «Семь чудес России». Победа, которую одержала Коми в столь необычном и масштабном конкурсе повысит интерес российских и зарубежных туристов к прекрасному краю.

В Финляндии был отмечен всплеск интереса к карельскому языку и наряду с ностальгическими турами в Приладожье, финские фирмы стали организовывать поездки в старинные карельские села в Олонецком и Пряжинском районах, а также в знаменитые рунопевческие деревни на севере республики. В планах республиканских властей продвижение таких многообещающих брендов региона, как шунгиты, порфирит, беломорская сельдь и повышение известности и туристической привлекательности Петрозаводска, островов Кижы и Валаам, национальных парков «Водлозерский» и «Паанаярви», российского курорта «Марциальные воды».

В то же время, многие регионы сегодня испытывают трудности в привлечении туристов.

Например, Камчатка славится своими горячими источниками и богатством даров природы, однако, чтобы добраться до Петропавловска-Камчатского, необходимо потратить не менее 30 тыс. руб. Стоимость воздушных перевозок сегодня очень высока, что затрудняет развитие туризма в стране. Необходимо снижение транспортных тарифов в рамках туристических проектов. Это даст возможность россиянам посетить самые дальние уголки страны, привлечь туристов из зарубежных стран, что благоприятно повлияет на развитие регионов.

За последние годы в регионах СЗФО создан целый ряд интересных новых проектов. Среди них, Великий Устюг (Вологодская область). В 2013 году здесь отмечали 15-летие проекта «Великий Устюг — родина Деда Мороза». Строительство культурного центра «Дворец Деда Мороза», интерактивного музея «Монетный двор Деда Мороза», международного центра «Планета детства», спортивного комплекса «Ледовый центр Деда Мороза», усилили значимость бренда. Инвестиции со стороны среднего бизнеса успешно реализуются в этих проектах.

Проект «Дед Мороз» предоставляет возможность реализации и других проектов, включающих туристические маршруты — поездки по святым и живописным местам, праздник «Русского Лаптя» и др., которые проходят на вологодской земле. Не все исторические символы края, формирующие ассоциативный ряд с региональной культурой сохраняют свою актуальность и привлекательность. Необходимо внедрять новые символы, чтобы привлечь молодежь. Для этого необходимо проводить рекламные кампании с освещением их в СМК.

Президент Российской Федерации В. Путин осуществляет личный контроль над продвижением брендов Санкт-Петербурга, Сочи и Владивостока. Известно, что по его поручению Владивосток был выбран местом проведения в 2012 года саммита АТЭС — влиятельной геополитической структуры. Это позволило не только улучшить инфраструктуру о. Русский, построить мост до побережья, но и открыло возможности Владивостоку, к административной границе которого относится остров, для эффективного брендинга.

Сочи, столица предстоящей зимней Олимпиады 2014 года, находится сегодня в центре

информационного поля. Город, объединяющий уникальные климатические, ландшафтные и культурные явления, это не только спортивная площадка, он способен объединить политиков, бизнесменов, деятелей науки, культуры, образования большинства стран мира. Олимпийские и Паралимпийские зимние Игры, выразят характер новой России и принесут ей позитивные изменения.

По данным исследовательской компании Global Market Inside, занимающейся изучением национальных и территориальных брендов, в опросах среди 15000 потребителей, проведенных в 2009 году в 20 странах мира, Санкт-Петербург занял 40-е место. «Бренд нашей Северной Пальмиры оказался сильнее карнавала Рио-де-Жанейро, секретов Шанхая, романтики Гаваны, одухотворенности Иерусалима и даже «столичности» Москвы, которую зарубежные потребители поставили на 48-е место» [1]. Город привлекает туристов из других регионов России, зарубежных стран, однако необходимы инвестиции, которые пойдут на реконструкцию города, социальные выплаты, культурные мероприятия, чтобы поддерживать бренд.

Программа развития бренда проходит и на Костромской земле — родине пяти российских царей (Борис и Федор Годуновы, Царь-самозванец Лжедмитрий I, Василий Шуйский, Михаил Федорович Романов). Историческое прошлое России удачно используется в программе брендинга. Города и села Костромской области также разрабатывают и продвигают свои бренды. Сусанинская тропа — уже признанный бренд. Нерехта — музей под открытым небом, Кадый — родина Флоренского и Тарковского.

Республика Башкортостан сегодня открыта для сотрудничества с крупным бизнесом и инвестиционным сообществом. Это подтверждает соглашение с ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», согласно которому будут увеличены объемы закупок промышленного оборудования в Башкортостане. Соглашение также предусматривает взаимодействие в социальной сфере. На территории Абзелиловского района республики расположены два горнолыжных центра ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат». Со стороны комби-

ната продолжится финансирование строительства автомобильных дорог, которые связывают приграничные районы между Челябинской областью и Башкортостаном [6]. В число районов, где уже активно развивается предпринимательство, входят Хайбуллинский, Белебеевский, Уфимский, Янаульский районы, города Агидель, Уфа, Октябрьский, Нефтекамск.

Республика имеет хорошие возможности для развития *экотуризма* и *оздоровительного туризма*. На территории республики находятся оздоровительные здравницы и исторические памятники. Разработка программы брендинга региона, с учетом национальных особенностей и культурно-исторических ценностей края, способствовала бы привлечению инвесторов и туристов, как из России, так и из зарубежных стран.

Республика Мордовия, которая входит в состав Приволжского федерального округа, имеет все шансы для разработки своего бренда. История этого края уходит корнями в XVII в., когда возникли поселения стрельцов и казаков. Здесь собирали свои войска С. Разин и Е. Пугачев. Знаменитые деятели культуры, такие как поэт А. Полежаев, современник А. Пушкина, художник Ф. Сычков, ученик И. Репина, композитор Л. Воинов создавали свои произведения в Мордовии. В Мордовском университете преподавал известный русский философ М. Бахтин. Стратонавты А. Васенко, П. Федосеенко и И. Усыскин в 1934 году поднялись на высоту 22 км в Инсарском районе Мордовии.

Красивейшие памятники культуры — древние монастыри, находятся на территории республики. Г. Саров знаменит Саровской пустыней, которую называют «академией монашества». Известные деятели церкви: Патриарх Никон, иеромонах Саровского монастыря преподобный Серафим родились и жили в этих местах. Столица республики — г. Саранск имеет древнюю историю. Герб г. Саранска был утвержден Императрицей Екатериной II в 1781 году. Символы, изображенные на нем — красная лиса и стрелы, олицетворяют богатую охоту на пушного зверя. Герб менялся, но его первоначальный вариант был возвращен в 1994 году. В Мордовии успешно развиваются и народные промыслы: резьба по дереву, вышивка,

плетение бисером, валяние валенок и плетение лаптей. В 1997 году в г. Саранске был открыт Дом народных ремесел. Мордовские музыкальные коллективы — «Умарина», «Торамма», «Келу», известны не только в республике, но и за рубежом. Поскольку мордовский язык относится к угро-финской языковой группе, руководители соседней страны — Финляндии проявляют интерес к мероприятиям культуры и искусства, посещают фестивали народных песен и танцев, выставки-ярмарки народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов (Мордовии, Марий Эл, Чувашии). В республике развивается *экотуризм*, поскольку она знаменита национальными заповедниками с богатой флорой и фауной.

Если разработать экскурсионные маршруты для иностранных туристов с посещением народных промыслов, совместив их с посещением храмов, исторических памятников, то увеличится поток туристов, а затем, и приток инвестиций для реконструкции мастерских, строительства гостиничных комплексов, появятся новые рабочие места, тем самым, территориальный брендинг получит развитие по всей России. Такие маршруты могут проходить по «Золотому кольцу», «Калужскому тракту», Карелии, Костромской, Владимирской, Тверской, Вологодской областям, Мордовии, Башкортостану, Татарстану, Чувашии и другим территориальным единицам России.

Необходимо открывать дорожные туристские комплексы (ДТК), включающие современные кафе, где туристам предлагают блюда национальной кухни официанты в национальных костюмах под звуки национальной музы-

ки, созданы условия для отдыха и развлечений. Необходимо поддерживать традиции народов, населяющих республики России. *Этнотуризм* — направление, которое может привлекать зарубежных туристов, поэтому России необходимо его развивать в ближайшие годы.

Недостаток информации в СМК о традициях региона — это главная проблема, которую необходимо решать с помощью информационных технологий. Интернет сегодня стал неотъемлемой частью жизни любого государства, это среда, где можно черпать информацию и о состоянии общества в целом и о развитии территориальных брендов. Социальные сети — канал привлечения молодежной аудитории к региональным брендам, который необходимо использовать в условиях построения информационного общества в России. С развитием региональных брендов сможет развиваться и бренд России, а это значит, что ее авторитет на международной арене будет возрастать и укрепляться.

Литература

- [1] Бренд-Менеджмент. — 2007. — № 1 (32).
- [2] Панкрухин А.П. Маркетинг города, муниципального образования // Рекламодатель: теория и практика.— 2002. — № 1.
- [3] Стась А.К. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. — М., 2009.
- [4] Туник Г.А. Современная российская геральдика в условиях политической модернизации. — М., 2008. — С. 378.
- [5] Шарков Ф.И. Магия бренда. Брендинг как маркетинговая коммуникация. — М., 2006. — С. 23
- [6] URL: <http://www.bashkortostan.ru>

ЕВРАЗИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В XXI ВЕКЕ

УДК 327(470)

ВАХИТОВ Рустем Ринатович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО

«Башкирский государственный университет»

e-mail: metodology@mail.ru

РОССИЯ — ЕВРАЗИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы существования евразийской цивилизации с учетом анализа климатических условий, особенностей культурной жизни и исторических традиций народов, населяющих Россию.

Ключевые слова: евразийская цивилизация, евразийство, географическое пространство, местороазвитие.

Часто можно слышать о том, что Россия представляет собой единый культурный мир и что все народы, входящие в нее, составляют одну своеобразную, непохожую ни на Европу, ни на Азию цивилизацию. Однако как правило это не выходит за рамки публицистических эмоциональных деклараций. Вместе с тем еще в начале XX века группой российских ученых-эмигрантов (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, Э. Хара-Даван и др.) была разработана научная концепция, которая, опираясь на анализ географически-климатических особенностей российско-советского пространства, культурной жизни его народов и их исторических традиций, доказывала существование евразийской цивилизации. Концепция эта получила название евразийство. Какие же аргументы выдвигали создатели евразийства?

Прежде всего, они исходили из того, что Россия представляет собой единую географическую ойкумену. Евразийцы вслед за представителем русской географической школы XIX века профессором В. Ламанским отказывались делить территорию России-СССР на две

части — Европейскую и Азиатскую и считать водоразделом между ними Уральские горы. Они отмечали, что и до, и после Уральских гор наблюдается один и тот же ландшафт, одни и те же почвы, одна и та же флора и фауна (а именно, смена с севера на юг полос тундры, леса, степи и пустыни и соответствующих им флоры и фауны). А вот по границе между зарубежной Восточной Европой и Россией или Россией и зарубежной Азией проходят климатические и географические линии демаркации («отрицательная и положительная изотермы января»). Отсюда евразийцы делали вывод, что вся эта территория образует единый цельный географический мир, «местороазвитие» наших народов, отличное как от Европы, так и от Азии, которое они предложили назвать Евразия (внося в это слово иной смысл, чем обычно вносит географическая наука).

Итак, народы Российской империи и СССР объединяло, объединяет и будет объединять общее географическое пространство, или как выражались евразийцы местороазвитие.

Однако Европа и Азия имеют значение не только географических, но и особых культур-

ных миров. Исходя из этого, российско-евразийский мир также должен представлять из себя специфическое культурное образование. Субъект евразийской культуры евразийцы называли многонародная евразийская нация. В разные времена эта многонародная нация включала в себя разные народы и народности, но в последние 1000 лет главнейшими ее элементами являются восточные славяне (русские, украинцы, белорусы), и туранцы (тюрки, финно-угры, монголы, народности Севера и т. д.).

Что же общего между, скажем, русским и узбеком? Казалось бы, они не только по культуре, но и антропологически чрезвычайно далеки друг от друга. Евразийцы писали, что такое впечатление создается, если только мы берем крайние типы «евразийской нации» и совсем иначе все будет выглядеть, если мы рассмотрим ее в целостности. Если мы восполним «пробел» между узбеком и русским и рассмотрим последовательно тип казаха, башкира, татарина, украинца, русского, то мы обнаружим связующие звенья между «азиатской» и «европейской» крайностями евразийского типа.

Мы можем говорить далее и о культурном единстве в многообразии евразийской многонародной нации. Евразийцы особо подчеркивали, что все народы, населяющие месторазвитие Евразия, отличает традиционный уклад жизни, немеркантильное понимание смысла и цели жизни, религиозность, тесно связанная с формами быта («бытовое исповедничество»).

Евразийцы отмечали также и определенный параллелизм в религиозных субкультурах евразийских народов. Речь при этом не идет о некоем «единстве» самих традиционных религий Евразии — православия, ислама и буддизма. Безусловно, в смысле догматическом они различны и несовместимы. Речь о другом — о переключке в культурном слое восточнославянского православия, тюркского и кавказского ислама и бурятского и монгольского буддизма. Согласно евразийцам и восточнославянскому православию, и тюркскому и кавказскому исламу, и бурятскому и монгольскому буддизму свойственны схожие ориентации — идеи подчинения всего строя жизни религии, мистицизма, покорности человека Высшей Воле (как ее ни называть: Промысел Божий, судьба или карма).

Итак, целый ряд черт национальных культур России-Евразии — от мировоззренческих до бытовых позволяют их объединить в один культурный субъект. Также как и французы, и немцы, и испанцы при всех различиях между ними относятся нами к одному типу европейцев, также и русские, украинцы, татары, таджики, узбеки и т. д. составляют тип жителей России-Евразии, евроазиатов.

Связывает наши народы и общая историческая судьба. Историк-евразиец Г.В. Вернадский обратил внимание на то, что на протяжении всей известной нам истории народы, населявшие и населяющие месторазвитие, Евразия, при всех противоречиях между ними, рано или поздно объединялись в одно, единое государство (скифская держава, Золотая Орда, Московское царство, Российская империя, СССР). Немаловажен и тот факт, что между большими государствами, образовывавшимися на евразийском пространстве, независимо от их «этнического наполнения», наблюдалась явная политическая преемственность. Монголы также вели войны на Кавказе, как впоследствии и русские, напряженность между Золотой Ордой и Западом, напоминает точно такую же напряженность между Западом и Россией, а впоследствии — СССР.

Итак, в месторазвитии Евразия испокон веков возникают большие государства, объединяющие Славянство и Туран, Лес и Степь. Процесс интеграции евразийских народов в единое политическое пространство естественен и представляет собой историческую закономерность.

Все названные факторы способствовали взаимовлиянию культур народов месторазвития Евразия, происходившему в течении тысячелетий. Евразийцы особо подчеркивали влияние тюркской, например, татарской культуры на русскую (евразиец Савицкий отмечал огромную роль служилых касимовских татар при строительстве Московского царства и утверждал, что без татарщины не было бы и Руси). Другой лидер евразийства Н.С. Трубецкой писал, что историческая судьба сплетает народы, живущие в одном месторазвитии, в такой тесный клубок, что разорвать его невозможно без великих и невыносимых страданий для этих народов.

Таким образом, евразийская теория отвергает видение России как «тюрьмы народов» на манер западной колониальной державы. Прежде всего, Россия расширялась в пределах своего собственного месторазвития, присоединяя к себе земли, которые находились внутри естественных границ «срединной Евразии»: Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Средняя Азия. Пожалуй, единственным исключением здесь было присоединение к Российской Империи Польши, которая не есть часть евразийской цивилизации, а как раз и представляет собой по своей культуре да и самоощущению окраину, точнее говоря, форпост Западного мира на востоке, несмотря на кровную и языковую близость к восточным славянам. Однако Россия и дорого заплатила за эту геополитическую ошибку и за свои славянофильские иллюзии: Польша всегда была «пятой колонной» Запада в Российской империи, источником бунтов и беспокойств, которые изнутри подтачивали организм российской имперской государственности.

В то же время западные колониальные империи — Англия, Франция, Испания, Голландия вышли далеко за пределы западного месторазвития, которое ограничено Западной и Восточной зарубежной Европой и географически схожими с ними территориями США и Канады (евразиец Савицкий определял Западное месторазвитие как океаническое; роль Великой Евразийской Степи там выполняет Атлантический океан). Понятно, что колониальные владения той же Англии — скажем, Индия находились за тысячи километров от естественных геополитических границ Запада. Таким образом, с точки зрения геополитики евразийская сверхдержава, во всех ее исторических формах — Золотая Орда, Московское царство, Российская империя, СССР была естественным, органичным, укорененным в «почве» образованием, а скажем, Британская Империя — искусственной, мертворожденной конструкцией.

То же самое мы наблюдаем и в плане культурологическом. Народы России-Евразии, при всех различиях могут быть подведены под общий культурный знаменатель, а что общего

между англичанином и, скажем, индусом? Народы Евразии исторически связаны, они сосуществует и так или иначе взаимодействуют уже не менее тысячи лет, но никакой исторической связи между китайцами, южноамериканскими индейцами, африканцами и англичанами, голландцами и испанцами до начала колониальной экспансии Запада не было.

Естественно, евразийцы не отрицали того факта, что и в российской истории были «колониальные тенденции», связанные с жестоким обращением с нерусским населением со стороны правительственных войск и администраций, попытками насильственной русификации и христианизации (прежде всего, в период правления западнического режима Романовых). Но евразийцы резко протестовали против такого рода явлений. Россия-Евразия — общий дом всех евразийских народов и каждый народ должен занять там соответствующее почетное место. Не принимая коммунистическую идеологию, евразийцы высоко ценили национальные аспекты советского строительства, приветствовали федерализм, развитие нерусских культур бывшей Российской Империи и равноправие русского населения и тех, кого еще недавно звали «иностранцами», а также провосточный и антизападный ориентир советской внешней политики.

Если уж искать параллели евразийского синтеза с историей Запада, то, согласно духу евразийской доктрины, это параллель со строительством Европейского Дома. Между прочим, народы Европы тоже неоднократно воевали друг с другом (как, например, немцы и французы), что не мешает им однако стремиться к объединению и при этом очевидно, что такое объединение органично и естественно.

Сегодня перед Россией стоит задача выработки национальной идеи, опирающейся на нашу историческую традицию, противостоящую сепаратизму, узкому национализму с одной стороны и унифицирующему унитаризму с другой. Мы уверены, что научные наработки школы евразийцев могут лечь в основу этой концепции.

УДК 321(470)

МИНАКОВ Павел Анатольевич,

кандидат политических наук, доцент кафедры права
Института управления и безопасности предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: bakbp@bsunet.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрена концепция правового государства в качестве использования его в борьбе за права человека, уделено внимание проблеме разделения властей, необходимости поставить деятельность государства под контроль общества.

Ключевые слова: правовое государство, государственная власть, правовые ограничения, права человека.

Со времен возникновения первых государств люди искали оптимальные способы сосуществования личности и государства, сочетания их интересов. В идеальном варианте интересы личности должны стоять на первом месте, благо народа должно представлять собой высший закон для государства. Однако практика далеко не всегда достигала таких высоких идеалов и обычно останавливалась на более низких устремлениях — выгоде для государства, отдельных слоев, облеченных публичной властью.

Ведь государство, так же как и всякий иной социальный институт, можно использовать по-разному в различных целях. Оно может служить и некоторым политическим группировкам, элитам, партиям, классам и т. п., но может действовать и в интересах всего общества. В первом случае оно выступает в роли «хозяина», во втором — в роли «слуги». Термин «слуга» используется не для того, чтобы «унизить» институт государственности, а чтобы показать его служебное положение, ведь, в конечном счете, данный институт существует не ради самого себя, а ради общества, в целях создания благоприятных условий для развития личности.

Государство, подобно любому явлению, способно приносить в жизнедеятельность не только плюсы (позитивные результаты — безопасность, упорядоченность, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, и т. п.), но и минусы (негативные послед-

ствия — произвол, злоупотребления властью, коррупцию и т. д.).

Поиск такой оптимальной формы привел к идее правового государства. Концепция правового государства стала эффективным орудием борьбы за права человека, за предоставление ему гарантий безопасности, достоинства, творческого саморазвития.

В основу идеи правового государства положено представление о необходимости правовых ограничений деятельности государства. Государство само себя никогда не ограничит, какое бы оно ни было. Власть может ограничить другая власть. В качестве такой «ограничительной» власти, прежде всего, выступают права человека и гражданина. Они выступают своеобразным проявлением власти личности, волей гражданского общества, составляют главную часть права вообще. Осмысливая современную российскую действительность, следует согласиться с мнением профессора Ф.М. Раянова о том, что «основная трудность в реализации идеи правового государства и в современной России упирается в недопонимание его сути и типологического содержания. То есть того, что правовое государство было вызвано к общественной жизни именно необходимостью поставить деятельность государства под контроль общества, чтобы гражданское общество и учреждаемое им государство управляли развитием человечества на основе разума,

обеспечения гармонии с природой, признавая и защищая естественные права и свободы человека» [1, с. 272].

Особое место среди правоограничивающих мер занимает проблема разделения властей. Действующая, эффективная система «сдержек и противовесов» необходима для обеспечения законности и устранения злоупотребления властью со стороны, какой-либо социальной группы или отдельного лица. В современной России этот принцип провозглашается и в официальных документах и в речах политиков, но на практике не работает. Так, Президент единолично без согласия парламента может назначать ключевых министров и даже практически произвольно распускать Государственную Думу.

Такое распределение власти в пользу Президента и соответственно исполнительных структур не уравнивает их с законодательной и судебной ветвями власти, нарушает систему взаимных «сдержек и противовесов», что оставляет в принципе соблазн при удобном случае перераспределить эту власть, в том числе и в произвольном порядке. Поэтому в современной России принцип разделения властей по-прежнему только провозглашен, на практике же он фактически не действует.

Вместе с тем не следует и упрощать ситуацию. С точки зрения эффективности управления страной, разделение власти, создание многочисленных ограничений для нее могут объективно связать ее активность, инициативу, возможность маневрирования. Государственная власть в современных условиях, даже руководствуясь благими намерениями и общественными интересами, прежде чем принимать важные решения, должна принять меры, чтобы заручиться реальной поддержкой людей. При этом поиски согласия, принятие компромиссных решений могут не только предотвратить «плохие поступки» власти, но и заблокировать «хорошие».

Однако такие недостатки идеи правовых ограничений власти являются продолжением ее достоинств. В этом случае следует руководствоваться древней мудростью — «из двух зол выбирают меньшее». Зло, которое причиняет обществу и личности государство, не ограниченное правом, приводит к более печальным последствиям, чем прямо противоположная ситуация, поэтому предпочтение следует отдать идее ограничений власти правом.

Литература

[1] Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. — Уфа: Гилем, 2013. — 300 с.

УДК 327(47+57)

ФОНАРЕВ Михаил Алексеевич,
научный сотрудник отдела исследования проблем
национальных, федеративных и международных отношений
Центра политико-правовых исследований
Евразийского НИИ проблем права, г. Уфа
e-mail: migelelantern@gmail.com

РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОДРУЖЕСТВА: НОВЫЕ РЕАЛИИ

Распад СССР и формирование Евразийского Союза свидетельствует о повторяющихся политических явлениях в форме евразийской интеграции и дезинтеграции. Повторяющееся явление ставит вопрос об определенной закономерности политических процессов. В данной статье проводится политологический анализ трансформации евразийского содружества, и определении в ней роли Российской Федерации.

Ключевые слова: Советский Союз, Евразийский Союз, трансформация, евразийство, интеграция, дезинтеграция, СНГ, вектор, геополитика, язык.

Идея евразийства реанимированная еще в девяностых годах XX столетия величайшим ученым Л. Гумилевым, нашла полноценное отражение в статье В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня». «Убежден, создание Евразийского союза — отмечает В.В. Путин, это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [6].

Однако существует ряд факторов, осложняющих интеграцию евразийского содружества постсоветских государств.

Во-первых, в евразийской интеграции на постсоветском пространстве участвуют государства с разными экономическими потенциалами, способностями и ресурсами. В этой связи, весьма разнообразны возможности и интересы стран евразийской интеграции. Различия в уровне экономического развития, неравномерная платежеспособность постсоветских государств, разнообразные механизмы проведения денежно-кредитной, ценовой и налоговой политики, отсутствие общих норм и правил в сфере банковской деятельности

также создают множество проблем евразийской интеграции.

Во-вторых, существует внешнее противодействие интеграционным процессам постсоветских государств. Под внешним противодействием подразумевается политика Западных стран (и прежде всего США), которым выгодно развивать свою экспансию на раздробленном постсоветском пространстве. Поэтому Западные государства рассматривают любое интеграционное объединение на постсоветском пространстве как попытку воссоздать Советский Союз, и активно противодействуют евразийской интеграции во всех ее формах. Учитывая растущую финансовую и политическую зависимость постсоветских государств от Запада и «долларовой политики» их попытки, зачастую, заканчиваются успехом.

В-третьих, различие политических режимов постсоветских стран: некоторые встали на путь демократизации, некоторые на путь авторитаризма. Интегрирование столь разнородных политических режимов, как показывает мировой опыт, либо исключено, либо весьма проблематично.

Так, в некоторых государствах не было масштабной приватизации бывшей государственной собственности (Белоруссия, Туркменистан,

Узбекистан), что в значительной степени способствовало формированию в них устойчивых авторитарных режимов, причем, все равно существенно отличающихся друг от друга. Страны, где была проведена «большая приватизация», также не одинаковы с точки зрения структуры отношений собственности и внутренней организации правящей элиты. Так, на Украине и в Казахстане важнейшую роль в политике и бизнесе играют промышленно-финансовые олигархические группы, оказывающие заметное влияние на госаппарат; в России, напротив, — силовая фракция государственной бюрократии, поставившая под контроль крупнейший и крупный бизнес. В Грузии предпринимается попытка построения рыночной экономики западного типа на основе развития мелкого и среднего бизнеса. Еще большим разнообразием отличаются политические системы и режимы постсоветских стран: от жестких авторитаризмов в центральноазиатских странах (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан), которые сочетают в своей политике советские и традиционалистские черты, до устойчивой электоральной демократии (Молдова) [8].

В-четвертых, противоречия стран в сырьевой и сельскохозяйственной политике. С одной стороны, крупнейшие экспортеры нефти и других дефицитных ресурсов слабо заинтересованы в создании единого экономического пространства, с отменой таможенных барьеров, поскольку их продукция и так востребована. С другой, страны — производители сельскохозяйственной продукции напрямую заинтересованы в общем едином экономическом пространстве и его защите от внешних конкурентов.

Интересной, с научной точки зрения, видится периодизация трансформации евразийского содружества предложенная Л.С. Косиковой. Она предлагает выделить три фазы трансформаций, каждой из которых соответствует особый характер отношений России и с другими постсоветскими государствами:

1. регион бывшего СССР как «ближнее зарубежье» России;
2. регион СНГ (без Балтии) как постсоветское пространство;
3. регион СНГ как конкурентная зона мирового рынка [7].

Первая фаза евразийской трансформации связана со стремительным преобразованием бывших союзных республик, входивших в состав СССР — в новые независимые государства (ННГ), 12 из которых образовали Содружество Независимых Государств (СНГ).

Первоначально Российская Федерация психологически воспринимала страны СНГ как свое «ближнее зарубежье», что было вполне обоснованно и в историческом смысле.

«Ближнее зарубежье» характеризуется началом становления реального, а не декларированного суверенитета 15 новых государств, часть из которых объединилась в СНГ, а три прибалтийские республики — Эстония, Латвия и Литва — стали именоваться государствами Балтии и с самого начала заявили о своем намерении сблизиться с Европой. Это было время международно-правового признания государств, заключения основополагающих международных договоров и легитимизации руководящих элит. Большое внимание все страны придавали внешним и «декоративным» признакам суверенитета — принятию Конституций, утверждению гербов, гимнов, новых названий своих республик и их столиц, не всегда совпадавших с привычными названиями [2].

Россия была признанным лидером в СНГ на начальном этапе развития и в политике, и в экономике. Ни один вопрос международного значения, касающийся новых независимых государств, не решался без ее участия (например, вопрос о разделе и выплате внешнего долга СССР, или о выводе ядерного оружия с территории Украины). Российская Федерация была воспринята международным сообществом как «правопреемница СССР». В 1992 году Российская Федерация приняла на себя 93,3% всего накопившегося к тому времени долга СССР (более \$80 млрд) и стабильно его выплачивала.

Однако уже с конца 1993 г. отношения России с постсоветскими государствами развивались больше в духе прогноза, сделанного З. Бжезинским («СНГ — это механизм цивилизованного развода»). Новые национальные элиты взяли курс на отрыв от России, да и российские руководители в те годы рассматривали СНГ как «обузу», мешающую быстрому проведению реформ либерального типа, на старте которых Россия обошла своих соседей [3].

Вторая фаза характеризует политическую и социально-экономическую трансформацию «ближнего зарубежья», собственно, в «постсоветское пространство». Это значит, что страны СНГ, расположенные в окружении России, становились по отношению к ней полноценными внешнеполитическими партнерами. Как, видится, данная фаза характеризуется двумя особенностями. Во-первых, наступил некий дезинтеграционный процесс евразийского пространства, с ослаблением роли России в СНГ. Во-вторых, постсоветские государства накачали свои политические и социально-экономические «бицепсы», и заявили о себе как о самостоятельных, жизнеспособных национальных странах.

Наметился отход от модели «центр — периферия», что выражается в отказе России от всевозможных преференций партнерам. В свою очередь партнеры Российской Федерации также выстраивают свои внешние связи в новой системе координат, с учетом вектора глобализации. Поэтому российский вектор во внешних связях всех бывших республик сокращается.

На наш взгляд, вторая фаза (дезинтеграция) была необходима для укрепления евразийского пространства. Если б идея о создании Евразийского Союза, озвученная впервые еще в 1994 году Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, была реализована на первой фазе постсоветской интеграции, данный социально-экономический и политический альянс был бы обречен на постепенный провал. Мировое сообщество обвиняло бы Россию в империализме и авторитаризме, и в том, что Евразийский Союз, выгоден лишь ей. Постсоветские страны, так бы и не получили, импульсов дальнейшего самостоятельного развития.

Интеграцию в постсоветском пространстве не следует понимать как некий исключительно позитивный процесс, связанный с успешным решением проблем различного рода. Конкретных примеров «деструктивной интеграции» в постсоветском пространстве множество. Политические отношения России и Украины не столь успешны, как отношения России и Белоруссии. Нет попытки создать единое государство. С обеих сторон есть активные и серьезные противники интеграции. Потенциально отношения двух государств могут серьезно испортить-

ся, на исторически короткое время. Испорченные отношения двух государств постсоветского пространства сильнее отражаются на Украине. Итогом является депрессивность Украины. Самое зримое выражение ее депрессивности — устойчивые миграционные потоки «рабочей силы» в Российскую Федерацию. Депрессивность одной части постсоветского пространства генерирует устойчивые трудовые потоки в другую, относительно преуспевающую часть постсоветского пространства. Есть градиент уровней, и есть соответствующий поток [5].

Таким образом, дезинтеграция сыграла, на наш взгляд, позитивное значение для укрепления национальных позиций стран СНГ и развития партнерских отношений России с постсоветским миром.

Более того, процессы интеграции и дезинтеграции тесным образом связаны между собой и не могут существовать друг без друга. Развертывание интеграционной тенденции всегда сопряжено с различными дезинтеграционными процессами, являющимися либо ее предпосылкой, либо следствием, либо сопутствующими ей. Аналогичную картину можно фиксировать и в случае преобладания дезинтеграционной тенденции. Очевидно, что дезинтеграция представляет собой явление, обратное процессу интеграции, то есть она представляет собой процесс сокращения, а в дальнейшем и прекращения взаимодействия стран, в результате чего политические механизмы не приводятся к сближению и не принимают форму межгосударственных соглашений. Оба явления сосуществуют в современном мире одновременно либо сменяют друг друга на каждом витке развития страны в интеграционном объединении.

Общий ход исторического процесса осуществляется в форме дезинтеграции одной системы и интеграции системы нового типа, чередования интеграционных и дезинтеграционных процессов. Этот вывод подтверждается накопленным мировым опытом создания и прекращения существования различных интеграционных формирований (например, СССР), а затем — образования других (Евразийский Союз).

Для третьей фазы характерна конкурентоспособность и альтернативность государств.

Прошло уже достаточно времени, чтобы определиться с геополитическими интересами, и с кем сегодня выгодно «дружить».

При этом доминирующей политической тенденцией в развитии постсоветских стран является их «размежевание» и фрагментация некогда общего пространства. Основной раздел сейчас проходит по линии тяготения постсоветских государств, либо к российской стороне, либо к странам, которые стремятся в Европейский Союз и в НАТО.

Одни страны заявили о намерении со временем интегрироваться в евро-атлантические структуры; другие выбрали политику «качелей», третьи сохранили узы военно-политических союзов с Москвой, при этом стремясь сохранить максимум самостоятельности и не допустить, чтобы принятие решений по ключевым проблемам переместилось в Кремль [8].

Разнополярность внешней политики стран СНГ и возросшая геополитическая конкуренция между Россией, США, Европейским Союзом и Китаем за влияние на постсоветском пространстве обуславливают крайнюю неустойчивость сложившихся к настоящему моменту внутривнутриполитических конфигураций. А, следовательно, строить однозначные прогнозы о будущем евразийской интеграции, видится, весьма опрометчивым.

В любом случае, интеграция на постсоветском пространстве в рамках Евразийского Союза будет результативной лишь при реализации следующих моментов:

- политическая институализация евразийской интеграции, то есть создание наднациональных органов и институтов управления, решение которых обязательно для всех участников альянса;
- реализация принципов гибкой интеграции, когда каждый участник альянса является одновременно и донором и получателем материальных благ;
- разработка общей социокультурной концепции евразийской интеграции.

На последнем моменте хотелось бы подробнее остановиться, поскольку духовно — культурный аспект служил для представителей населявших Советский Союз, реальным проводником к мировому социальному опыту и научно-техническим достижениям человечества.

И наша история наглядно свидетельствует — синтез культурных начал способен многократно усилить культуру евразийского мира.

Особое место в полноценном приобщении к культуре, духовным, нравственным, интеллектуальным ценностям и традициям принадлежит языку. Тезис о русском языке как основе интеграции уже означен на самом высоком политическом уровне в ряде постсоветских стран. Однако в последнее время в ряде стран в силу различных причин обозначились тревожные тенденции.

С одной стороны, по исторической инерции он до сих пор там играет роль языка межнационального общения. Русским языком в ряде стран СНГ продолжают пользоваться в деловых кругах и в некоторых госструктурах. С другой стороны, ситуация через поколение может резко измениться, поскольку идет процесс (в последнее время он несколько замедлился, но не приостановлен) разрушения русскоязычного пространства, последствия которого начинают ощущаться уже сегодня [4].

Особую актуальность и важность приобрела проблема придания в странах СНГ и Балтии русскому языку особого статуса. Это ключевой фактор сохранения его позиций.

В полном объеме этот вопрос решен в Белоруссии, где наравне с белорусским и русский язык имеет статус государственного. Конституционно оформлено придание русскому языку статуса официального в Киргизии. Русский язык объявлен обязательным в органах государственной власти и местного самоуправления.

В Казахстане в соответствии с Конституцией государственным является казахский язык. Законодательно статус русского языка был повышен в 1995 году.

В соответствии с Конституцией Таджикистана государственным языком является таджикский, русский — языком межнационального общения. Статус русского языка в Азербайджане законодательно не регулируется. В Армении, Грузии и Узбекистане русскому языку отводится роль языка национального меньшинства [1].

В Украине статус государственного языка конституционно закреплен только за украинским языком. Ряд регионов Украины внес в Верховную Раду предложение принять Закон

о внесении изменений в Конституцию страны касательно придания русскому языку статуса второго государственного или официального языка.

Другая тревожная тенденция в сфере функционирования русского языка на постсоветском пространстве — демонтаж системы образования на русском языке, осуществляемый в последние годы с разной степенью интенсивности. Это иллюстрируется следующими фактами. В Украине, где половина населения считает русский язык родным, за период независимости количество русских школ сократилось почти в два раза. В Туркменинии все русско-туркменские школы преобразованы в туркменские, закрыты факультеты русской филологии в Туркменском государственном университете и педучилищах.

В то же время нельзя не отметить, что в большинстве государств-участников СНГ намечается стремление к восстановлению с Россией образовательных связей, решению проблем взаимного признания документов об образовании, открытию филиалов российских вузов с преподаванием на русском языке. В рамках Содружества предпринимаются шаги по формированию единого (общего) образовательного пространства. На этот счет уже подписан ряд соответствующих соглашений [5].

За время существования СНГ его участниками создана жизнеспособная нормативно-правовая база. Некоторые документы направлены на более полное использование социально-экономического потенциала постсоветских стран. Однако, все же стоит констатировать, что большинство договоров и соглашений частично или даже полностью не выполняется. Не соблюдаются обязательные юридические процедуры, без которых подписанные документы не имеют международно-правовой силы и не реализуются. Это касается, прежде всего ратификации национальными парламентами и одобрения правительствами заключаемых договоров и соглашений. Процесс ратификации и утверждения затягивается на многие месяцы, и даже годы. Но даже после выполнения всех необходимых внутригосударственных процедур и вступления договоров и соглашений в силу до их практической реали-

зации часто дело не доходит, так как страны не выполняют взятых на себя обязательств.

Драматизм сегодняшней ситуации состоит в том, что постсоветское пространство оказалось во многом искусственной формой государственного устройства без своей концепции, четких функций, с непродуманным механизмом взаимодействия стран-участниц. Почти все подписанные договоры и соглашения носят декларативный, а в лучшем случае рекомендательный характер. Что же будет ожидать Евразийский Союз и станет ли он новым эффективным институтом евразийской интеграции покажет только время.

В настоящее время постсоветское пространство разделилось на ряд субрегиональных политических альянсов и группировок. Эффективная евразийская интеграция может и должна осуществляться постепенно, поэтапно, одновременно с укреплением позиций каждой из стран СНГ.

Политические реалии на постсоветском пространстве настолько пестры, разнолики и контрастны, что трудно, да и невозможно предложить какую-то устраивающую всех концепцию, модель или схему евразийской интеграции.

Внешняя политика России в ближнем зарубежье должна быть переориентирована со стремления усилить унаследованную от СССР зависимость всех республик от центра, на реалистическую и прагматическую политику сотрудничества, укрепления суверенитета новых государств.

У каждого нового независимого государства своя модель политической системы и интеграции, свой уровень понимания демократии и экономических свобод, свой собственный путь к рынку и вхождения в мировое сообщество. Требуется найти политический механизм межгосударственного взаимодействия прежде всего в экономической политике. В противном случае разрыв между суверенными странами будет увеличиваться, что чревато непредсказуемыми геополитическими последствиями.

Более того, действенная интеграция постсоветских государств, и ее состав участников более реально определится только на основе взаимной выгоды, развития общественных интересов как внутри, так и между государствами. Пока же в ближайшей перспективе сотрудничество меж-

ду постсоветскими государствами будет осуществляться преимущественно на двусторонней основе в рамках созданных альянсов.

Форсировать интеграцию постсоветских государств — значит заведомо обрекать себя на неудачу, демонстрировать преобладание текущих политических, военных и других конъюнктурных интересов над экономической целесообразностью [9].

Литература

[1] *Королев М.А.* Социально-экономическое положение Содружества Независимых Государств // Бюллетень иностранной коммерческой информации. — 2007. — 26 апр.

[2] *Косикова Л.С.* Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. — М., 2008.

[3] *Косикова Л.С.* Метаморфозы рублевой зоны // Реформа. — 1993. — № 8.

[4] *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. — СПб.: Алетей, 2008.

[5] *Потеева Е.* Социо-культурная интеграция на постсоветском пространстве. 2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details522b.html?id=480

[6] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>

[7] *Черповец О.* Возможности и перспективы экономического сближения // Экономист. — 2005. — № 1.

[8] URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/40686>

[9] URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=376&Itemid=51

УДК 321(470)

ОДЕРИЙ Андрей Владимирович,
научный сотрудник отдела исследования проблем
национальных, федеративных и международных отношений
Центра политико-правовых исследований Евразийского НИИ
проблем права (г. Уфа)
e-mail: niirp@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В сегодняшней России имеет место тесная связь между религией и национальностью. Зачастую именно специфические религиозные традиции позволяют поддержать, сохранить и приумножить национальное. В тоже время сохранение и приумножение национального немислимо без толерантного отношения в обществе. В данной статье межэтническая толерантность исследуется как основа многонационального государства.

Ключевые слова: толерантность, этнос, нация, взаимодействие, сила, ценности, духовная культура.

В сегодняшней России имеет место тесная связь между религией и национальностью. Зачастую именно специфические религиозные традиции позволяют поддержать, сохранить и приумножить национальное.

Толерантность возникает под воздействием той оценки, которая дается различным качествам представителей конкретной общности. Проблема толерантности касается любых видов взаимодействий с разными людьми. По данным опроса 50% опрошенных считают, что роль толерантности в гармонизации межнациональных отношений очень высока, меньшую значимость толерантности в гармонизации межнациональных отношений придают 35%, и 15% — считают, что роль толерантности в гармонизации межнациональных отношений не велика, и даже не значительна. Она существует как на уровне дружеских или семейных отношений, поселенческих общностей, так и, в конечном счете, этнических образований. При этом механизм ее формирования, на наш взгляд, является общим. Так, например, толерантность в отношениях с родственниками возникает на основе принятия их как «своих». Возникновение оценки в качестве «чужих», неизбежно вызывает формирование интолерантного сознания и поведения.

Однако, всякое общее проявляется через особенное и единичное. Этнические различия проявляются на уровне особенного, которое выражается не столько во внешних чертах представителей того или иного народа, сколько в его духовной культуре. Речь идет об особенностях моральных, эстетических, трудовых норм и правил, обычаях и традициях, формирующихся у каждого этноса на протяжении его длительного исторического становления.

В научных исследованиях достаточно полно описаны конкретные особенности духовной культуры разных народов. Они в значительной мере определяются спецификой климатических, географических условий, в которых проживал на протяжении многих веков тот или иной этнос. Так как исторически каждый народ сравнительно долгое время жил обособленно, не взаимодействуя с другими народами, то, естественно, у него возникла своя, уникальная система норм и правил, определяющих как межличностное, так и групповое общение. Может быть, самой большой тайной являются причины возникновения весьма существенных различий в элементах духовной культуры даже у народов, живущих в сходных климатических и географических условиях.

Если у них не было в прошлом постоянных контактов, то всегда обнаруживаются существенные различия в обычаях, традициях, организации труда, быта, отдыха. Само это различие всегда создает проблемную ситуацию при общении представителей разных народов. «Своим» выступает только тот, кто в полной мере владеет конкретными особенностями национальной культуры. Поэтому толерантное сознание и поведение предполагает формирование ориентации на принятие другой культуры как не только имеющей право на самостоятельное существование, но и обладающей определенной ценностью для представителей других народов. Если такая установка отсутствует, то может возникнуть лишь отношение, которое мы определяем термином «индифферентное». Это особенно характерно для Башкортостана, где многие народы живут совместно много столетий.

Оно характеризуется тем, что отсутствует деление на «свое» и «чужое». Однако в этом случае возникают трудности формирования установки на полноценное, открытое взаимодействие с представителями другого этноса. Успешное общение возможно только в том случае, когда создается некая среда общего, объединяющего субъектов взаимодействия. Такое предполагает определенное принятие «чужого» как «своего». В начале это может быть лишь частичное выделение отдельных признаков в качестве не враждебных, приемлемых. А затем толерантность развивается по мере перехода из инокультурного в «свое» культурное.

Следовательно, толерантность всегда ведет к возникновению некой совокупности общих норм и правил, которые разделяются представителями разных этносов. Это может быть результатом принятия в неизменном виде норм другой культуры в свою, привычную. Либо создание нечто «третьего» путем преобразования как своей, так и чужой культуры. Такой процесс происходит сравнительно редко. Обычно наблюдается некоторое изменение норм и правил чужой культуры для того, чтобы ими можно было руководствоваться в межличностном общении. Примером такого приспособления можно назвать изменение в произношении иноязычных имен.

Тот показатель, что большая часть доли культурных продуктов в России принадлежит к западной культуре, говорит о том, что именно западная культура сегодня в большей степени диктует ценностные установки. Что очень часто является деструктивным признаком, снижающий культурный уровень общества, преимущественно молодежи.

Таким образом, для разрешения противоречий между ценностными системами различных народов мы должны использовать один из значительнейших инструментов, который заключается в реализации культурных обменов между странами.

Межэтническая толерантность, как и любое социальное явление, возникает в результате взаимодействия природных и социальных факторов. Роль природного фактора наиболее ярко выражается в том, что представители разных этносов нередко имеют весьма выраженные внешние отличия в типе лица, оттенках кожи, а также других характерных признаках, позволяющих человеку отделить «своих» от «чужих». Л.Н. Гумилев считал, что различия в этносах определяются как биологическими, так и психологическими представлениями о «своих» людях, принадлежащих к данному этносу и «чужих», относящихся к иной национальной общности [1].

Задача по интеграции в глобальное сообщество предоставляет для российских международных партнеров большой объем работы. По-нашему мнению, успех интеграции зависит от разрешения проблем национальной идентичности и осознания своего «Я» в мире. Достойное место Российской Федерации в мировом сообществе зависит от преодоления внутренних и внешних проблем и от выбранного пути развития и модернизации. Несмотря ни на что Россия обладает великим потенциалом. И на сегодняшний день оказывает значительное влияние на ход мировых отношений, являясь одной из самых передовых стран в мировом хозяйстве. Во всех сферах промышленности уровень ресурсной базы очень велик. Имея в своем арсенале плодородные почвы, благоприятный климат, запасы цветных и драгоценных металлов, каменного угля, нефти и газа Российская Федерация обеспечивает себе стабильный рост ВВП и более уверенное положение на мировой арене по сравнению с другими странами.

Поэтому первостепенным является то, что в России должны реализовываться основы толерантности, заложенные во Всеобщей декларации прав человека, которые говорят о том, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [8].

Об этом же ученые прошлого столетия, задаваясь национальным вопросом, отмечали, что «он вытекает из факта признания в народе нравственной и свободной личности, имеющей право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство» [2].

Для утверждения принципов социальной справедливости в межнациональных отношениях нужен механизм защиты суверенитета отдельной личности. Признание неотъемлемости, неотчуждаемости прав человека как общечеловеческой ценности ставит права отдельного человека любой национальности выше права класса и любой социальной общности.

Организация международных политических институтов и разработка международных правовых норм создавались с целью регулирования вопросов прав личности и свободы совести, к которым по природе своей так близка проблема терпимости.

Лига наций В. Вильсона является одним из примеров подобной инициативы в мировом масштабе. Организованная сразу после Первой мировой войны, она стала первой, но не совсем удачной попыткой. Наибольшую пользу привнесла Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 г. отобразила все принципы свободы совести, ее гарантии, правовые и нравственные нюансы во Всеобщей декларации прав человека. В 1976 году в Хельсинки принят Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в 1986 году — Итоговый документ Венской встречи, 25 ноября 1981 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Декларация об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации в связи с религией и убеждениями, в 1990 году — Пражская хартия для новой Европы.

Что касается принятой в 1970 году конвенции ЮНЕСКО, то она не позволяет нелегитим-

ный ввоз, вывоз за пределы стран и передачу культурной собственности, а конвенция 1995 года способствует передаче в страну происхождения похищенных или нелегально вывезенных культурных объектов [6].

ЮНЕСКО создает условия для созидания и развития творческого начала, обеспечивает неприкосновенность культурных предметов и традиций, стимулирует любовь к книгам и чтению, является институтом прививающим стремление к культурному развитию. При этом, она следует по пути поощрения свободного потока информации и укрепления коммуникационных способностей развивающихся стран.

В рекомендациях ЮНЕСКО «О международном обмене культурными ценностями» (Нairobi, 26 ноября 1976 г.) обозначается то, что культурные ценности есть основа элементов цивилизации и культуры народов. Также в них говорится о расширении и укреплении культурных обменов, способствующих наиболее целостному взаимному ознакомлению с результатами в разных областях культуры, что само по себе содействует обогащению разных культур при уважении к самобытности каждой из них, и ценности культур иных народов, представляющих культурное наследие человечества. Обмен между культурными ценностями, обеспечиваясь юридически, научно и технически, представляет возможность избежать нелегальную торговлю и нанесение ущерба данным ценностям, становится сильным способом укрепления взаимопонимания и взаимоуважения между различными народами [11].

Необходимо учитывать тот факт, что Россия должна иметь свой собственный путь развития, отличный от стандартов других стран.

По этому поводу было сказано следующее: «Дружить могут лишь те народы, которые имеют свое лицо, которые своей неповторимостью представляют ценность друг для друга и для всего человечества» [7].

Необходимо срочно пересмотреть наши приоритеты и ценности, чтобы мы могли сохранить свою исключительную, многообразную культуру. Поэтому Россия должна сохранять статус мировой великой державы, обеспечивая себя высоким уровнем развития в сфере поставок сырья, в производстве цифровых,

военных, сельскохозяйственных, нано технологий, дабы предотвратить перетоков рабочей силы из нашей страны, а наоборот, обеспечить ее приток, а также стать максимально независимой от других государств.

Для России необходимо формирование новой идеологии интернационализма, которая должна основываться на построении демократического общества на принципах толерантности в условиях рыночной экономики, используя опыт интернационального общества при СССР.

Окунувшись в опыт Советского периода, можно констатировать, что условия, при которых различные народы могли бы проживать тесно на одной территории, складываются из учета интересов, ценностей и традиций каждого из этих народов в равной степени. Несмотря на стремление правительства Советского Союза в большей степени поощрять культуру русского народа, оно в целом не ущемляло интересы иных, не русских народов, тем самым обеспечивая состояние дружбы и согласия между различными этническими группами, осуществляя политику интернационализма.

В наше время в эпоху рыночных отношений и процессов глобализации необходимо возрождать интернационализм, воспитывать новые поколения в духе толерантности и веротерпимости.

Необходимо учитывать негативный опыт прошлого, для построения благоприятного будущего нашей страны.

Исходя из исторических событий видно, что все тиранические государства, Древний Рим, Британская Империя и Советский Союз, развалились из-за отсутствия возможности урегулировать и сбалансировать отношения между центром и периферией.

В процессе интеграции в мировую общность необходимо учитывать принципиальные отличия локальных культур. Они различны в своем историческом опыте, и находятся в особых современных условиях, что оказывает влияние на их мироощущение и мировосприятие.

Культура каждого российского народа сложно формировалась на протяжении сотен и тысяч лет и имеет иммунитет к проникновению и влиянию других культур. Для национальной

политики России, наиболее приемлимым является путь возрождения, становления и развития огромного числа культур, которым обладала и обладает страна, обеспечивая при этом все народы равными правами, не позволяя процессу глобализации разрушать культурного многообразия российского государства.

Поэтому состояние государственной системы России требует активного взаимодействия между ее регионами и их интеграции. Это взаимодействие должно реализовываться во всех сферах общественной жизни, путем создания национальных организаций, регулирующих данные отношения и решающие глобальные вопросы страны, связанные с проблемами национальной политики, экологии, здоровья нации, экономического благополучия и др.

Все эти действия должны быть направлены на снижение межнациональных противоречий и развития культурного многообразия, которые реализуются в концепции мультикультурализма. Мультикультурализм (*multiculturalism*) — признание культурного плюрализма и содействие ему. В противовес тенденции в современных обществах к культурному объединению и универсализации, мультикультурализм прославляет, а также стремится защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств), одновременно сосредоточиваясь на часто неравных отношениях меньшинства к главенствующим культурам [3].

Термин «мультикультурализм» впервые появился в Канаде в середине XX в. Он указывал на разнообразии населения в этнокультурном, расовом, религиозном плане. Данный термин был принят как официальный в 1971 году. В широком смысле он предполагает существование различных этнических культур, конфессий, религий и других проявлений непохожести на одной обособленной государственными границами территории. Где каждый субъект имеет право вести свой особенный образ жизни, проявлять его публично, не опасаясь критики [4].

Нормальное общество, исходя из принципа мультикультурализма, должно обладать знаниями и умениями в построении позитивного взаимоотношения между представителями самых различных культур и направлений, отличающихся в самых разных параметрах.

Объединяясь общей идеей, основывающейся на сохранении мира, необходимо использовать принципы толерантности, демократии и плюрализма. Тогда даже глобализация не окажет негативного влияния на взаимоотношение культур, народов, цивилизаций. Должно прийти понимание того, что знание не является культурно универсальным и воспринимается каждым по-разному в зависимости от взглядов и мировоззрения. Признание плюрализма и многообразия культур дают почву для формирования доверия и уважения в стране. Надо осознать необходимость отчуждения от проявления культурного национализма. В нынешней ситуации в России он весьма опасен и может угрожать безопасности всей страны. Богатый интеллектуальный багаж России должен быть переосмыслен в духе открытости. Существует потребность в разработке стратегии культурной адаптации в новых глобальных условиях, чтобы интеграция в мировое сообщество основывалась только на общепринятых условиях. Эдвард Саид по этому поводу говорил, что миссия интеллектуалов заключается во вступлении в диалог с имперским центром, а также необходимо «вовлекаться в имперский дискурс, преобразовывать его и заставлять его признать маргинализованные, репрессированные или забытые истории» [9].

В XXI век мировое сообщество вошло с Декларацией принципов толерантности, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. В Декларации тысячелетия толерантность характеризуется как одна из фундаментальных ценностей XXI века и трактуется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений» [10].

Для результативного функционирования толерантности в обществе, она должна стать средством регулирования социальных и индивидуальных отношений, подобно тому, как проявляются в этом мораль, обычаи, право, традиции, то есть она должна стать особой формой социализации, которая будет реализовывать функцию нормативной регуляции.

Для решения и профилактики этнической интолерантности, этнофобии, этноцентризма и национализма необходима система мер, в состав которых входят традиционные механизмы народов и современные политические и правовые механизмы и технологии с учетом различий всех этносов. Для достижения этих целей необходимо участие органов власти и управления, местного самоуправления, институтов гражданского общества. «Важную роль в сохранении единства России играет исполнительная власть — единственная, имеющая жесткую вертикаль... Проведение эффективной, упреждающей политики в этой сфере — необходимый фактор сохранения единства России» [5].

На сегодняшний день в России в связи с отсутствием определенных действий направленных на воспитание у населения культуры интернационализма в обществе назревает тенденция к дезинтеграции между различными народами, проживающими в одном государстве. Учитывая такое состояние культурных и социальных особенностей мы заявляем о том, что в России уровень толерантности находится не на должном уровне.

Раскрывая основные причины усиления ксенофобии и интолерантности в современных условиях, стоит отметить, что они, прежде всего, состоят в противоположных взглядах между устоявшимися демократическими представлениями о свободе совести, нетерпимых настроениях в обществе, которые провоцируются тоталитарно настроенными религиозными движениями. В связи с глобализацией разрушаются национальные особенности этносов под влиянием транснациональных корпораций, финансовых институтов, религиозных движений, международных компаний, этнических диаспор, мафиозных групп и т. д. Необходимо отметить также, что отсутствует правовая база, которая могла бы регулировать межнациональные отношения.

В целом положение в области межнациональных отношений в стране в современных условиях представляется как стабильное. Однако в ряде регионов бывшего Союза и в самой России происходят межнациональные столкновения, которые часто принимают форму насильственных действий. И даже в относи-

тельно благополучных регионах люди говорят о некотором притеснении их по национальному признаку.

Таким образом для результативного функционирования межэтнической толерантности в обществе, она должна стать средством регулирования социальных и индивидуальных отношений, подобно тому, как проявляются в этом мораль, обычаи, право, традиции, то есть она должна стать особой формой социализации, которая будет реализовывать функцию нормативной регуляции.

Литература:

[1] Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. — С. 12–15.

[2] Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. — СПб., 1873. — С. 2.

[3] Дэвид Д. Большой толковый социологический словарь / Дэвид Д., Джери Дж. — 2001 г.

[4] Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // Журнальный клуб «Интелрос» «Credo New». — 2007. — № 2.

[5] Межнациональные отношения в России и СНГ». Семинар Московского центра Карнеги. Вып. 2: доклады 1994–1995 гг. / под ред. Г. Бордюгова и П. Гобла. — М.: АИРО-XX, 1995. — С. 146–148.

[6] Организация Объединенных Наций: основные факты. — М.: Весь Мир, 2000.

[7] Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость как принцип регулирования межнациональных отношений / Ф.С. Файзуллин, С.С. Бикташев. — Уфа: Гилем, 2002. — С. 128, 145.

[8] URL: <http://www.atheism.ru/cgi-bin/atheism/msgbook/max.pl?t=m1172>

[9] URL: <http://www.knowledge.allbest.ru/international>

[10] URL: http://www.mincult.saratov.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=2366

[11] URL: <http://pravo2002.by.ru/intern/09/med01309.html>

УДК 32(470)

ЯМАТИН Андрей Дмитриевич,
аспирант кафедры политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: lidervancor@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР

Понятие «политическая оппозиция» характеризует действующего специфического субъекта (агента) конфликта, а также форму его политической активности — противодействие доминирующему субъекту, его позиции и политике. В данной статье раскрывается субъективный фактор формирования политической оппозиции, а так же раскрывается ее сущностная характеристика.

Ключевые слова: политика, оппозиция, власть, государство, демократия, конфликт, субъект, агент, феномен, измерение.

Оппозиция не существует объективно, а формируется в ходе развития конфликта, слагаясь из разобщенных умонастроений и выступлений. В целом, под институционализацией оппозиции понимается создание комплекса различных объединений граждан, недовольных существующим политическим режимом или условиями повседневной жизни.

Возникновение конкретной оппозиции возможно, если существуют соответствующие социальные условия. К числу объективных относятся: противоречивость групп социально-политических интересов и фрустрация некоторых из них господствующей системой и связанным с ее утверждением перераспределением власти и социально значимых ресурсов. Оппозиция — закономерное следствие системных социально-политических противоречий. Она появляется и существует в качестве актуальной силы разрешения или, по крайней мере, урегулирования противоречий в приемлемых для системы границах. Оппозиция институционализируется при сознательной поддержке определенными социальными слоями и при наличии благоприятных для нее политических предпосылок: как минимум отсутствия официального запрета (субъективное условие). Без соответствующей социальной базы оппозиционные умонастроения, равно как и разрозненные протестные акты, не приведут к значимым изменениям в политическом пространстве.

Ученый Д.П. Зеркин приводит следующую схему становления оппозиции: социально-политические противоречия — оппозиционные умонастроения и массовые протестные акции — конфликтная ситуация — политический конфликт, выраженный в конфликтных линиях — оппозиция различных видов [3, с. 16–21].

Исследователь С.А. Сергеев в качестве необходимого условия формирования субъектов оппозиции рассматривает наличие в обществе оппозиционных настроений, выражением которых становится появление массовых протестных движений, а также кружков и клубов интеллектуалов, которые становятся «мозгом» оппозиции. Организационная оформленность оппозиционных объединений на этом этапе является сравнительно низкой, что позволяет говорить о них как о слабо или неформально институционализированной оппозиции, типичной для начального периода демократического транзита, но не являющейся эксклюзивным атрибутом периодов надлома тоталитарных и авторитарных режимов; в развитых демократиях яркими примерами подобных движений являются массовое молодежное движение конца 1960-х гг. («молодежная революция»), охватившее США, страны Западной Европы и Японию, и современное антиглобалистское движение [7]. Подобную «оппозицию гражданского общества» С.А. Сергеев обозначает как контркультурную оппозицию.

Зрелой формой существования оппозиционных субъектов становится институционализированная оппозиция, связанная обычно с развитой многопартийностью, представляющая политическую партию, движение, коалицию или блок партий и т. п.

Ученый Л.М. Мусина выделяет следующие этапы формирования оппозиции [5]:

1. Этап формирования социальной оппозиционности.

2. Этап концентрации социальной оппозиционности и трансформации ее в политике — организационные формы противостояния власти, до формального признания их легальными политическими акторами — этап существования организованной неформальной оппозиции.

3. Этап легализации организованной оппозиции, без формализации правовых возможностей и институциональных гарантий ее деятельности. Этот этап характеризуется существованием организованной формальной оппозиции.

4. Этап создания правовых и институциональных основ деятельности организованной формальной оппозиции в рамках представительного органа, который характеризуется появлением политической оппозиции как формализованного политического института, являющегося элементом политической системы общества, или, другими словами, парламентской оппозицией. Институт политической оппозиции в рамках представительного органа власти становится формальным каналом коммуникации между властью и обществом.

Таким образом, формирование оппозиции может рассматриваться как процесс смены форм активности коллективных социальных субъектов от стихийных, эпизодических действий до возникновения устойчивой, имеющей институциональное выражение политической практики. Каждому из этапов формирования оппозиции соответствует свой определенный тип ее субъектного воплощения, принципиальные характеристики которых наглядно отражает известная классификация политических субъектов по степени и форме групповой идентификации, предложенная Г. Алмондом и Г. Пауэллом. Они выделяют четыре вида групп:

– аномические — спонтанно и эпизодически возникающие группы (участники бунтов,

стихийных выступлений, протестных акций и т. д.);

– неассоциативные — объединения людей, в основном имеющих непосредственный персональный контакт, неформальные связи, но не обладающие жесткой организационной структурой (группы потребителей, образовавшиеся для пикетирования компаний товаропроизводителей, корпоративно-клановые и неформальные, этноконфессиональные группировки и др.);

– ассоциативные — легально существующие объединения и ассоциации, имеющие организационную структуру и аппарат, выражающие те или иные частные интересы (профессиональные — профсоюзы, этнически — организованные национальные движения, демографические — женские, молодежные, ветеранские организации и т. д.);

– институциональные группы — это группировки людей, существующие внутри формальных структур социально-политических институтов (армии, парламента, партии, бюрократии и т. д.), которые имеют обычно больше возможности контроля тех или иных видов общественных ресурсов, например, депутатские группы и фракции в парламенте и т. д. [11].

Формирование оппозиции представляет собою одновременно процесс идентификации ее членов: осознание ими объединяющих их интересов, ценностей и целей борьбы, противоположных господствующим. Необходимыми стадиями, характеризующими процесс конституирования полноценной оппозиции, является осознание группой лиц общности своих интересов, дискриминации этих интересов существующей властью, возможности изменить положение путем обретения власти, организационное оформление и принятие решения о политическом противостоянии власти.

Плюрализм оппозиций, по мнению Р. Дарендорфа, является условием для возможного их регулирования. Неоднозначный характер конфликтных линий предопределяет разнообразие видов оппозиции: непримиримой, конструктивной, деструктивной, системной, внесистемной, парламентской, внепарламентской и др. Как следует из определения, оппозиция изначально связана с противоположностью интересов субъектов политического про-

цесса, но не только с ней. Тенденции вызревания политизированного конфликтного потенциала, в особенности в системах с высоким уровнем социально-политического антагонизма, могут быть связаны с национально-этническими, языковыми, идеологическими и религиозными различиями [2].

Разграничение оппозиционного и господствующего субъектов конфликта объясняется их теоретическим и практико-политическим значением. В процессе анализа политической практики можно зафиксировать ряд вариантов взаимодействия оппозиции и доминирующего политического субъекта:

- признание оппозиции как элемента политической реальности, имеющего право на существование и поиск путей для диалога с ней;

- ее полное отторжение как враждебного для политической системы течения, стремление ее уничтожить или как минимум дезорганизовать;

- отрицание наличия оппозиции, игнорирование ее или представление о ней как о социальном артефакте;

- приписывание признаков оппозиции субъектам, не являющимся в данной ситуации оппозиционными.

Реализация избранных вариантов отношения к оппозиции принимается господствующим субъектом за основу своей стратегии и тактики борьбы. Стремление «похоронить» оппозицию, кроме всего прочего, порождает острые формы конфронтации, вплоть до насилия. Отношение же к ней как к легитимному компоненту системы создает предпосылку для цивилизованной политической конкуренции и позволяет создать институциональные механизмы для снижения в обществе конфликтного потенциала.

В системе конкретных политических отношений оппозиция выполняет некоторые позитивные функции: способствует агрегированию (суммированию, обобщению) и артикуляции (выделению, выражению) того спектра социальных интересов, который в недостаточной мере учитывается властью, чем и обеспечивает свою связь с собственной социальной базой. Противостояя политике и взглядам господствующего субъекта, оппозиция высту-

пает основным организованным критиком властных институтов и одним из главных инструментов политической демократии. Функции оппозиции вписываются в «триаду»: критика, контроль, альтернатива. К основным из них следует отнести:

- обеспечение ротации элит,
- ограничение монопольных возможностей принятия политических

- решений исключительно властной группировкой,

- обеспечение канала выражения альтернативного мнения,

- способствование достижению компромисса при принятии политических решений.

Но не следует преувеличивать позитивную роль оппозиции. Дезинтегрирующее влияние и, как следствие, некоторое разрушительное воздействие на отдельные стороны политической системы неизбежны. Не исключена возможность превращения оппозицией демократических норм в орудие корпоративных интересов и амбициозных претензий ее лидеров и лиц, их окружающих. В таком случае декларируемые цели борьбы за общее благо на практике становятся целями борьбы за власть для узкой группы индивидов.

Для возникновения реальной оппозиции необходимы не просто различие точек зрения политических оппонентов или структурная дифференцированность политической системы, а должны быть известны «правила игры» и механизмы их реализации, на основании которых будут действовать субъекты политики — властные структуры и оппозиция. Это — предпосылка функционирования политической оппозиции. Такие «правила игры» и соответствующие механизмы не существуют в любой политической системе изначально как неотъемлемый ее элемент. Они представляют собой результат аккумуляции многолетних, а то и многовековых наработок, попыток, усилий политических субъектов выработать способы взаимодействия в рамках политико-правового поля. Поэтому говорить о политической оппозиции в России до сих пор можно лишь в контексте становления данного феномена.

Формирование политической оппозиции начинается с формирования оппозиционного сознания: от пассивного недовольства до пол-

ного отрицания и признания тех или иных политических институтов или процессов.

Под оппозиционным понимается сознание, которое определяет социальную ситуацию как несправедливую и подлежащую изменению посредством коллективного действия. Оппозиционное сознание можно обозначить как комплекс идей и убеждений неконформистского характера, сконструированных и развитых группой в подчиненном положении с целью направить ее борьбу на подрыв, реформирование или свержение системы доминирования [4].

Исследователь Козодой В.И. выделяет следующие факторы, формирующие оппозиционное сознание:

– фактор коллективной (групповой) групповой идентичности, которая характеризуется «осознанием того, что собственные идеи, чувства и интересы сходны с идеями, чувствами и интересами тех, кто обладает такими же «страховыми характеристиками»;

– фактор языка (интерпретационный подход), с помощью которого происходит конструирование коллективной идентичности, а также конструирование и политическое осмысление реальности. Этому способствует наличие у оппозиционно настроенной группы своего дискурса, который можно определить как «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями» и включающий в себя идеи, аргументы и символы, используемые в практике социальным субъектом и входящие в его устную и письменную речь;

– фактор осознания подчиненного положения группы, причем ответственность за такое положение возлагается не на саму группу, а на ее социальное окружение;

– фактор убежденности в эффективности коллективного действия как оптимальном механизме улучшения положения данной социальной группы. Важным показателем зрелости, сформированности оппозиционного сознания является мобилизационный потенциал протестных действий [4].

В научной и энциклопедической литературе можно найти достаточное количество примеров определения феномена оппозиции, пристальное изучение которых позволяет зафик-

сировать наличие нескольких наиболее распространенных способов его концептуального описания.

В Большой советской энциклопедии оппозиция определяется как: «1) противодействие, сопротивление, противопоставление своих взглядов, своей политики какой-либо др. политике, др. взглядам. 2) Партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением» [1].

В Энциклопедическом словаре «Конституция Российской Федерации» приводится определение оппозиции как «политической деятельности партий, групп и движений, противостоящих правительственному курсу и ведущим с правящей партией (партиями) борьбу за государственную власть» [10]. В «Политической энциклопедии» оппозиция рассматривается, с одной стороны, как сопротивление определенной политике, политической линии, политическому действию, с другой стороны, как организация, партия, лицо, выступающие против господствующего мнения, правительства, системы власти, конституции — политической системы в целом [6].

Исследователь Д.Н. Сторожилова, специально рассматривавшая вопрос понимания сущностной стороны феномена оппозиции в своей диссертационной работе, выделяет три основных подхода к нему:

– Оппозиция — это совокупность определенных идей, настроений и действий, направленных на противостояние правящим силам.

– Оппозиция — это способ противопоставления одних взглядов, идей, действий другим взглядам, действиям.

– Оппозиция — это открытое выступление носителя иных взглядов и действий против мнения большинства [9].

В научных работах, в зависимости от точки зрения автора, оппозиция также может рассматриваться в различных ракурсах: с одной стороны, «оппозиция представляет собой организованную группу активных индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти»; с другой стороны, «оппозиция не сводима только к политическим организациям

и партиям, она выступает в качестве поведенческой предрасположенности индивида, группы или организации (латентная оппозиция), которая при определенных условиях может сопровождаться их конкретными действиями (манифестируемая оппозиция)» [8].

Иногда в одной и той же работе можно встретить различные трактовки феномена оппозиции. Так, Д.П. Зеркин в своей статье «Политический конфликт и оппозиция» первоначально рассматривает оппозицию как категорию, отражающую специфический вид политических конфликтных отношений, а затем определяет ее как организованную группу политических индивидов, объединенных осознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти [3, с. 88].

Таким образом, можно говорить о наличии нескольких различных измерений феномена оппозиции, вокруг которых формируются основные подходы к его изучению. Остановимся подробнее на рассмотрении этих измерений.

Одним из основных при рассмотрении феномена оппозиции становится деятельностное измерение. Понимание оппозиции как особого вида политической деятельности, как совокупности действий участников политического процесса, направленных против властной системы в целом или отдельных ее субъектов становится одной из важнейших концептуальных составляющих представления об этом политическом феномене. Такая постановка вопроса сопровождается расширением представления об оппозиции как особом виде политической деятельности за счет включения в него, помимо наблюдаемых форм активности, идейно-психологической подоплеки, ценностно-настроенческого фона оппозиционных действий, или же отдельного рассмотрения этих аспектов.

Однако деятельность не может рассматриваться в отрыве от ее носителя, от активного начала. Поэтому второе измерение феномена оппозиции субъектное, т.е., внимание исследователей сосредоточено на том, кто выступает в качестве контрагента власти. Постановка и решение данного вопроса возможно в двух вариантах. В первом из них определяющим

становится то, в каких формах возможно существование субъекта оппозиции (и в этом случае вероятной является редукция представления о феномене оппозиции за счет ограничения его наиболее выраженными, сформированными и структурированными проявлениями, такими, как меньшинство в законодательных органах). Во втором варианте во главу угла ставится выявление сущностных характеристик субъекта оппозиции, за счет которых он может конституироваться в мире политического и благодаря которым он отличается от иных участников политических отношений, реализующих сходные с ним поведенческие стратегии.

Третье измерение феномена оппозиции обычно не имеет ясной артикуляции, но имплицитно подразумевается самой постановкой проблемы. Оппозиция может рассматриваться как особый тип взаимоотношений, взаимодействия политических субъектов. Такая постановка вопроса позволяет говорить, с одной стороны, о нормативных основаниях этого взаимодействия, т.е., о вопросе институционализации оппозиционной деятельности и об институте оппозиции как об имеющей формально-правовое выражение модели взаимоотношений между политическими акторами, с другой — о способах и механизмах организации конструктивного взаимодействия субъектов оппозиционной деятельности с институтами власти с целью увеличения позитивного эффекта этого взаимодействия и минимизации негативных издержек.

Таким образом, мы предполагаем возможным сформулировать тезис о существовании трех институциональных измерений политической оппозиции, которые лежат в основе подходов к его изучению, разработанных в политической науке и смежных дисциплинах. Мы понимаем, что данная модель, представляющая оппозицию как систему «субъект — деятельность — отношение», является весьма схематичной, но позволяет отразить узловые точки данной проблематики, которых невозможно избежать при обращении к ней, в независимости от того, в каком именно аспекте будет рассматриваться феномен оппозиции. Во всех авторских трактовках данного феномена, претендующих на теоретическую фундаментальность, так или иначе отражены данные измерения. Вместе

с тем, выбор какого-либо одного из них в качестве приоритетного существенно меняет акценты в научной репрезентации феномена оппозиции. Это касается как самого анализа феномена оппозиции, так и возможных вариантов его научных дефиниций.

Литература

[1] Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — Т. 19. — М.: Сов. энцикл., 1975. — С. 345.

[2] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 58.

[3] Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. — 1998. — № 2.

[4] Козодой В.И. Становление политической оппозиции в России: исторический опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 57.

[5] Мусина Л.М. Политическая оппозиция в пост-советской России: этапы и особенности становления: дис. ... канд. полит. наук. — Уфа, 2005.

[6] Политическая энциклопедия: в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: Г.Ю. Семигин и др. — Т. 2. — М., 2011. — С. 218.

[7] Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России: теоретический анализ: дис. ... канд. полит. наук. — Екатеринбург, 2003.

[8] Скакунов Э.Н. Политическая оппозиция в период модернизации России // СОЦИС. — 1999. — № 8.

[9] Сторожилова Д.Н. Социальный диалог: анализ конструктивного коммуникативного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук. — Ростов н/Д., 2006. — С. 82.

[10] Конституция Российской Федерации: энциклопедический словарь. — М.: Юристъ, 1997. — С. 246.

[11] См.: Comparative Politics Today: A World View / Ed. by O. Almond, O.Powell. — N. Y., 1996. — P. 68–70.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 321(470)

ИЗГИНА Радмила Эдуардовна,

соискатель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
e-mail: niipr@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНОВ

В статье речь идет о состоянии современного российского федерализма. Автор анализирует феномен политической субъектности. Выявляет основные тенденции и направления развития федеративных отношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: федерализм, централизация, децентрализация, политическая субъектность регионов, представительство региональных интересов.

Федерализм представляет собой сложное структурированное явление, определяющее и обеспечивающие всю территориальную организацию и функционирование федеративной системы, превращаясь в ее основной элемент. Благодаря властным организующим началам, он может разделить унитарное государство на составляющие части, но при этом вновь сформировать федеративное государство. Федерализм объединяет ранее суверенные государства или регионы, обладающие некой самостоятельностью в единое федеративное (союзное) государство. Ценность федерализма в том, что он один из способов сохранения единства государства.

Закрепляя суверенитет за союзным государством, федерализм превращается в средство социальной стабильности, обеспечивая целостность государства. При этом федерализм оставляет за членами федерации право на самодостаточность, закрепленную в объеме совместных полномочий органов власти федерального Центра и органов власти членов федерации, а также в исключительных полномочиях органов власти членов федерации, за-

крепленных федеральным законодательством и законодательством членов федерации.

Федерализм своей организацией преследует демократизацию общества и государства. Но, как показывает конституционная практика, организационные начала федерализма не всегда влекут реальное утверждение демократии в федерации [5, с. 26].

Теоретически и концептуально современный российский федерализм стоит перед необходимостью выработки новой доктрины федерализма. Труднейшая из теоретических проблем для российского федерализма — найти сочетаемость принципов: с одной стороны — централизма, естественной стихии нашей «почвы», а с другой — децентрализма, как новой национальной формы демократии, дающей сбои и испытывающей пока отторжение у части политического класса и у общества.

Теоретический континуум федерации, как формы государственного устройства, задается сочетанием ее системообразующих элементов. Оптимальным субъектным конституентом Федерации, как и любой другой формы государственного устройства, выступает три-

единство субстанций: народ, власть, территория. Каждый из элементов триады необходим, достаточен для конституирования Федерации (государства), но недостаточен для наполнения его жизнеразвития.

Ярые сторонники федерализма должны считаться с тем фактом, что федерализм имеет свойство не только возрождаться, но и вырождаться. Вырожденный федерализм, подающий еще признаки жизни, которые могут ошибочно восприниматься началом цветущей жизни, может быть при определенных обстоятельствах и определенными силами взят на вооружение, стать знаменем и призывом к мобилизации общества.

Федерализм — сам по себе, как феномен — теоретически, концептуально и политически материализованная реальность — сложное явление. Может быть, поэтому федерализм всегда критиковался и анализировался по множеству направлений. Исследователь Н.В. Михайлова обоснованно пишет: «Современный федерализм — явление сложное и неоднозначное. Это не застывшая модель, которую можно прикладывать к различным обществам и ситуациям. Это постоянный поиск новых, нестандартных решений. Сама концепция федерализма непрестанно эволюционирует». В развитие своей мысли ею выделяется пять «основ» «типичного возникновения классического федеративного государства: снизу — вверх, от малого — к большому, от множества — к единому» [3, с. 143]. В суждениях и доводах Н.В. Михайловой очень важно подчеркнуть ту особенность процесса формирования федеративного государства, которая связана с типичной логикой государствообразующего федеративного процесса. Вектор направленности очевиден: снизу — вверх. Возможно, здесь преувеличены роль и значение низовых субъектов политики вообще, и в территориально-государственном обустройстве, в частности. Тем не менее, следует такую парадигму образования федеративного государства действительно признавать не только универсальной, но и в определенном смысле закономерной.

Коррелируется с такого рода суждениями известный ученый Р.Ф. Туровский, который утверждает: «Под территориально-государствен-

ным строительством понимается процесс направленного формирования отношений между центром и регионами» [6, с. 69]. Направленное формирование процесса — очевидно, и это ключевой аспект в системе наших рассуждений. Всякий, кто причастен к этому процессу, поступает все же с определенной целью, задачами и прочими атрибутами рационального подхода. Если к этому процессу причастны региональные и местные структуры, то и они запрограммированы действовать в русле направленного действия. Здесь важно иметь в виду два соображения. Первое — участвуют ли региональные и местные власти в процессе направленного действия? По мнению Р.Ф. Туровского, — да. Он считает — субъектами процесса территориально-государственного строительства являются все властные органы непосредственно, а также иные политические институты и группы, которые обычно действуют опосредованно, пытаясь влиять на властные органы. Второе — направленное действие суть движений (мыслительных, рефлексивных и прочих) субъекта этого действия. Но одновременно направленное действие может быть продуктом другого субъекта, задающего параметры действий непосредственному исполнителю действий. В структуре баланса отношений и соотношений центр — регион, выделение и анализ направленного действия имеет существенное значение. В нашем случае, т.е. анализе феномена политической субъектности региональной и местной власти — это существенный элемент.

Это общие рассуждения, но, надо понимать, общих рассуждений здесь недостаточно. Характер, масштаб, форма, механизмы участия властных структур отдельных частей государства не имеют принципиального значения, чтобы характеризовать политическую деятельность властных структур по признакам федеративного устройства. Процедурно-техническая сторона этого дела существенна, но не абсолютна. Абсолютное значение для подтверждения уровня федерализации имеет сам факт участия власти регионов и мест в делах общенационального значения.

В условиях развития федеративных отношений в современной России выделение проблемы интереса актуально и требует адекват-

ного его прояснения. Как понимается и интерпретируется эта проблема? Например, исследователь Ю.Б. Дмитриева описывает эту проблему следующим образом. С ее точки зрения, во-первых, наибольшую значимость обретают общенациональные стратегии социально-экономического и политического развития, учитывающие региональные интересы. Во-вторых, задача регионов состоит в более четком определении и конкретизации своих интересов, в продвижении и защите своих интересов на федеральном уровне с помощью формальных институтов и неформальных практик [2, с. 225–226]. В такой интерпретации есть вполне здравый смысл. Он позволяет именно субъектам регионов дифференцированно подходить к выявлению и отстаиванию своих (региональных) интересов. Это норма административно-политической практики. Нормой политико-административной практики может считаться выявление и отстаивание интереса общенационального. В какой мере субъекты регионов могут и способны участвовать в деле выражения интересов общенациональных, в такой мере можно говорить о качественных параметрах их политической субъектности.

Как актуализировать проблему потенциальных возможностей политической субъектности регионов в условиях, когда регионы, по мнению ряда исследователей, «лишились институциональных каналов представительства интересов», когда «отношения Федерации и регионов стали более напряженными», но не привели к появлению региональной фронды, и региональные руководители выведены из большой политики?

Отношения регионов и центра современной России представляют собой сложившуюся и перманентно развивающуюся политическую и социальную систему. Как всякую социально-политическую систему и систему отношений регионов и центра Российской Федерации характеризуют не только и не столько ее элементы, сколько их отношения друг с другом и каждого с целым. Чтобы некоторую совокупность можно было назвать системой, необходимо наличие какого-либо связующего компонента между частями [1, с. 131]. Таким связующим компонентом, на наш взгляд, являются властные отношения, выстроенные посредством су-

ществующих и вновь создаваемых структур, часто трактуемых «институтами».

Политическая субъектность региональной власти и населения регионов, может, имеет свое выражение посредством института представительства. Традиционно выделяют формальные и неформальные институты. Исследователь Ю.Б. Дмитриева пишет по этому поводу: «Формальные институты регионального представительства на федеральном уровне в России являются недостаточно развитыми» [2, с. 216]. Можно согласиться с этим утверждением. И все же следует показать, хотя бы насколько эти институты представительства развиты или неразвиты. Развитие федеративных отношений предопределяется многими факторами. В их числе особое значение принадлежит законодательным (представительным) органам власти всех уровней. Ролевая миссия законодательных органов власти предопределена функцией, правовым статусом, порядком их выбора и полномочиями, которые определяются им и по закону (формально-правовыми полномочиями), и по предназначению в политической жизни (неформальным влиянием).

Ключевую роль в представительстве региональных интересов играет палата регионов Федерального Собрания — Совет Федерации. Суть возможных признаков слабости этого института представительства и согласования интересов регионального значения в следующем:

- ограниченность власти Совета Федерации. Ему не удается разработать механизм утверждения или отклонения законопроектов, подготовленных на основе анализа объективных данных о положении дел в регионах, конкретном содержании их интересов. Остается много места конъюнктурным интересам и их представительству. Полномочия Совета Федерации связаны с решением довольно узкого круга задач «федерального» значения;

- состав Совета Федерации заполнен представителями корпоративных групп, причастных к интересам структур федерального уровня. Сенаторы не смогли либо не желали выработать механизм вовлечения ресурсов столичной политической бюрократии для нужд территорий.

Совет Федерации был задуман как важный стабилизирующий фактор в государственно-

политической системе России, как уравновешивающая законодательная инстанция, способная помочь избежать крайностей политической борьбы, исходя из высших интересов Федерации, ее регионов. Однако законодательная деятельность Совета Федерации оказалась лимитированной. Он по самому своему составу и порядку деятельности имеет весьма ограниченные возможности для систематичной парламентской работы. По сути дела, в Конституции отсутствует концепция двухпалатного Парламента, палаты которого органически взаимодействуют в законотворчестве.

Мировой опыт функционирования федеративного устройства показывает положительные примеры горизонтальных и горизонтально-вертикальных связей между регионами. Серьезное значение придавалось и по-прежнему придается в развитии и поддержании горизонтально-вертикальных связей федеральным округам и полномочным представителям Президента в федеральных округах. Сложная работа выполнена этими структурами по устранению противоречий в законодательной базе, учитывающей тенденции современного процесса политической интеграции. По сути, современный процесс политической субъектности региональной власти находит выражение в том, что развитие идет не только по вертикали в направлении все возрастающей роли органов власти федерального уровня. Серьезное значение приобретают те процессы, которые обеспечивают горизонтальные связи между субъектами Федерации. Зарождаются и набирают силу различного рода ассоциации, консультативно-экспертные и корпоративные органы и организации, представляющие и продвигающие интересы территорий и их властных структур.

Политическая субъектность региональной власти сегодня обеспечена совокупностью сложным образом взаимодействующих между собой конституционно-правовых механизмов. В их числе:

- реализации Российской Федерации полномочий предметов своего исключительного ведения;
- совместной реализации Российской Федерации и субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения;

– двойного регулирования Российской Федерации полномочий по предметам своего исключительного ведения и совместной реализации Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения, в том числе сложных правовых вопросов.

Правоприменение конституционно-правовых механизмов, стремление использовать эти механизмы во имя достижения необходимого баланса тенденций к централизации и децентрализации остается не только противоречивым, но и уязвимым. С позиций рассматриваемой нами темы серьезную тревогу вызывают:

1) смещение полномочий от субъектов Российской Федерации к самой Российской Федерации, размывание федеративных отношений и их перекося в сторону гипертрофированного усиления влияния Федерации;

2) тенденции превращения права законодательной инициативы, которым наделен субъект Российской Федерации в лице своего законодательного (представительного) органа де-факто в фикцию. «На многие тысячи проектов федеральных законов, внесенных законодательными органами субъектов Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, приходится ничтожно малое число дошедших до рассмотрения, и лишь единицы принятых» [4, с. 21].

Невозможность в полном объеме для субъектов Российской Федерации реализовать свои Конституционные права на свободу действий, на наш взгляд, есть проблема политическая, характера и особенностей действий современного политического режима. И также это свидетельство уровня стратегического и оперативного мышления российской политической элиты, как в центре, так и на местах. Политические деятели и специалисты конституционного права могут мыслить — возможность преодоления подобных ограничений для региональных субъектов власти — на пути перехода от «административно-командной модели федеративных отношений» к классическим принципам организации федерации. Если обратиться к исследованиям на этот счет политической науки, то сразу же будет видно — клас-

сический принцип организации федерации существует лишь в идеале, только как теоретическая константа.

В каком направлении пойдет развитие Федерации — таков главный вопрос, вокруг которого разворачивается общественная дискуссия. С ним теснейшим образом связан целый ряд частных вопросов: какова дальнейшая судьба федеральных округов, сколько субъектов останется в обновленной Федерации, если она действительно будет реформироваться, что произойдет с национально-территориальными основами административного деления? Масштабные преобразования в сфере государственного строительства придали вопросам региональной политики не только теоретический, но и политико-практический интерес судьбоносного для страны значения, повышая тем самым актуальность научных исследований по данной крупной и существенной для страны и российского общества проблеме.

В региональной сфере сохраняются довольно серьезные противоречия, которыми придется заниматься в долгосрочной перспективе всем уровням и всем ветвям власти. Базовым основанием потенциальных проблем выступает характер и реальное содержание консенсуса, сложившегося на сегодняшний день между федеральным центром и регионами, между федеральной элитой, ее различными группами интересов и региональными элитами, и который обусловлен, прежде всего, двумя факторами: во-первых, колебаниями мировых цен на энергоносители (а сегодня речь идет о существенном падении мировых цен на этот продукт), распределение доходов от которых позволяло центру регулировать по своему усмотрению финансовые дотации регионам; во-вторых, недовольством региональных элит, положение которых в условиях углубления финансового кризиса и в результате административных реформ, изменением процедур формирования региональной власти остается неустойчивым, зависимым от воли центра. Тем самым положение региональной власти не укрепилось, как того ожидали региональные политики, но, напротив, стало более неопределенным. Избыточная централизация не только не позволяет региональным группам укреплять влияние на «подведомственных» территориях

и успешно добиваться своих целей, но даже не гарантирует им минимальной независимости от федеральной власти.

Не исключено также, что на следующем этапе развития федерализма могут сложиться условия для изменения базовых норм конституционного законодательства — внесения поправок в Конституцию Российской Федерации, тем более, что прецедент изменений в Конституции уже создан и нуждается, на наш взгляд, в более детальном прописывании принципов федерализма и разграничения полномочий центра и регионов.

Политическая субъектность регионов и территорий, как способ проявления воли и ресурсов на уровне отдельных персон и групп региональной элиты стала очевидным фактом политического процесса. Предпосылки создания Северо-Кавказского федерального округа столь же убедительно показывают реальность сил влияния на федеральный центр со стороны регионов и территорий.

Таким образом, при любом варианте эволюции российской политической системы, при естественной трансформации процесса развития федеративных отношений тема субъектности регионов в структуре федеративных отношений будет находиться в ряду центральных для современной российской политики и права.

Условием формирования эффективной функциональной модели разделения властей является достижение различными группами правящей элиты консенсуса в политической и хозяйственной сферах, и, прежде всего, по вопросам распределения власти и влияния. В случае же, если подобный консенсус не найден, политическое противостояние препятствует достижению баланса интересов и не позволяет выработать «работоспособной» модели федеративной организации.

Литература

[1] *Гараедаги Дж.* Системное мышление: Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. — Мн., 2007. — 315 с.

[2] *Дмитриева Ю.Б.* Отношения между центром и регионами в России: проблема эффективности // Теория и практика государственного и муниципального управления. — Смоленск, 2009.

[3] Михайлова Н.В. Политологический анализ сущности понятия «федерализм» и «федерация» // Актуальные вопросы политической науки: сб. статей российских и зарубежных ученых. — М., 2010.

[4] Платонов В.М. Разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами — как

принцип российского федерализма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010.

[5] Родионова А.К. Институциональный дизайн современного федерализма. — Чита: Печатный двор, 2009. — 245 с.

[6] Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. — М., 2006. — 320 с.

УДК 321(470)

САДЫКОВ Венер Наилевич,
соискатель кафедры политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: vener.sadikow@yandex.ru

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Становление современной российской государственности обнаружило две явные проблемы — совмещение широкой самостоятельности субъектов Российской Федерации с необходимостью сохранения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. В данной статье исследуются политический потенциал федеральных округов в территориальной трансформации современной России.

Ключевые слова: федеральные округа, федерация, регион, субъект, укрупнение, трансформация, региональная политика.

В России до 2000 года понятие федерального округа было неизвестно, хотя и существовали специальные округа, например, такие как военные округа.

Указ Президента Российской Федерации «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» определил наиболее эффективный подход в поиске форм и методов управления системой федеративных отношений, в соответствии с которым при сохранении административно-территориального деления государства, установленного Конституцией Российской Федерации, на основе принципа единства федерального общества и территориальной целостности Федерации начат процесс управления государством по всей вертикали власти [1]. По мнению многих исследователей, полисубъектность Российской Федерации сильно затрудняет управление ими из федерального центра. Федеральный округ — это совокупность субъектов Российской Федерации, в которых полномочный представитель представляет Президента Российской Федерации, обеспечивает реализацию его конституционных полномочий Главы государства, решает возложенные на него задачи и осуществляет вытекающие из этих задач функции.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что во всех официальных документах речь идет о субъектах Российской Федерации,

входящих в состав федерального округа или о субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах федерального округа. Почти нигде не говорится о территории федерального округа.

Создание в России федеральных округов, по мнению Р. Туровского, следует рассматривать в теоретическом контексте концепции территориально-государственного строительства. В центре этой концепции находится анализ «географического каркаса» государственности — административно-территориальное деление государства по горизонтали и иерархия территориальных управленческих уровней по горизонтали. В соответствии с физико-географическими характеристиками пространства, культурно-историческими предпосылками, принятыми политическими моделями и экономическими факторами каждое государство вырабатывает определенную модель территориально-государственного строительства, которая должна соответствовать его актуальному состоянию.

Первой теоретической проблемой территориально-государственного строительства являются управленческие уровни — слои, на которые государство делится в его вертикальном разрезе. Число таких уровней является функцией размеров государства и степени дифференциации его пространства. В связи с эволюцией государственной территории, как экс-

тенсивной (расширение), так и интенсивной (внутреннее освоение и поляризация) число уровней может меняться. Особым вопросом является определение политической (управленческой) компетенции каждого территориального уровня. Здесь выбор обычно делается в соответствии с политической моделью государственного строительства, принятой в данном государстве, и постоянно на повестке дня находится вопрос оптимизации числа уровней и пересмотра их компетенции.

Вторая теоретическая проблема связана с обеспечением территориального единства государства. Любое государство является политико-географической системой, состоящей из определенного набора взаимосвязанных регионов. Внутренние контрасты, особенно имеющие этнокультурное происхождение, определяют развитие центробежных сил, которые в некоторых регионах могут превзойти предел и привести к сепаратизму, т. е. коренному нарушению территориального единства. Задача государства состоит в поддержании превосходства центростремительных сил над центробежными на любом участке своей территории. Государство в рамках своей региональной политики обеспечивает централизованный контроль за своими территориями. Но одновременно оно стремится сбалансировать «давление сверху» развитием институтов региональной автономии, самоуправления и обеспечением различных форм обратной связи с регионами через их влияние на общегосударственном уровне и участие в демократических процедурах.

Третья теоретическая проблема — обеспечение государством территориальной динамики своего развития. Территориальное единство может толковаться двояко — как обеспечение территориальной целостности, что является первостепенной задачей центра и его региональной политики, и как поддержание высокой межрегиональной мобильности. Государство должно способствовать «горизонтальной» интеграции территорий. Речь идет о развитии межрегиональных связей, нормальном функционировании межрегиональных людских, экономических, информационных и прочих потоков. Государственная территория не может быть совокупностью не связанных друг

с другом, вынужденно самостоятельных глухих периферий и должна функционировать как системное единство по горизонтали [11].

За период, прошедший с момента образования федеральных округов, сложилось определенное видение места и роли института федеральных округов в системе государственной власти Российской Федерации.

Вместе с тем, решение об образовании федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России полностью укладывается в рамки действующей Конституции. Так, в частности, ст. 5 Конституции гласит, что «федеративное устройство России основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, ст. 71 Конституции относит к ведению Российской Федерации федеративное устройство и территорию страны, установление системы федеральных органов власти. Президент Российской Федерации и Правительство России обеспечивают в соответствии с Конституцией России осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории России, согласно ст. 78. Президент России является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти (ст. 80). Президент Российской Федерации назначает и освобождает от должности полномочных представителей Президента Российской Федерации (ст. 83) [3].

Таким образом, федеральные округа, по существу, представляют собой не оговоренный, но допускаемый Конституцией России элемент, созданный в целях оптимизации управления страной. Так же как и экономические районы, ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации, федеральные округа являются территориальными образованиями, инструментом федерального государственного регулирования территориального развития. Но в отличие от экономических районов и ассоциаций, федеральные округа,

а точнее их руководящие органы, наделены определенными полномочиями и функциями, делегированными им Президентом страны.

По мнению В.М. Манохина, федеральные округа во главе с полномочными представителями Президента Российской Федерации имеют много общего с иными территориальными образованиями федеральной власти (в системе таможенной отрасли, округами для арбитражных судов). Федеральные округа также представляют собой федеральные образования, учреждаемые и формируемые федеральной властью. Однако как структура они изначально созданы не федеральной исполнительной или судебной властью, а Президентом России. Отсюда, федеральные округа — государственные территориальные образования не отраслевого и не функционального типа. Они созданы для управления государственными делами во всем их объеме в системе отраслевой структуры в рамках федеральной компетенции. Федеральные округа представляют собой нетрадиционные, во многом новые административно-территориальные образования, напоминающие образования государственно-территориального типа [4].

Необходимо отметить, что создание федеральных округов — решение, производное от преобразования института полномочных представителей Президента России. Это, в свою очередь, означает, что федеральный округ необходимо рассматривать не как административно-территориальную единицу, не как основу нового государственного деления, а как сферу управленческих воздействий. Так, в п. 1 Указа Президента Российской Федерации № 849 говорится по этому поводу следующее: «Преобразовать институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах Российской Федерации в институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах» [12]. Иными словами, федеральный округ можно определить как совокупность субъектов Российской Федерации, в которых полномочный представитель представляет Президента России, обеспечивает реализацию его конституционных полномочий главы государства, решает возложенные на него задачи и осуществляет вытекающие из этих задач функции [6].

Однако, в федеральном округе, в отличие от субъекта Российской Федерации, отсутствуют органы государственной власти, собственное законодательство и иные признаки, определяющие статус государственного образования. В пределах федерального округа действуют лишь работники аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации, которые в свою очередь, являются должностными лицами Администрации Президента Российской Федерации. Само же создание института полномочного представителя в федеральном округе есть, по сути, реализация Президентом своего конституционного права определять основные направления внутренней политики Российской Федерации (п. 3 ст. 80) [3].

Таким образом, можно утверждать, что федеральные округа в Российской Федерации представляют собой особые территориальные образования, их учреждение связано с рядом определенных факторов и необходимостью решения следующих задач: совершенствования федеративных отношений, восстановления управляемости государства, обеспечения его устойчивости и суверенности, укрепления властной вертикали, улучшения условий для контроля за деятельностью федеральной власти в регионах.

На сегодняшний день в рамках федерального округа организуется работа по реализации основных направлений внутренней и внешней политики государства, проводится контроль за исполнением решений федеральных органов государственной власти. Создание федеральных округов способствует обеспечению национальной безопасности, улучшению политического, социального и экономического положения в каждом округе, а также укреплению вертикали исполнительной власти в Российской Федерации и влияния Федерации на решение проблем в субъектах Российской Федерации.

Исходя из ныне существующих правовых норм, регулирующих деятельность региональных структур федеральных органов государственной власти и полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно сделать вывод, что главное назначение этих федеральных подразделений государственного аппарата состоит в усилении контрольных функций Президента и федерального центра

в целом на уровне регионов и обеспечении одинакового действия всех норм федеральной Конституции на территории России независимо от этнонациональных, религиозных и иных особенностей субъектов Федерации.

Вместе с тем, властные структуры на уровне федеральных округов в лице полномочных представителей Президента и региональных структур федеральных министерств и ведомств пока не в полной мере вписались в единую систему государственного управления, так как в соответствии с российским законодательством основные управленческие функции на федеральном уровне возлагаются непосредственно на Правительство России, а на региональном — на правительства субъектов Федерации. Но полномочные представители Президента не входят в состав федерального Правительства, а находящиеся в их подчинении главные федеральные инспекторы в субъектах Федерации не могут входить в состав региональных правительств, что, естественно, затрудняет создание единой системы исполнительной власти, нацеленной на выполнение единых целей и задач [5].

В федеральном округе организуется взаимодействие федеральных органов исполнительной власти с органами законодательной власти субъектов, органами местного самоуправления, политическими партиями, иными общественными организациями и религиозными объединениями. Представитель Президента и его аппарат разрабатывают совместно с межрегиональными ассоциациями экономическое взаимодействие субъектов Российской Федерации, программы социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа. Полномочный представитель организует контроль над исполнением федеральных законов и распоряжений Президента России, постановлений и распоряжений правительства, согласовывает проекты решений федеральных органов государственной власти, затрагивающих интересы федерального центра или субъекта Российской Федерации, находящегося в пределах округа. Последнее весьма важно, поскольку практика сложившихся отношений между центром и субъектами Федерации показывает, что центр не проявляет интереса к мнению субъектов при под-

готовке проектов решений, затрагивающих интересы регионов.

Представители федерального округа имеют право участвовать в работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, организовывать в пределах своей компетенции проверки исполнения указов и распоряжений Президента Российской Федерации, а также хода реализации федеральных программ [9].

Введение должности полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральном округе и создание аппарата, который обеспечивает его деятельность, позволили сделать деятельность Администрации Президента Российской Федерации более эффективной в части взаимодействия с субъектами Российской Федерации. Эти меры оптимизировали президентскую вертикаль управления, вывели федеральные структуры из-под влияния регионов, жестко подчинили их федеральному центру. Вместе с тем, федеральные округа не отменяют существующее политико-территориальное деление государства, исполнительная власть остается у глав субъектов Российской Федерации, их полномочия не перераспределяются.

Одной из задач административной реформы в Российской Федерации, начавшейся, в том числе с образования федеральных округов, было их постепенное превращение в территориальные центры экономического развития и создание в стране единого экономического пространства.

В решении об образовании федеральных округов многие ученые и политики усмотрели один из управленческих способов углубления и реформирования федерализма в России, поиска форм и методов управления системой федеративных отношений, сглаживания проблем чрезмерной асимметричности и многосубъектности Российской Федерации [8]. Можно говорить о том, что в структуре государственно-территориального устройства России появилось новое звено, смысл создания которого видится в необходимости территориального приближения федеральной власти к субъектам Федерации, аккумуляции региональных проблем, совместного поиска компромиссных

путей и объединения всех ресурсов государства для их разрешения.

Федеральные округа как структура представляют собой поле информационного сотрудничества федерального, регионального и муниципального уровней публичной власти, необходимое для совместного поиска средств разрешения стоящих проблем общегосударственного и местного масштабов и принятия адекватного управленческого решения. Имеются достаточные основания полагать, что система федеральных округов способна реализовать сбалансированную государственную политику, инициировать движение к укреплению и развитию социального партнерства между центром и регионами на основе сохранения единого конституционного и управленческого поля, активизации экономической деятельности на всех уровнях хозяйствования и управления. Формальное объединение субъектов России в федеральные округа и, как следствие, выявление общих для регионов экономических, социальных и других вопросов создает условия их консолидации, выравнивания асимметрии социально-экономического развития, снижения степени сепаратизма, центробежных устремлений, и, в конечном счете, укрепления единства экономического и политического пространства, территориальной целостности государства.

Федеральные округа по сложившейся инфраструктуре и социально-экономическим возможностям практически самодостаточны, однако, их не следует рассматривать как некие самостоятельные и независимые друг от друга образования, как квазигосударства или своеобразные федерации на границах России. Субъекты Российской Федерации не замыкаются в пределах федерального округа, самостоятельно взаимодействуют с регионами, расположенными в других федеральных округах, а по определенным вопросам, с иностранными государствами и их составными частями. Важность горизонтальных связей между федеральными округами, субъектами России для развития устойчивых федеративных отношений в Российском государстве определяет необходимость их усиления и укрепления [10]. Таким образом, ослабляя тенденции обособления и замыкания на себе, свойственные

субъектам Федерации, федеральные округа обеспечивают углубление и развитие как вертикальных, так и горизонтальных федеративных связей.

По мнению ряда исследователей, образование федеральных округов следует рассматривать как попытку перехода от двухзвенной структуры управления «федеральный центр — субъекты Российской Федерации» к трехзвенной «федеральный центр — федеральные округа — субъекты Российской Федерации» структуре управления в системе президентской и исполнительной власти, как превентивную, упреждающую меру процесса полного развала российской государственности [13].

Федеральные округа выступают территориальными образованиями, позволяющими вывести полномочных представителей Президента Российской Федерации из-под неправомочного влияния руководителей определенных регионов, сделать их действительно самостоятельными и независимыми в своих действиях в ходе реализации политики главы государства на местах, и, как следствие, — повысить эффективность государственного управления. Таким образом, речь идет о формировании такого политико-правового режима, когда Президент России может быть уверен в том, что его территориальные органы контролируют соблюдение общероссийских стандартов.

Система федеральных округов не вносит каких-либо изменений в административно-территориальное устройство Российской Федерации, в конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации, не меняет их территориальных границ. Согласно Конституции Российской Федерации Президент России не наделен правом изменения административно-территориального деления государства. Федеральные округа сами по себе не являются самостоятельными субъектами Федерации, объединение субъектов Федерации в федеральные округа в большей степени носит условный, формальный характер, что, как представляется, можно рассматривать, как попытку преодолеть несовершенство существующего административно-территориального деления страны. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что согласно Положению «О полномочном представителе Прези-

дента Российской Федерации в федеральном округе» он взаимодействует с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах федерального округа [7], а не в его составе.

В составы федеральных округов входят субъекты Российской Федерации, образованные как по национально-территориальному, так и по административно-территориальному принципу. По мнению некоторых исследователей, в этом заключается особенность федеральных округов. Так, согласно их мнению, федеральные округа — это совершенно особые формирования, в состав которых могут входить разные по своей природе, характеру и условию образования республики, административно-территориальные единицы — края и области, города федерального значения, автономные образования — автономная область, автономные округа, то есть образования, единицы неодинакового характера, что обуславливает сложность, многоплановость состава федеральных округов, особенности их статуса [2].

Федеральные округа, по существу, представляют собой межрегиональный уровень президентской власти. На сегодняшний день, федеральные округа определяются как территории, в границах которых полномочные представители Президента Российской Федерации обеспечивают реализацию политики главы государства.

Создание федеральных округов — важный фактор межрегиональной интеграции в экономической сфере, открывший широкие возможности для развития субъектов Федерации и установления экономических отношений округов. Институт полномочных представителей служит дополнительным средством преодоления межрегиональных противоречий и разрешения конфликтов, возникающих между территориальными структурами федеральных органов исполнительной власти и органами власти субъектов Федерации.

Система федеральных округов объективно необходима для оптимизации территориально-государственного строительства в России, рассчитанного на длительное время. При этом она, безусловно, нуждается в оптимизации.

Федеральные округа в перспективе могут стать административной и территориальной структурой, на уровне которой возможна организация эффективной системы управления регионами и решение всего комплекса проблем государственной политики в области регионального развития.

Что касается государственного управления на уровне округа, то государственным органом на уровне федерального округа является территориальный орган федерального государственного органа (представительство) или структурное подразделение (представитель) центрального аппарата федерального государственного органа, созданные в соответствии с федеральным законодательством федеральным государственным органом, действующие в рамках предоставленных полномочий, распространяющихся на определенную пространственно-территориальную единицу России — федеральный округ и подотчетные федеральному государственному органу. В свою очередь государственное управление на уровне федерального округа представляет собой деятельность государственных органов на уровне федерального округа по реализации принадлежащих им полномочий.

Динамичное развитие российского государства, а также политические реалии современного мира обусловили необходимость создания института федеральных округов. Именно федеральные округа, как один из основных элементов взаимоотношений государства со своими территориями во многом в настоящее время определяют эффективность взаимоотношений федерального центра и субъектов Российской Федерации.

Решение об образовании федеральных округов — это крайне важный, но лишь один из элементов проводимой в стране административной реформы. Федеральные округа представляют собой не просто административные, а культурно-исторические и географические категории, обусловленные историческими и экономическими предпосылками. Формирование федеральных округов связано с учетом комплекса факторов, способствующих укреплению вертикали президентской власти, усилению влияния главы государства на политические и экономические процессы в регио-

нах, и позволяющим полномочным представителям Президента Российской Федерации, опираясь на сложившиеся институты, ужесточить контроль за реализацией требований, вытекающих из Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

Естественно, федеральные округа не могут решить всех проблем федерализма в России. Но, в то же время сделан серьезный качественный шаг по наполнению конституционных положений, регулирующих сложившуюся систему территориального управления, конкретным содержанием. Появление в виде федеральных округов мощных экономических комплексов содействует поступательному развитию, выравниванию социально-экономических различий, хозяйственной и политической интеграции субъектов Федерации. Система федеральных округов позволяет решать стратегические вопросы территориального развития на уровне, адекватном масштабу и сложности округов, более качественно осуществлять взаимодействие центра с субъектами Российской Федерации, обеспечить баланс между общегосударственными интересами и самостоятельностью на местах, приблизить власть к местным сообществам.

Литература

- [1] *Абдулатипов Р.Г.* Семь ступенек, ведущих к центру // Российская газета. — 2000. — 20 мая.
- [2] *Габричидзе Б.Н.* Административное право России / *Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г.* — М.: Велби, 2006.
- [3] Конституция Российской Федерации. — М., 2008.
- [4] *Манохин В.М.* К вопросу о государственном правовом статусе федерального округа // Вестник

Саратовской государственной академии права. — 2002. — № 1.

[5] *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика. — М., 2005.

[6] *Панов А.А.* «Полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах: особенности правового статуса и перспективы развития» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.recoveryfiles.ru/laws.php?ds=3314>

[7] Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: [утв. Указом Президента РФ от 13.05.2000 № 849], (с изм. от 21.06.2000, 09.09.2000, 30.01.2001, 06.04.2004, 05.10.2004, 21.03.2005, 11.04.2008, 30.04.2009, 12.01.2010, 07.09.2010).

[8] *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. — Саратов: Изд-во СГАП, 2007.

[9] *Столяров М.В.* Федерализм в российском измерении: записки политолога: 1998–2009. — М., 2010.

[10] *Тарасюк В.М.* Тенденции территориального развития России и внутренняя геоэкономика // Государственная власть и местное самоуправление. — 2008. — № 5.

[11] *Туровский Р.Ф.* Механизм представительства региональных интересов на федеральном уровне в России: проблемы и пути их решения // Регионалистика и этнополология. — М., 2007.

[12] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // СЗ РФ. — 2000. — № 20. — Ст. 2112 (с изм. от 21.06.2000 № 1149, от 09.09.2000 № 1624, от 30.01.2001 № 97, от 06.04.2004 № 490, от 05.10.2004 № 1272, от 21.03.2005 № 316, от 11.04.2008 № 487, от 30.04.2009 № 485, от 12.01.2010 № 59, от 19.01.2010 № 82, от 07.09.2010 № 1099).

[13] *Черкасов К.В.* Федеральные округа в государственном устройстве России // Правовая культура. — 2008. — № 1.

УДК 321(32)

ЗИМИНА Екатерина Владимировна,

аспирант кафедры политологии

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

e-mail: 50-kitty@mail.ru

ОСОБЕННОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В РАМКАХ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА СОВРЕМЕННОГО ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются проблемы межэтнической конфронтации коптского и исламского населения в рамках революционной трансформации внутриполитического уклада Арабского Государства Египет. Регионы традиционного распространения ислама в мире переживают сложный период в своем развитии, обращаясь к фундаментальным принципам религии или политической философии. Влияние исламского фактора на трансформацию общемировых процессов бесспорно. На примере исследуемого нами государства ближневосточной системы координат можно заметить, как религиозный экстремизм используется в политических целях.

Ключевые слова: революция, трансформация, исламисты, протестный потенциал масс, ближневосточная система координат, копты, экстремизм, мусульманский фундаментализм, манипуляция общественными движениями.

Революционные трансформации внутриполитического уклада Арабского Государства Египет, начавшиеся в конце декабря 2010 г., оказывали и оказывают непосредственное (что является вполне естественным и логичным фактом) влияние на процессы функционирования политической системы изучаемой страны. Данная ситуация, обусловленная неспособностью действующего египетского руководства стабилизировать внутригосударственную обстановку, а также воздействием внешних факторов (революционные преобразования государств Арабского мира и попытки оказания влияния на происходящие события со стороны Западных держав) детерминировали затяжной политический кризис в Египте.

Вполне очевидным следует, с определенной долей условности, признать тот факт, что революция — элемент трансформационного политического процесса. В общепризнанной трактовке категории — революция, она, как правило, рассматривается в виде коренного, качественного изменения, приводящего к смене политического режима. В теории четко просле-

живается грань между революционным процессом и глубокими социальными реформами, в исторической практике грани между ними достаточно текучи. Всякая революция содержит в себе комплекс социальных реформ, а всякая социальная реформа, в плане изменений основ общественного строя носит революционный характер. Следовательно, детерминирующей основой революционных преобразований политических реалий является необходимость назревшей реализации общественных потребностей.

В XX в. Р. Дарендорф писал о том, что революция преподносит надежду, которая вскоре оборачивается новыми разочарованиями. До того как она разразиться, проходят годы угнетения, высокомерия властей и пренебрежения нуждами людей. Окостеневший старый режим использует попытку удержать свои привилегии, а если даже и стремится обновить его, в него уже трудно поверить, в результате он не может претворить свои запоздалые планы в жизнь [3]. В данном случае, население не воспримет трансформационных начинаний.

Обостряющаяся конфронтация будет накапливать энергию конфликта. Положение начнет напоминать пороховую бочку. В результате чего процессы преобразования политического пространства, затрагивающие все основы жизнедеятельности общества, становятся неизбежными.

Достаточно одной искры — искры надежды в результате противоречивых политических реформ или искры раздражения из-за стрельбы в неурочное время — и следует взрыв. В один миг не остается ничего устойчивого. Многих охватывает приподнятое настроение. Кажется, уничтожаются не только злоупотребления старого режима, но и стеснительные узы самого общества [3].

Психологические основы, подавшие импульс для реализации действий протестного потенциала, быстро проходят. Повседневность улавливает людей в свои сети. В конце концов, невозможно всю жизнь ходить на демонстрации или сражаться на полях гражданской войны. Условия жизни отдельных людей отражают общие социальные условия. Общественные волнения не способствуют экономическому развитию, а политическая нестабильность приводит к дестабилизации всей системы. Общее настроение начинает колебаться, затем резко меняется. В дальнейшем красивые слова о строительстве лучшего мира оборачиваются оправданием нового режима террора. Так или иначе, все заканчивается новой несвободой. Лишь спустя годы потомки замечают, что, невзирая ни на что, произошли глубокие перемены.

Для большинства участников протестных волнений стремление сломать повседневность в большей мере перевешивается негативными предчувствиями. Разумеется, психологические основы людей не одинаковы. Всегда находятся любители свободного полета, которым недолгий период упразднения всякого общества более важен, нежели тем, кто прочнее в этом обществе укоренен. Но, не стоит забывать о том, что не народ управляет революционной трансформацией, а, наоборот, она руководит народом. Людей не спрашивают, хотят они революции или нет. Революционные преобразования происходят, когда не остается другого выхода. Конечно, их совершают люди, но действуют они всегда при этом по воле об-

стоятельств, которые могут контролироваться лишь весьма условно.

Реформаторский процесс преобразования основ общественного жизнеустройства, представляет собой более предпочтительный вариант, т.к. имеет возможность преодолеть иллюзию революции, заключающуюся в том, что она рвет со старыми формами организации общества. При этом старое является в новом облики, меняется лишь его форма. Исторический опыт учит нас, что все прогрессивные процессы есть результат развития знания. Но в момент, когда подавление базовых инстинктов нарастает и достигает своей кульминации революционный процесс становится неизбежен. С чем, с нашей точки зрения, не возможно не согласиться, имея столь яркий пример реализации трансформационных ожиданий в Арабском мире.

Ближневосточная система координат вступила в решающий период своей истории, который должен был преобразовать структурные основы ее жизнедеятельности: обратиться к демократии, или, напротив, погрузить в мрачную пучину мусульманского фундаментализма. Исламские диктаторские режимы в определенной степени были выгодны Западу, поскольку контролировали ситуацию, позволяя сохранять стабильность в ближневосточном регионе. Но, как показали события в Тунисе, Иордании, Йемене, а также в Египте, ни одна диктатура не может держаться вечно. А в случае если эти режимы ненадежны, как считает Д. Эйдельман, с ними нельзя рассчитывать на мир [5]. Следовательно, важным условием для революционных волнений ближневосточной системы координат предстала: не способность императивной власти навести порядок, ее беспомощность в результате стагнации.

И сколь бы стабильно не чувствовали себя Арабские режимы, их мир изменился. Протестная группа послужила причинной структурой революционного преобразования, но источник был скрыт от обычного обывателя. Информационные потоки выступали средством организации и управления протестным потенциалом в совмещении интересов внешних и внутренних источников.

На примере Египетского государства отметим, что использование сетевых технологий

манипуляции общественными движениями в стране предполагало довольно длительный период подготовительной работы, создание сети первичных ячеек недовольства, что удобнее всего сделать через организации гражданского общества, формально не зависящие от властей, но при этом постоянно ищущие спонсорские средства для поддержания своего существования и быта своих функционеров.

В период наиболее обостренной конфронтации с протестным потенциалом масс, можно было отметить, что необходимость трансформационных политико-революционных изменений стала наиболее очевидной. Диктаторские режимы оказались не способны полноценно отреагировать на запрос протестного потенциала масс, чем запустили механизм обратного отсчета к началу своей деструктуризации.

Характеристика постреволюционной расстановки политических сил Египетского государства свидетельствовала о наличии глубокого политического кризиса в этой стране. Директор Института Африки РАН А. Васильев отмечал тот факт, что организации полумесяца и крест, объединившиеся в период революции начали обратный процесс [1].

В условиях фактического безвластия борьбу за рычаги управления государством активизировали радикалы, использующие в своих политических действиях религиозные позиции большинства населения. Они сыграли ключевую роль в коптско-мусульманских столкновениях. Радикальные политические силы активно антагонизировали отношения арабов с исторически коренным населением. На территории государства также неоднократно осуществлялось вооруженное притеснение коптов агрессивно настроенными исламскими группировками страны.

Экстремизм в исламе приобрел максимальное распространение в период последних четырех десятилетий. Трансформировалась зона его влияния, с определенной долей условности, отметим, что претерпели изменения и масштабы практики экстремистов. На первоначальном этапе активность экстремистских элементов в исламе была направлена против иностранного присутствия. На сегодняшний день их деятельность стала затрагивать непосредственно сами мусульманские общины. Обосно-

вывается это тем, что современное мусульманское общество утратило свой первоначальный истинно исламский характер. На практике это выливается в агрессивные действия против существующих в ареоле исламского мира политических институтов властных структур.

Ислам — определенно «сильная» религия, отнюдь не сводящаяся только к вере в бога. Как и другие мировые религии, она представляет собой образ жизни, образ мыслей, более того — основу целой цивилизации. Данная религия, носящая системный характер, выступает детерминантом, определяющим все стороны жизни человека в мусульманском обществе от рождения до самой смерти, регулируя его социальное поведение. И в этой связи необходимо оговориться, что сам термин — «Исламский экстремизм» — с научной точки зрения не корректен. Речь идет об экстремизме, использующем ислам в качестве религиозной идеологии. И в этой связи, отождествление экстремизма (исламского экстремизма) с исламским фундаментализмом или даже с исламизмом неверно. С другой стороны, ислам, будучи цельной религией, неотделим от политики. Более того, он проникает во все формы общественного сознания. И с этой точки зрения, экстремизм может быть и исламским. Исследование проблемы исламского экстремизма требует особой взвешенности и тщательности, беспристрастного с научной точки зрения подхода. Это связано, прежде всего, с деликатностью вопроса, касающегося чувств верующих.

Влияние исламского фактора на трансформацию общемировых процессов бесспорно. Поэтому исследование такого актуального для исламского мира явления как исламский экстремизм представляет интерес и с точки зрения международных отношений. Перенесение во внешнеполитическую сферу основных постулатов политического экстремизма приводит к весьма серьезным последствиям, чреватым резким обострением международной обстановки и опасными мировыми конфликтами.

Отметим, что религиозный экстремизм стал теснить политический и этнический. «Экстремизм религиозный, получивший распространение в ряде регионов и стран, проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий или жестоком противоборстве

в рамках одной конфессии (например, мусульманских и христианских общин в Ливане и Судане, мусульманский фундаментализм). Нередко религиозный экстремизм используется в политических целях в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение представителей власти одной из конфессий (движение «братьев-мусульман» в Египте и других странах Ближнего Востока)».

При этом радикалы стараются манипулировать национальными интересами и религиозным сознанием своих сограждан с целью заработка политических дивидендов. Массы, в большинстве своем, подвержены данным манипуляциям. Радикальные силы при этом продолжают спекулировать отсутствием опыта у Египта в решении современных межнациональных и межконфессиональных проблем.

В данном случае молодежь представляет собой группу риска, склонную к агрессивнo-экстремистским действиям. В силу своего возраста, молодые люди характеризуются такими психологическими особенностями, как максимализм и нигилизм, радикализм, нетерпимость и экстремизм. Что при определенных жизненных условиях и наличии питательной среды может выступить стартовым механизмом их антисоциальной активности, образовав протестный потенциал масс, как это и произошло в современном египетском государстве.

Тенденция вливания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена недостаточно эффективной реализацией государственной молодежной политики или как таковой ее отсутствием. В результате часть молодежи попадает под влияние чуждых идеологических установок, что приводит к восприятию государственных органов как врага, а не партнера. Диктаторские режимы арабских государств оказались не способны полноценно отреагировать на запрос протестного потенциала масс, чем запустили механизм обратного отсчета к началу своей деструктуризации.

Враждебное настроение арабского населения Египта к его исконно коренным жителям имеет глубокие исторические корни. Слово «копт» происходит от греческого «айгуптиос» и означает «египтянин». Копты часто называют себя единственными «настоящими египтяна-

ми», крепкими в вере. Ислам пришел в Египет вместе с арабскими завоевателями в 641 году, и часть египтян поменяла веру из практических соображений, чтоб не подвергаться унижениям, не платить занимать государственные посты. Из истории известно, что в I веке египтяне активно принимали Христианство, которое вскоре стало главной конфессией страны. Позже, когда в страну пришли арабы, началась постепенная ее исламизация. Таким образом, получается, что все жители, включая мусульманскую часть населения страны, современного Египта — потомки коптов.

Многовековой конфликт между коптами и мусульманами, тлеющий во времена диктатуры Х. Мубарака, вспыхнул с новой силой. Только за 2011 год Египет покинули до ста тысяч коптов. «Конфликтов между христианами и мусульманами не просто стало больше, они стали трагичнее и жестче» [2], — говорит представитель Русской Православной церкви при Александрийском Патриархе архимандрит Л. Горбачев. На фоне социальной нестабильности и политической турбулентности люди стали менее терпимыми, и неприязнь друг к другу выливается в межрелигиозные столкновения. Радикальные силы при этом продолжают спекулировать отсутствием опыта у Египта в решении современных межнациональных и межконфессиональных проблем.

Неподкрепленная исторической предпосылкой, вера в силу демократии может дорого обойтись Египту. Как предполагал Н. Щаранский, отправляя «террористов» к избирательным урнам, не привить автоматически демократические взгляды на систему политического управления трансформационного общества [4]. Политические и социально-экономические изменения в русле либеральной демократии проходят при существующей сильной власти в стране. И эта власть сама должна выбирать время проведения данных преобразований, их последовательность, определяя своих союзников, которых необходимо мобилизовать для поддержки либерально-демократических новшеств, и наличия противников, которых необходимо будет нейтрализовать. В случае же если власть слаба; что мы могли увидеть в Египте, в завершающий период правления Х. Мубарака; и ее легитимность поставле-

на под сомнению требованиями радикальных реформ протестующими, предопределяющим моментом становится возникновение требований немедленной отставки лидера, который был стержневым элементом политического режима страны. В данных условиях реформы уже не возможны, т.к. ситуация в любой момент может выйти из-под контроля.

За спиной управляемого протестного потенциала масс стояла вполне дееспособная сила — радикальный ислам. У него есть деньги, политическая поддержка, а главное, четко обозначенная цель — заменить относительно светские, или недостаточно религиозные режимы, на «режим аятолл». В мутной пене революций эти радикальные силы чувствовали себя уверенно, разогревая арабскую улицу обещаниями всеобщего процветания и равенства, декларируя свою готовность бороться с коррупцией и противостоять влиянию Запада. Изначально сторонники радикального ислама в Египетском государстве наблюдали со стороны, как под предлогом борьбы за демократию, происходит крушение одного из самых стабильных на Ближнем востоке режимов.

Исламисты охотно соглашались сыграть в демократию, необходимую им, для того, чтобы легально придти к власти. Или как выразился один известный ваххабитский лидер: «Демократия — вне Аллаха и вне ислама. Но если она поможет нам взять власть в свои руки, значит, нам послал ее Аллах» [2]. Что социалист может предложить своим избирателям — только лучшую жизнь и образование. А исламисты могут пообещать им Бога и рай.

С определенной долей условности, отметим, что, по нашему мнению, структурированное влияние политических зон внешнего фактора окажет свое воздействие на разделение зон политического влияния в исследуемом нами

африканском государстве. В означенных условиях открытым остается решающий вопрос о стабильности Ближневосточного региона и о взаимодействии Арабского мира с Израильским государством.

В ходе исследуемого конфликта проявились рецидивы традиционного мусульманского взгляда на статус «покровительствуемого» христианского меньшинства, не имеющего права претендовать на равноправие. Сквозь призму этого взгляда многие мусульмане рассматривают активизацию борьбы коптской общины за гражданское и политическое равноправие. Отношение к коптам «идеологизируется» исламистскими движениями, которые рассматривают нападения на коптов как часть борьбы с «врагами ислама», в том числе с правящим режимом. Насилие, жертвами которого становятся преимущественно христиане, в значительной мере является результатом тяжелого социально-экономического положения египетского общества (особенно в провинциях Верхнего Египта), где ненависть к представителям другой религиозной общины может выступать формой проявления общего социального недовольства.

Литература

[1] «Арабская весна» грозит стать последней для египетских христиан // Комсомольская правда. — 2011. — 27 июня.

[2] Асламова Д. Репортаж из Египта: революции ласкают молодых и рьяных. А власть приносят... бородачам // Комсомольская правда. — 2012. — 13 февр. [Электронный ресурс] — URL: <http://kp.ru/>

[3] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. — М., 2002.

[4] Щаранский Н. В защиту демократии. — Захаров, 2006.

[5] Эйдельман Д. Цветные революции — процесс перераспределения власти внутри элит: интервью о протестах в Египте [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iarex.ru/interviews>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

УДК 321(470)

ВАЛИУЛЛИН Вадим Римович,
аспирант кафедры политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: politolog_bashgu@mail.ru

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ

Политическая корректность является обратной стороной толерантности в межэтнических отношениях, она задает формальные основы межэтнического сотрудничества. Однако принципы толерантности и политкорректности иногда входят в противоречие. Данная статья посвящена проблеме сочетаемости принципов толерантности и политкорректности в современной России.

Ключевые слова: толерантность, политическая корректность, диалог, сотрудничество, этнос, федеративные отношения, культура, кризис, саморазрушение, идеология, демократия, либерализм.

При всей первоначальной схожести понятий «толерантность» и «политкорректность», между ними присутствуют определенные различия. Так, согласно «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЭСКО 16 ноября 1995 г., «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [1].

Принято, что в государствах с демократическими политическими режимами, общество наиболее толерантно к поведению, убеждению и взглядам других людей даже в том случае, когда они не разделяются и не одобряются ими. В данном определении следует подчеркнуть один важнейший акцент толерантности, а именно упор на понимание других политических культур и других точек зрения. Даже в случае личного неприятия чьих-либо взглядов толерантность подразумевает понимание или хотя бы попытку понимания, а не априорное отрицание всего непонятого и необычного.

Тем более если речь идет о полиэтнических государствах, представленных множественностью этнических общностей.

Очевидно, что возможности возникновения этнополитической конфликтной ситуации заметно снизится, если представители различных этнических общностей постараются понять позиции своих оппонентов. Именно на этом принципе строится основа большинства современных полиэтнических государств. Толерантность, в этом случае, является теоретическим плацдармом, идеологической конструкцией межэтнического сотрудничества, если так можно выразиться, «сводом общих правил» для жителей полиэтнической страны. Но как достичь практической регламентации и реализации принципа толерантности в современном обществе?

Как раз политическая корректность предполагает регламентацию принципов толерантности на практике, ее апробацию. Как отмечает исследователь В.В. Панин: «Она предписывает строгое следование стандартам лингвистического поведения, включающих в себя, в том

числе, и нетолерантное отношение к тем, кто не одобряет практику политкорректности и толерантности. Толерантность не может означать вседозволенности и намеренного игнорирования прав граждан на основании культурной или религиозной идентичности. При всем уважении к «богатому многообразию культур», «форм самовыражения» и «способов проявления человеческой индивидуальности» политкорректность устанавливает общеобязательные нормы лингвистического поведения. Таким образом, она становится общим знаменателем политического дискурса в демократическом обществе» [5].

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, политкорректность сводится к стремлению «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида» [6].

Некоторые отечественные авторы считают термин «политическая корректность» неудачным. Так, по мнению Т.В. Киселевой следует говорить о коммуникативной корректности. На наш взгляд, представленные термины смещают акцент в понимании данного явления в сторону лингвистических и культурных вопросов, тогда как появление политкорректности было вызвано в первую очередь именно этнополитическими обстоятельствами. Именно в этом кроется отличие политкорректности от обычной вежливости. Согласно канонам политкорректности, если в вашем присутствии произносятся неpolitкорректные выражения, следует отбросить обычную вежливость.

Политкорректность как политический, социальный и культурный феномен, зародилась в 70-х гг. в Соединенных Штатах Америки. Первоначальным толчком стала борьба «африканских пользователей английским языком, возмущившихся негативными коннотациями метафоры слова «black» (черный)». Прилагательное «черный» имеет негативные коннотации в большинстве языков мира. Именно поэтому чернокожее население Соединенных Штатов протестовало против слова «black», которое

вызывает отрицательное отношение других граждан к афроамериканцам.

Очевидно, что расовые проблемы и вопросы межэтнического общения в этой стране, основанной иммигрантами, непосредственным образом способствовали появлению подобной концепции. Кроме того, не стоит забывать и о том, что английский язык является современным языком международного общения. Некоторые исследователи указывают на то, что сам термин был введен в научный и общественный лексикон в 1975 году американской феминисткой Карэн де Кроу.

Первоначально данная концепция получила распространение в среде университетских кампусов, а затем в 90-е гг. стала общей практикой в публичной коммуникации. Исследование, проведенное В.В. Паниным, показало, что современные американские газеты практически не используют политически некорректные слова и выражения, в то время как в середине прошлого столетия они употреблялись постоянно [5].

Некоторые исследователи считают, что идеология политической корректности зародилась под влиянием неомарксизма [8]. В качестве примера политически корректного публичного дискурса приводились материалы советских средств массовой информации, построенные по канонам марксистско-ленинской идеологии. В СССР «доярку называли «оператором машинного доения», а тракториста — «механизатором». Налицо было желание смягчить восприятие низкостатусного социального положения большей части населения. Можно привести и другие примеры. Так, учебные заведения для детей с задержкой умственного развития могли называться «спецшколами». В советские же времена смертная казнь долгое время называлась «высшей мерой социальной защиты». Успехи советской пропаганды в значительной мере основывались на идеалах марксизма-ленинизма и декларации уважения к правам человека вне зависимости от цвета кожи, пола, возраста и этнической принадлежности.

Обнаруживая марксистские корни политкорректности, сторонники этой версии указывают на то, что классический марксизм в начале двадцатого века столкнулся с трудной интерпретативной проблемой: как объяснить то,

что пролетариат Европы не поднимается на революцию и не создает новый, марксистский порядок? Целый ряд неомарксистских теоретиков, среди которых особенно выделяются Антонио Грамши, Дьерд Лукач, Теодор Адорно, Герберт Маркузе и другие авторы, нашли ответ на этот вопрос. Они считали, что пассивность пролетариата связана с западной культурой, которая «ослепляет рабочих», делая их членами общества потребления, не замечающими, что потребность в очередной покупке цементирует капиталистический способ производства. На новом витке развития капитализма эксплуатация осуществляется более изощренными методами через рекламу, моду, средства массовой информации, PR, престижное потребление и т. п. Основным призывом неомарксистов сводился к призыву уничтожения западной культуры, неразрывно связанный с уничтожением ее культурных кодов. Таким образом, политическая корректность, по мнению Уильяма Линда, — это «ни меньше, ни больше, как марксизм, переведенный из экономической плоскости на культурную терминологию» [2].

Необходимо признать, что в советской идеологии и пропаганде действительно присутствовали достаточно политкорректные положения об интернационализме и борьбе с расизмом, а также некоторые другие постулаты. Однако, считать политкорректность исключительным порождением неомарксистской идеологии — это явное преувеличение. На наш взгляд, политическую корректность следует рассматривать как проявление идеологии либерализма в условиях этнокультурного и разнородного общества. Очевидно, что идеологическим основанием политической корректности является не марксизм, а либерализм, который последовательно отстаивает права как личности, так и этнических общностей.

С точки зрения политической лингвистики, политически корректные высказывания очень сильно напоминают эвфемизмы, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [3].

Так, например, вместо слова «соврать» большинство людей предпочитает говорить

«уклониться от истины», вместо «струсить» — «проявить осторожность» и т. п. Если противоположным вариантом эвфемизмов являются дисфемизмы, то в области политической корректности — это умышленное использование некорректных выражений по отношению к различным группам граждан

Тем не менее, существует, по меньшей мере, два серьезных отличия политкорректности от обычных эвфемизмов. Во-первых, политкорректность значительно шире обычных эвфеминистических конструкций, так как она задействует не только лексикологический, но и синтаксический, морфологический, словообразовательный уровни.

Во-вторых, политическая корректность направлена на решение конкретных политических проблем. Обычная человеческая вежливость связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, в то время, как «политически корректный» эвфемизм — это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения. А если это касается межэтнических отношений, то «политически корректный» эвфемизм, направлен не обидеть тот или иной этнос.

Удачной, на наш взгляд, является классификация, которая строится по уровням политической корректности. Он выделяет лвообразовательный, лексический и синтаксический уровни политкорректности. На синтаксическом уровне речь идет о правилах построения целых фраз и предложений, которые иногда в результате совершенно теряют свой первоначальный смысл, так как из них абсолютно невозможно понять, о ком идет речь: о мужчине или женщине, белом или черном.

Кампания по внедрению политической корректности привела к очевидным перегибам. Так, Л.П. Лобанова приводит фрагмент из докладной записки Джоанны Т. Райт, чиновника из штата Аризона, «О программе образования в школах, финансируемых за счет бюджета штата Аризона»: «Считаю необходимым также рассмотрение вопроса об исключении из образовательной программы произведений Дж. Р.Р. Толкиена в связи с их противоречием принципам политической корректности. Важнейшим недостатком произведений

Дж. Р.Р. Толкиена является декларация безусловного разделения положительных и отрицательных персонажей» [4].

Стараниями подобных фанатиков политической корректности под угрозу поставлено существование произведений всемирного литературного и художественного наследия, которые в той или иной степени задевают достоинства различных этнических групп.

Сегодня теория и практика политической корректности вызывает сильную критику не только со стороны консерваторов, которые огульно относят ее к проискам марксизма — ленинизма, но и со стороны некоторых либеральных деятелей. По мнению Марио Корти, политическая корректность может стать крайним проявлением либерализма, когда «самокритика и уважение к инаковости иногда доходят до саморазрушения» [2].

Дело в том, что либеральная система ценностей состоит в том, что она распространяется на тех, кто ее не разделяет. То есть — допускает конфликт непримиримых концепций внутри себя. Либеральными свободами и правами в демократических странах пользуются не только религиозные конфессии, но и приверженцы других авторитарных и тоталитарных идеологий» [2].

Возможно, что таким образом в либеральных демократиях может быть механизм саморазрушения. В таких странах может зародиться идеология, которая в конечном итоге завоюет доминирующее положение и отменит все достижения демократии, включая политкорректность и толерантность.

Американский ученый В. Шляпентох, иммигрировавший из СССР в 1979 году, называет политкорректность «милой и гуманной идеологией», но, вместе с тем, отмечает, что именно она практически разрушила гуманитарное образование в США: «Политкорректность идеологизировала социологическое образование не меньше, если не больше, чем советская пропаганда после Сталина. С релятивизацией социальной науки исчезла потребность в серьезной методологии... Доклады многих аспирантов... равно как и их диссертации, носят жалкий характер. Аспиранты заменяют научный уровень идеологическим рвением. Большинство тем аналогичны темам по истории пар-

тии и СССР. Критиковать аспирантские работы нельзя, ибо критика будет истолковываться как протест против их замечательных тем. Снижение общей требовательности приводит к тому, что все получают высшие оценки, а семинары аспирантов превращаются в болтовню мало подготовленных людей при том, что профессор ничего не делает, всех хвалит и сам по сути не рассуждает о предмете» [7].

Очевидно, что политическая корректность в определенной степени «мешает признавать очевидные факты и допускать разумные конъектуры. На Западе много говорят о неизбежности мультиэтнического, мультикультурного общества. Меньше говорят о том, что произойдет, если в той или иной демократической стране возобладает культура, враждебная западным либеральным ценностям. И, в частности, что произойдет, если в результате демографических процессов будут преобладать мусульманское население и фундаменталистские тенденции в исламе. Вот это мы больше всего боимся высказывать и обсуждать вслух. Более всего стесняемся поставить вопрос о необходимости конкретных мер по предотвращению возможной угрозы нашей культуре со стороны культур, менее толерантных» [2].

Проблема механического использования правил политкорректности становится новым препятствием на пути эффективной политической межэтнической коммуникации в демократических странах. Политическая межэтническая коммуникация в условиях политической корректности приобретает новые черты. Отрицательные эффекты политкорректности фактически сводят на нет усилия по борьбе с дискриминацией. Дискриминация и непонимание продолжается, но в политкорректной форме.

Тем не менее, опыт западных стран показывает, что появление резких и непolitкорректных сообщений в коммуникационном пространстве вполне возможно. Так, например, большой шум вызвал абсолютно непolitкорректный фильм «Борат: Культурные исследования Америки в пользу славного государства Казахстан». Этот фильм был запрещен к прокату в кинотеатрах многих стран мира, особенно в тех, где принцип толерантности не является обязательным. Однако, в тех странах, где наряду с полит-

корректностью существует принцип толерантности, этот фильм пользовался большим успехом. Почему? На наш взгляд, политкорректность без настоящей толерантности выхолащивает саму идею установления понимания между людьми разных рас, вероисповеданий, национальностей, политических взглядов и других различий. Поэтому эти принципы современной политической межэтнической коммуникации в демократических странах следует рассматривать вместе, как нераздельное единство.

Литература

[1] Декларация принципов толерантности: [утв. резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.] [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>

[2] Корти М. Столкновение культур и политическая корректность // Независимая газета.

24.03.2003 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ng.ru/courier/2003-03-24/14_islam.html

[3] Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.

[4] Лобанова Л.П. Осторожно: Политкорректность! // Глагол. — 2004. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.glagol-online.ru/arc/n9/Politkor>

[5] Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2004.

[6] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000.

[7] Шляпентох В.Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

[8] Lind W.S. Political Correctness Roots Unearthed // Blue Eagle Commentary: American Online Columnists [Электронный ресурс]. — URL: http://www.blueagle.com/editorials/Lind_982.htm

УДК 321(470)

МУКАЕВ Рустам Ильдарович,соискатель кафедры государственного права
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

e-mail: mookai1982@mail.ru

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия как федеративное государство имеет ряд признаков, составляющих ее конституционно-правовой статус: территория, суверенитет, население, государственный аппарат, налоговая система и т. д. В данной статье рассматриваются этнополитические и социально-экономические особенности российских регионов.

Ключевые слова: федерализм, субъекты, этнополитика, политология, нация, этносы, суверенитет, территория.

Российская Федерация — суверенное государство. Вопрос о суверенитете во всех федеративных государствах решен одинаково: федерация суверенна, а ее субъекты нет. На наш взгляд, ошибочны нормы и Федеративного договора 1992 года, и ряда конституций республик в составе Федерации, провозгласившие суверенитет республик. Ведь субъекты Российской Федерации обладают самостоятельностью только при решении вопросов своей внутренней жизни, находящихся вне пределов ведения Федерации и полномочий Федерации по так называемым предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов. А термин «суверенитет» означает полную независимость, как во внутренних делах, так и во внешних отношениях. Субъекты же Федерации связаны обязанностью принимать только те правовые акты, которые не содержат норм, противоречащих федеральной Конституции и законам [7].

Если бы республики в составе Российской Федерации действительно стали суверенными государствами, это означало бы потерю Федерацией своего суверенитета и превращение ее в конфедеративный союз. Именно это произошло с Советским Союзом. Союзным республикам было предоставлено право выхода, детально разработан его механизм, условия и порядок, оставшиеся, правда, только в теории. Борьба за повышение статуса, за расшире-

ние полномочий, разумеется, не ограничилась уровнем Союза: она пошла вглубь и в Российской Федерации, и автономии активно в нее включились. Ни тогда, ни теперь не принимается во внимание то, что политическая свобода и свобода экономическая — совсем разные понятия. Народы большинства бывших союзных республик, пришедших к экономическому краху, ощутили это на себе в полной мере.

С вопросом о суверенитете связан вопрос о территории, т. е. о пространстве земли, воды, воздуха, недр, которые подчинены верховной власти государства. Без территории не может быть и государства, поскольку она образует материальное содержание суверенитета. В соответствии с Конституцией России 1993 года (ст. 4 ч. 1) суверенитет Федерации распространяется на всю ее территорию. Сам факт конституционного определения территории государства — существенная гарантия его территориальной целостности, так как для изменения территории необходимо изменение самой Конституции. Территориальное верховенство Российской Федерации проявляется в праве устанавливать статус, режим и осуществлять защиту государственной границы, территориальных вод, воздушного пространства, экономической зоны и континентального шельфа.

Конституция Российской Федерации сосредоточивает решение всех вопросов, касаю-

щихся защиты России от посягательств извне, исключительно в руках федеральных властей.

Представляя собой одну из содержательных линий современного политического процесса, российский федерализм, как и политика вообще, не предопределен по своим результатам и степени воздействия. Проблемы и противоречия федерализма в России всегда приковывали внимание исследователей, в том числе — политологов. Парадокс же в том, что в политологических российских изысканиях по-прежнему остается обширный пробел — это область политической субъектности в федеративных отношениях и в федеративной системе ценностей. Традиционно такая позиция обычно трактуется, как стремление познать, — какой субъект федеративного государства способен себя выразить с пользой общего дела? Какой субъект политики и власти имеет потребность и возможность артикулировать свои интересы через интересы национальные, либо то, как он их понимает, лучшим способом или к своей пользе добиться успеха? Логика такого подхода почти всегда развивала идеи противопоставления федеральной власти и власти регионов, желаний доказать политическую состоятельность то федеральной, то региональной политической элиты либо их лидеров. Аполлогеты регионализма всегда подчеркивают слабости федерального центра: неадекватные представления центра о целях, ресурсах и особенностях политики региональных политических акторов; центр будто бы неадекватно понимает суть процессов, происходящих на региональном уровне, центром плохо осознаются границы влияния региональных элит, недостаточно знает их внутреннюю мотивацию и др. С не меньшим энтузиазмом сторонники федерального центра обрушиваются с критикой регионализма и региональных политических акторов, обвиняя последних в расшатывании единого государственного пространства, в нарушении конституционных норм, игнорировании федерального законодательства, угрозах сепаратизма и сецессии [9]. Такого рода мнения были бы и справедливы, если бы те, кто предлагает такую версию разграничений и предпочтений властных структур при анализе федерализма, располагали неоспоримо самой предпочтительной из всех существующих

доказательной базой на свою такую точку зрения. Но так как это, пожалуй, сделать невозможно, то и указанные односторонние суждения — несостоятельны. Найденные той и другой исследовательскими подходами решения, по-видимому, не могут рассматриваться как окончательные.

Этот двойственный путь исследований — непростой для постижения проблемы федеративного государственного устройства, но он остается в научном арсенале, прежде всего как анализ проблемы «перетягивания» каната функций и ценности власти, то одного, то другого субъекта политики, сложных комбинаций предпочтительности для общества власти то федеральной, то региональной. Однако ситуация меняется кардинальным образом. Федерализм, как и современный политический процесс, наполняется новым содержанием, его обеспечивают и им пользуются не только традиционные субъекты политики. Не только проблемы, но и противоречия федерализма, ставшие итогом перерастания проблемы в качественно иное состояние, разыгрывают новую по форме и содержанию рисковую деятельность. Имеются признаки омертвления существующей властной и государственной системы и в центре, и в регионах, ее даже, по мнению некоторых исследователей, деградации на фоне имитаций и симуляций позитивных перемен и обнадеживающих обещаний к лучшему.

Субъекты политики в этом рискованном деле оспаривают друг у друга претензии на господство и ресурсы, на безопасность и выживаемость. Имеется и еще одна задача — разработка политики и механизмов перехода России к новой политической системе.

В политике в основном учитываются и действуют группы людей: государства, массы, партии течения, кланы, лидеры. В политике федеративного государства в основном учитывались и учитываются федеральные, региональные и местные власти, этнические и религиозные кланы и группы, лидеры этих кланов и групп, их идеологии и мировоззрения, культуры, поведение без должной к ним дифференциации. Слабым звеном в анализе федерализма остается «калькуляция» и анализ структуры, обозначаемой термином «нефор-

мальные отношения». А стратегический анализ федерализма, по своей сути, требует интерпретации динамических решающих связей не только между всеми субъектами политики и власти, но и между многочисленными факторами ситуации. Политика по определению противопоставляет разные лагеря, разные виды и типы субъектов политики. Но продуманная и продуктивная политика в своем стратегическом воплощении не только противопоставляет, выявляет и учитывает внутривидовые отличия и особенности с целью поиска союзников и соратников, но и выбор «существенных» характеристик деятельности и среды. Если мы правильно понимаем наметившуюся тенденцию в политическом процессе и политическом быте современной России, хотя бы как потенцию и волю, а именно, что «мы движемся в сторону прямой демократии» [4], то по иному следует трактовать основное противоречие в структуре властных и политических отношений Российской Федерации. Не торг, и не замена одной модели торга на другую между центральной и региональной властью должны бы определять смыслы и ценности современной политики. Не степень и уровень зависимости федерального центра от регионов, и регионов от федерального центра — это явления очевидные и достойны частного внимания — а поиск объединяющих усилий федеральной и региональной власти, консолидация их ресурсов на общие с народом цели.

Поразительное противоречие современной версии российского федерализма, на наш взгляд, обнаруживается не столько в противоречиях между партийным и государственным аппаратами, и даже не разными структурами горизонтальной власти (федеральной и субъектов Федерации), сколько, с одной стороны, между властью, выступающей единым субъектом политики, объединенной властными полномочиями и на федеральном, и на регионально-местном уровнях, и, с другой — местным гражданским уровнем самоорганизации и самоуправления. Противоречие обнаруживается и заявляет о себе не в том, какая власть — федеральная или региональная — какими средствами проводит политику. Новая Россия стала страной, где по-прежнему власти в центре и на местах борются за доминирование, а сле-

довало бы бороться за дисциплину, где меритократические элиты, как и ранее, борются за власть, когда обстоятельства требуют использовать власть инструментом политики, где нет власти закона, и где можно в отдельные периоды, и в отдельных структурах власти говорить о беспределе в целом по стране, и абсолютном беспределе в отдельных регионах. Реверсивный, обратный переход противоречия в проблему актуализирует задачи политической субъектности традиционных носителей власти: федеральной, региональной, муниципальной. Идеальным замыслом исследования было бы показать всем этим структурам власти, что их миссия очень проста в выборе ее реализации. Соперничество между властью следовало бы развернуть не только за власть, а за то, какая из властей окажется более способной к развитию, расширению и модернизации, к формированию системы ценностей и целей и распространению ее как образцовой и привлекательной вне собственных границ, но в пределах российских территорий. Идет поиск и собирание не только субъектов власти, но и субъектов политики. Вопрос, какой власти и политики?

Область политической теории и практики в федерациях по природе своей пограничная, не исчерпываемая до конца ни самой политикой, ни одним из исследовательских подходов. Много теоретико-концептуальных издержек, политических ошибок таит в себе политика устройства России как федеративного государства. Казалось бы, революционные сдвиги в России за последние двадцать лет давали реальные возможности и правящим элитам, и народу, отказаться от федерации. Был реальный период за последние двадцать лет, когда не только федерация, само государство могло рухнуть. Федерация осталась бы как исторический реликт, как зыбкое воспоминание, ушла бы из политики, ее заменили бы другие формы государственного и жизненного устройства. Но этого не произошло. Наоборот, оставив по-прежнему массу проблем, и политическое свойства и возможного их решения именно политическими средствами, сменяя друг друга в борьбе за власть, ресурсы, господство — центральная и региональная власть — все же обратились к федерации, закрепили ее кон-

ституционно-договорные нормы и принципы, обеспечили федерализму статус важнейшего политического феномена. Федерализм вошел и закрепился в российской современности сложным порядком (конституционно-договорным, национально-территориальным, асимметричным). Федерализм как феномен отражает многие аспекты российской политической действительности, и сам же разными способами и в разной мере формирует современную российскую действительность, определяя ее современный облик и задавая системные характеристики взаимоотношений и непрекращающейся борьбы центра и регионов за политическую субъектность.

Российский федерализм — один из тех политических инструментов, которым современный политический класс в центре и на местах создал новую Россию. Федерализм за последние двадцать лет радикальных перемен не увел Россию с исторического вектора своего движения, но позволил ей приобрести новый строй своего существования и развития. На условиях и с использованием принципов и стилей федерализма фактически запущен процесс политико-правового оформления и завершения нового уклада жизни страны, общества, экономики. Почти все сделано на этом пути, чтобы наконец-то официально признать Российскую Федерацию страной первоначального и победившего капитализма. Признавая прогрессивную роль капитализма, его критики и политические оппоненты всегда при этом подчеркивали, что роль капитализма проявляются в весьма разнообразных процессах и в различных областях. Отсюда возможно, что федеративное устройство России скорее обременяет, чем способствует капиталистическому развитию современной России из-за все еще не найденных сообразно новым условиям своей идейной, политико-экономической и государственной идентичности, из-за старых и вновь приобретенных противоречий взаимодействия регионов и федерального центра, из-за повсеместной слабости политической инфраструктуры и политической культуры. Политический аспект федерализма остается актуальным, поскольку последние двадцать лет сложных взаимоотношений между центром и регионами не могли завершиться победой

того или иного субъекта политики. Тактический успех в этом противостоянии за центром лишь видимая победа, которая не дает реальных преимуществ ни тем, ни другим субъектам политики, но наносит серьезный ущерб репутации государства и очень мало способствует росту жизненного уровня населения. И если принятое основание в структуре федеративных отношений, трактуемое как противостояние центра и регионов, в динамике не дает желаемого позитивного результата, следует пересмотреть само основание.

Внешние оппоненты России также не упускают возможность поделиться своим мнением и оценками состояния федерализма и по своему актуализируют тематику данного исследования. По оценкам специалистов Национального совета США по разведке, Российская Федерация останется страной, имеющей слабые регионы и сильную централизованную власть [5]. Молодой американский политолог Параг Хана целесообразным считает рассматривать занимаемое Россией огромное пространство не как одну, а как четыре части и намекает, что «если Россия хочет остаться собой, она должна скрепить эти части воедино, — в противном случае произойдет радикальная перекройка карты всего евразийского континента».

В предстоящее двадцатилетие очень многое будет зависеть от того, чем закончится борьба политических сил на федеральном и региональном уровнях за полноценное и полезное их взаимодействие с целью сохранения единого государства. Принятая правовая база — гражданский, земельный, водный, жилищный Кодексы, новые и подкорректированные законы о политических партиях, избирательной системе и другие законы — отчетливо обозначили свертывание роли государства и государственных структур на федеральном и регионально-местном уровнях. Намечается и декларируется переход от государственно-административного правового правления и управления к гражданско-правовому управлению. При этом суммарный результат двадцатилетнего периода развития политического процесса в России представляет собой набор политической имитации, частичной оптимизации и изменений правил игры в политике и социально-экономическом секторе и, возможно,

лишь потенциально ведет к возникновению условий по сдвигу парадигмы в политике, то есть смены системы понятий, ценностей и целей, как в политике, так и в национально-государственном устройстве. Одновременно отчетливо обозначилось противоречие между конституционной нормой по обеспечению суверенитета государства и реальным содержанием исполнения государственного статуса. Поскольку по Конституции 1993 года российское государство — это федеративное государство, то естественно заявляет о себе и другая проблема — проблема федеральной формы суверенитета государства, функционирование которого становится возможным и зависимым от условий постоянно изменяющегося регионального политического процесса, и когда регионы заявляют о себе как самостоятельные политические акторы, а то и системы. Наряду с тем, что федеративное государство как все еще единое целое становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, его составные элементы — субъекты Федерации — стремятся к все большей независимости и самостоятельному выбору политического курса. Решить данную дилемму можно лишь с помощью двойного сдвига парадигмы в политике. Результатом первого сдвига должен стать взгляд на федеративное государство как на мультиразумную федерацию. То есть систему добровольного объединения целеустремленных ее субъектов, вступивших в федерацию-союз для служения своим объединенным интересам посредством удовлетворения потребности каждого субъекта. Второй сдвиг — видеть сквозь хаос и сложность федерализма возможность обращения с его взаимозависимыми переменными. Взаимодополняющий характер этих двух направлений сдвига парадигмы в региональной политике и политике регионов — ключ к пониманию сценария развития федерализма, восприятия его в качестве политической системы, а не только ситуации, и тем самым выявления движущих сил перемен в развитии Российской Федерации. Эта идея витает в сознании части политической элиты федерального и регионального уровня, на этом настаивает некоторое мировое и российское экспертное политологическое сообщество, но недостаточно проводится в политическую практику, еще не

оформлено концептуально, и не является еще обязательным элементом системного мышления субъектов политики.

Как нам представляется, труднейшая из теоретических проблем для российского федерализма — найти сочетаемость принципов: с одной стороны — централизма, естественной стихии нашей «почвы», проявляемой не как блажь, а как предпосылка выживания, а с другой — децентрализма, как новой национальной формы демократии, дающей сбои и испытывающей пока отторжение у части политического класса и у общества. Традиционность и банальность подобной традиции недвусмысленно подчеркивалась в прошлом. В частности Н.Н. Алексеев писал: «Русская история слагалась из двух противоположных процессов — центростремительного и центробежного, иначе, централизованного и децентрализованного» [1].

Прагматическая заданность направлений исследования, приоритетов в структуре принципов смешанного федеративного развития и отношений центра и субъектов Федерации определены, по сути, ст. 1 Конституции Российской Федерации [6], где указаны четыре направления:

- а) сочетание интересов;
- б) правовые гарантии целостности территорий;
- в) верховенство федерального законодательства;
- г) разграничение полномочий, предметов ведения и компетенций.

Сложнее уточнить теоретические концепты федерализма в системе и заданных четырех направлений, и отношений целого, частей и элементов частей между собой, т.е. отношений внутривидовых компонентов. Хотя и здесь мы имеем нормативно закрепленные гл. 3 Конституции России «Федеративное устройство» параметры отношений.

Ярые сторонники федерализма должны считаться с тем фактом, что федерализм имеет свойство не только возрождаться, но и вырождаться. Вырожденный федерализм, подающий еще признаки жизни, которые могут ошибочно восприниматься началом цветущей жизни, может быть при определенных обстоятельствах и определенными силами взят на вооружение,

стать знаменем и призывом к мобилизации общества. Если опираться только на правовые нормы гл. 3 Конституции Российской Федерации, можно выделить примерно 60 самостоятельных исследовательских направлений, которые характеризуют только проблемы положений субъектов (составных частей) Федерации, взаимоотношения этих составных частей с государством в целом [2]. Таким образом, исследуя проблемы субъектности регионов России объективно сталкиваемся с ситуацией вариативного подхода к анализу развития федерализма и к развитию самого федерализма.

Федерализм — сам по себе, как феномен — теоретически, концептуально и политически материализованная реальность — сложное явление. Может быть, поэтому федерализм всегда критиковался и анализировался по множеству направлений*. Исследователь Н.В. Михайлова обоснованно пишет: «Современный федерализм — явление сложное и неоднозначное. Это не застывшая модель, которую можно прикладывать к различным обществам и ситуациям. Это постоянный поиск новых, не стандартных решений. Сама концепция федерализма непрестанно эволюционирует». В развитие своей мысли ею выделяется пять «основ» «типичного возникновения классического федеративного государства: снизу — вверх, от малого — к большому, от множества — к единому» [7, с. 143]. В суждениях и доводах Н.В. Михайловой очень важно подчеркнуть ту особенность процесса формирования федеративного государства, которая связана с типичной логикой государствообразующего федеративного процесса. Вектор направленности очевиден: снизу — вверх. Возможно,

здесь преувеличены роль и значение низовых субъектов политики вообще, и в территориально-государственном обустройстве, в частности. Тем не менее, следует такую парадигму образования федеративного государства действительно признавать не только универсальной, но и в определенном смысле закономерной. Конечно, такая логика — это вопрос не столько с неоднозначным решением, сколько предпочтением «вкусов» и убеждений самого исследователя. Чему отдать предпочтение, — стихии народного созидательного творчества, ее какой-то форме все же организации, либо целеустремленной и спланированной акции наиболее активной части политической элиты. Если все же придерживаемся убеждений, что энергия универсальности и закономерностей в государственно образующем процессе имеет право быть и утверждаться, тогда столь же закономерным и универсальным явлением в таком случае следует рассматривать иницирующую роль местных и региональных структур власти, которые, собственно, призваны задавать тональность созидания «снизу». В таком контексте речь может идти ни о чем другом, как собственно о проявлениях различного рода политической субъектности региональных и местных структур власти и гражданского общества.

Коррелируется с такого рода суждениями известный регионалист Р.Ф. Туровский, который утверждает: «Под территориально-государственным строительством понимается процесс направленного формирования отношений между центром и регионами» [8]. Направленное формирование процесса — очевидно, и это ключевой аспект в системе наших рассуждений.

* Известный исследователь и аналитик проблем государственного строительства и федерализма М.В. Столяров пишет: «Идут теоретические дискуссии о предпочтительности той или иной формы государственного устройства, о путях и средствах сохранения и укрепления Федерации, о сущности российского федерализма, его принципах. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что федерализм как явление объективно целесообразен и необходим для российской государственности». (См.: Столяров М.В. Компетенция власти: Разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами в условиях реформирования. М., 2005. С. 7–8). Иначе интерпретирует причины остроты обсуждения теории и практики федерализма к.п.н., доцент кафедры политических наук РУДН Н.В. Михайлова: «Острые дискуссии по ключевым вопросам развития федерализма в России являются отражением того факта, что общество еще не пришло к осознанию оптимальности модели федерализма, заложенной в Конституции Российской Федерации». (См.: Михайлова Н.В. Конституционно-правовые особенности федеративного устройства России // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2004. № 1 (5). С. 21); Американский исследователь Д.Дж. Элазар выделяет шесть основных принципов федерализма, Российский ученый Р.Г. Абдулатипов оперирует при анализе проблем федерализма 13 универсальными его качествами; исследователь Л.М. Карапетян выделяет в свою очередь восемь, и тоже универсальных принципов федерализма, только уже с точки зрения специалистов по конституционному праву.

Всякий, кто причастен к этому процессу, поступает все же с определенной целью, задачами и прочими атрибутами рационального подхода. Если к этому процессу причастны региональные и местные структуры, то и они запрограммированы действовать в русле направленного действия. Здесь важно иметь в виду два соображения. Первое — участвуют ли региональные и местные власти в процессе направленного действия? По мнению Р.Ф. Туровского, — да. По мнению исследователя, субъектами процесса территориально-государственного строительства являются все властные органы непосредственно, а также иные политические институты и группы, которые обычно действуют опосредованно, пытаясь влиять на властные органы. Второе — направленное действие суть движений (мыслительных, рефлексивных и прочих) субъекта этого действия. Но одновременно направленное действие может быть продуктом другого субъекта, задающего параметры действий непосредственному исполнителю действий. В структуре баланса отношений и соотношений центр — регион, выделение и анализ направленного действия имеет существенное значение. В нашем случае, т. е. анализе феномена политической субъектности региональной и местной власти — это существенный элемент.

Это общие рассуждения, но, надо понимать, общих рассуждений здесь недостаточно. Характер, масштаб, форма, механизмы участия властных структур отдельных частей государства не имеют принципиального значения, чтобы характеризовать политическую деятельность властных структур по признакам федеративного устройства. Процедурно-техническая сторона этого дела существенна, но не абсолютна. Абсолютное значение для подтверждения уровня федерализации имеет сам факт участия власти регионов и мест в делах общенационального значения. «Мы называем федеративным такое государство, отдельные части которого являются участниками в отправлении верховной государственной власти или суверенитета» [1, с. 163].

Чтобы усилить логику нашего видения проблемы самого факта участия региональных и местных органов власти в делах общенационального и общенационального уровня, сошлемся на суждение известного исследовате-

ля Г. Еллинека, который пишет, что в федеративном государстве «государствам предоставлены права участия в осуществлении союзной государственной власти, так что отдельные государства повсюду являются органами союзной власти, что, по общему правилу, усиливает их политическое значение».

В условиях развития федеративных отношений в современной России выделение проблемы интереса актуально и требует адекватного его прояснения. Как понимается и интерпретируется эта проблема? Например, исследователь Ю.Б. Дмитриева описывает эту проблему следующим образом. С ее точки зрения, во-первых, наибольшую значимость обретают общенациональные стратегии социально-экономического и политического развития, учитывающие региональные интересы. Во-вторых, задача регионов состоит в более четком определении и конкретизации своих интересов, в продвижении и защите своих интересов на федеральном уровне с помощью формальных институтов и неформальных практик [3]. В такой интерпретации есть вполне здравый смысл. Он позволяет именно субъектам регионов дифференцированно подходить к выявлению и отстаиванию своих (региональных) интересов. Это норма административно-политической практики. Нормой политико-административной практики может считаться выявление и отстаивание интереса общенационального. В какой мере субъекты регионов могут и способны участвовать в деле выражения интересов общенациональных, в такой мере можно говорить о качественных параметрах их политической субъектности.

Политологи часто говорят о субъектах политики, имея в виду государство, политические партии, политических лидеров, элиты. Модным стало говорить о различных группах интересов, давления, представительства. В модели федеративного обустройства можно наблюдать в качестве субъектов политики все вышеперечисленные категории политического действия. Из этого числа субъектов выпал народ. И если включить и его в число субъектов политики, то это будет формально и юридически верно, соответствовать конституционной норме. Но подобная логика почти никак не выражает потенциального и возможного значения

граждан как субъектов политики. С нашей точки зрения, следует обратить внимание не только на граждан общества, как субъектов политики, а более всего на такую его характеристику, как «объединенная сила граждан».

Признание значения объединенной силы общества в качестве атрибута политической субъектности не снимает вопроса о том, на какой основе и что обеспечивает эту самую «объединенную силу», что ее формирует и превращает в силу единения и объединения частей, а не разлада и распада. Федерализм к этим тенденциям, как известно, чувствителен.

Пролонгация анализа теории федерализма — это возможность реконструкции применения базовых или отдельных рационалистических (даже прагматических) положений теории федерализма в политологической и политической практике в Российской Федерации. Если опираться все же на рационалистически-прагматические положения теории федерализма, то вряд ли будет достаточной и обоснованной мысль в рамках «нового федерализма» о необходимости возвращения субъектам Российской Федерации полномочий, присвоенных федеральным центром. На первый взгляд такая логика рассуждений на руку аналитикам в расшифровке политической субъектности региональной власти. Чего тут сложного в обретении субъектности — добились причитавшихся полномочий, и делу конец. Таким упрощенным путем решается проблема самоутверждения региональной власти, т. е. ее хотя бы частичная субъектность.

Создаются условия и возможности воплощения эффективной, действенной и целостной системы многоступенчатого властвования и управления. Это реакция на современность в федеративных отношениях, которая характеризуется параллельным существованием двух взаимоисключающих процессов: во-первых, некоторым повышением потенциала федерализма, прослеживаемым преимущественно со стороны субъектов Российской Федерации и выразившимся в стремлении региональных

элит к установлению максимально сбалансированных отношений с федеральным центром. Главным здесь был бы учтен весь комплекс местных проблем и потребностей. Данная тенденция отражается, в частности, и в инициировании лидерами республик в составе Российской Федерации и главами городских, областных и краевых администраций новых законоположений по юридическому оформлению и закреплению статуса отдельно взятого региона в обновляющейся системе федеративных отношений России, процесс конституирования которых, по сути, приобрел новое качество. С другой стороны, и это, во-вторых, выделяются, улавливаются, вбрасываются в информационное пространство суждения, свидетельствующие о будто бы проявляющейся крайне опасной для федеративного развития тенденций — унитаристской централизации, принижающей роль региональных и местных органов в общеполитических акциях.

Литература

- [1] Алексеев Н.Н. Советский федерализм // Мир Россия — Евразия. Антология. — М., 1995.
- [2] Бекбосынов М.Б. Проблемы оптимизации федеративных отношений в современной России. — М., 2006.
- [3] Дмитриева Ю.Б. Отношения между центром и регионами в России: проблема эффективности // Теория и практика государственного и муниципального управления. — Смоленск, 2010. — С. 225–226.
- [4] Итоги года с Президентом России 24 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://президент.рф/9888>
- [5] Карта будущего. Доклад Национального совета по разведке США. Проект 2020. — М.: Фонд «Единство во имя России», 2005.
- [6] Конституция Российской Федерации. — М., 2005. — С. 21–22.
- [7] Михайлова Н.В. Политологический анализ сущности понятия «федерализм» и «федерация» // Актуальные вопросы политической науки: сб. статей российских и зарубежных ученых. — М., 2010.
- [8] Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. — М., 2006. — С. 69.
- [9] Чирикова А.Е. Региональные элиты России. — М., 2010.

РОССИЯ И КАЗАХСТАН: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АРГУМЕНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

31 июля 2013 г. в Башкирском институте социальных технологий (филиале) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальной защиты» — Центре ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации — состоялся Международный круглый стол «Россия и Казахстан: политико-правовые, экономические и социокультурные аргументы сотрудничества».

Круглый стол — это первый раунд встреч в рамках реализации проекта «Стратегия международного сотрудничества через молодежную инициативу», цель которого — привлечение молодежи к проведению в Уфе очередного заседания Совета глав государств-членов ШОС в 2014 году и встречи глав государств и правительств БРИКС в 2015 году.

В работе Круглого стола приняла участие делегация Республики Казахстан, в том числе **Арын Ерлан Мухтарович** — Аким Павло-

дарской области; **Оразбаков Галым Избасарович** — Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Российской Федерации; **Синяговский Александр Сергеевич** — первый секретарь Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации; **Жумартбаева Татьяна Владимировна** — советник Торгового представительства Республики Казахстан в Российской Федерации; **Каримов Канат Сарсенович** — руководитель Аппарата Акима Павлодарской области; **Кадысова Роза Жумабаевна** — руководитель Управления культуры Павлодарской области; **Аршабеков Нургали Рахимгалиевич** — ректор Павлодарского государственного педагогического института и другие официальные лица.

Республику Башкортостан представляли **Нугуманов Рауф Самигуллович** — первый заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан; **Азаматов Даниль Дамирович** — начальник Управления

общественно-политического развития Администрации Президента Республики Башкортостан; **Ишемгулов Фидан Альфирович** — заведующий отделом внешних связей Управления внешних и межрегиональных связей Администрации Президента Республики Башкортостан, члены региональной общественной организации «Центр Казахской национальной культуры «ЕЛИМ АЙ» Республики Башкортостан, а также представители научных и общественных кругов, бизнес-элиты Республики Башкортостан.

В ходе работы Круглого стола были обсуждены вопросы политико-правового развития территорий в постсоветский период, социокультурное самочувствие населения на современном этапе, своеобразие экономического развития России и Казахстана и основные тенденции развития сотрудничества в сфере международной политики.

В формате телемоста состоялся диалог с **Болдуруковой Назирой Болатовной** — Председателем Республиканского общественного объединения «Единая детско-юношеская организация «Жас Улан» (Астана, Казахстан) и **Юрием Юрьевичем Кофнером** — Председателем Евразийского клуба МГИМО (Мюнхен, Германия).

Диалог был живым и злободневным. И предложений о совместных проектах высказано немало, определены перспективы дальнейшего долгосрочного сотрудничества.

В проекте Резолюции обозначены следующие пункты:

1. Создание в Уфе штаб-квартиры Евразийского молодежного парламента с целью формирования общественной и научной дискуссионной площадки для проведения форумов, дискуссий, встреч, обсуждения многообразия молодежных вопросов.

2. Инициирование разработки образовательными учреждениями Республики Башкортостан Российской Федерации и Республики Казахстан совместных социокультурных молодежных проектов: «Технологии формирования активной гражданской позиции, толерантности, патриотизма в молодежной среде»; «Моя малая Родина: туристические маршруты»; «Молодежное волонтерское движение» и др.

3. Проведение Международного конкурса сказителей башкирского народного эпоса «Урал-батыр» и народного казахского эпоса «Кобланды-батыр» на языках народов, проживающих на территориях России и Казахстана.

4. Организация совместных научных и культурных мероприятий евразийского масштаба в рамках подготовки к саммиту ШОС и БРИКС: научно-практические конференции, круглые столы, выставки, конкурсы и т. д.

5. Укрепление сотрудничества Центров ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации и Республики Казахстан.

6. Реализация в Республике Башкортостан инновационного проекта «Торговый дом «Ка-

захстан», направленного на создание благоприятного инвестиционного климата для развития предпринимательской деятельности в области малого и среднего бизнеса и установления схемы постоянной поставки продукции двух республик в сфере агропромышленного сельского хозяйства, машиностроения, нефтехимии, финансового рынка.

Резолюцию — после внесения предложений участников Круглого стола, решено направить в органы государственной власти, законодательные парламенты, научно-образовательные и общественно-культурные центры и организации Республики Башкортостан Российской Федерации и Республики Казахстан.

УДК 321(470:574)

УНБАЕВА Айна Синимировна,
Уполномоченный Торгового представительства
Республики Казахстан по Республике Башкортостан
e-mail: ainaufa@mail.ru

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «РОССИЯ И КАЗАХСТАН:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АРГУМЕНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА»
Уфа, 31 июля 2013 г.**

Проект-предложение — который предлагаю вашему вниманию, направлен на улучшение, оптимизацию предпринимательской деятельности, торговых отношений Казахстана и Башкортостана.

Создать торговый дом «Казахстан» в Республике Башкортостан», столице городе Уфе.

Российская Федерация является одним из главных экономических партнеров Республики Казахстан, занимает ведущее место среди импортеров казахской продукции и лидирует среди поставщиков товаров на рынок Казахстана.

Перспективные направления двустороннего казахстанско-башкирского сотрудничества обсуждаются и предлагаются на встречах различного уровня и формата. Необходимость активизации и динамичного развития взаимоотношений между деловыми кругами Казахстана и Башкортостана имеет место.

Создание торгового дома «Казахстан» в Республике Башкортостан будет способствовать развитию и установлению схемы постоянной поставки продукции агропродовольственного, машиностроительного, нефтехимического сектора экономики, сферы услуг и консалтинга. Развитию благоприятного инновационного, инвестиционного климата.

Торговый дом «Казахстан» призван систематически изучать общую торгово-экономическую ситуацию, и основные тенденции ее развития в республиках, законодательство в области внешнеэкономической деятельности, правовую базу Единого Экономического

пространства, рынки товаров и услуг, а также другие особенности внешнеэкономических связей.

Установка единых лабораторий по сертификации товаров и услуг в торговом доме «Казахстан» способствует минимизации расхождений в оценках качества продукции, поставляемых в Республику Башкортостан, или полное их отсутствие.

Создание торгового дома «Казахстан» в Республике Башкортостан возможно максимально снизит бюрократические, административные и технологические барьеры участникам предпринимательской деятельности.

Придаст импульс торговым отношениям республик, от производителей Казахстана к рядовому потребителю Республики Башкортостан.

На базе торгового дома «Казахстан» в Республике Башкортостан создать единый информационный центр, с помощью которого, казахстанские, башкирские производители, участники торгово-экономических отношений Уральско-Поволжского регионов, импортеры и экспортеры получали рекомендации достоверную и актуальную информацию о своих партнерах бизнеса в режиме онлайн.

Плюсом единого информационного центра может быть создание на базе торгового дома эффективной информационной системы о казахстанских, российских рынках, доступных как для казахстанских, так и башкирских производителей, о законодательстве и условиях внешнеторговой деятельности.

Сегодня выражение — «Кто владеет информацией, тот владеет миром» как никогда актуально и достоверно.

Цель проекта поднять, а точнее активизировать уровень сотрудничества казахстанских, башкирских производителей малого и среднего бизнеса не ограничиваясь крупным, которые представляют и занимают стабильный сегмент рынка в республиках, регионах.

Предлагаю рассмотреть торговый дом «Казахстан» в Республике Башкортостан, как постоянно выставку товаров и услуг Республики Казахстан и Республики Башкортостан.

Разработать и закрепить совместный бренд качественной продукции из Республики Казахстан, например: «Казахстан-Эко», «сделано в Казахстане».

Содействовать проведению переговоров, заключению и исполнению внешнеторговых сделок в целях продвижения бренда на рынок Башкортостана, России.

Проводить торговые, тематические выставки, ярмарки на площадке торгового дома. Привлекать участников внешнеторговой деятельности Казахстана к международным специализированным мероприятиям в Республике Башкортостан.

Проводить работу по привлечению деловых кругов Республики Башкортостан к участию в международных выставках, ярмарках, проводимых на территории Республики Казахстан.

В своей деятельности торговый дом «Казахстан» окажет посильное содействие развитию и расширению торгово-экономических связей между Республикой Казахстан и Республикой Башкортостан, повышению позитивного продвижению продукции Казахстана и предпринимательской активности регионов.

Оказание всемерного содействия внешне-торговой деятельности и защита экономических интересов казахстанских национальных компаний и иных организаций, частных предпринимателей, участников внешнеторговой деятельности.

Содействие расширению и диверсификации казахского экспорта товаров и услуг, наращиванию инвестиционного и технического сотрудничества, совершенствованию инфра-

структуры услуг Казахстана во внешнеэкономической сфере.

Взаимодействие с торгово-промышленной палаты Башкортостан, объединениями предпринимателей, межрегиональными экономическими ассоциациями, в целях выработки общих подходов, а также предложений и рекомендаций в области внешнеэкономической деятельности;

Обеспечение участия торгового дома в работе межправительственных и межведомственных комиссий и других органов по торгово-экономическому сотрудничеству Казахстана и Башкортостана;

Создание представительств торгового дома «Казахстан» в субъектах Российской Федерации, методическое и оперативное руководство их деятельностью, исходя из целей и задач торгового дома.

Создание выставки казахстанских товаров и услуг в других регионах Российской Федерации.

Осуществлять организацию деловых встреч, презентаций казахский предприятий и их партнеров в Республике Башкортостан, круглых столов, консультаций, образовательных семинаров и тренингов для бизнеса;

Разрабатывать бизнес-планы и инвестиционные проекты в соответствии с международными стандартами;

Создать свой рейтинг казахстанских и башкирских участников внешнеторговой деятельности, который может публиковаться в периодических изданиях для деловых кругов республик;

Создавать базы для оптовой продукции из Республики Казахстан, товарно-сырьевую биржу в Уфе, других городах, регионах.

Привлечение представителей казахской диаспоры в Республике Башкортостан к работе торгового дома.

Высокая степень эффективности торговых домов и высокая компетенция определена в рамках международной торговли.

Республика Башкортостан имеет преимущества по ряду признаков в создании торгового дома «Казахстан». Это:

1. географическое расположение;
2. разветвленная транспортная логистика;
3. жители республик — братские народы обладают одной удивительной особенностью —

язык, на котором легко общаться и понимать друг друга.

Прошу Вас, господин Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Рос-

сийской Федерации Оразбаков Галым Избасарович, оказать всемерную помощь в реализации проекта «Торговый дом „Казахстан”»!

Благодарю Вас за внимание.

С уважением,
Уполномоченный Торгового представительства
Республики Казахстан по Республике Башкортостан
А.С. Унбаева

УДК 321(470:574)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,

*кандидат исторических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru*

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Проведение в Российской Федерации очередного заседания Совета глав государств-членов ШОС в 2014 году и встречи глав государств и правительств БРИКС в 2015 году — значимое событие как для нашей страны, так и для мирового сообщества. Их результатом станет дальнейшее развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности, содействие построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка. Немаловажно и то, что в ходе встреч будут приниматься решения о совместном противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях — а это одна из самых актуальных проблем современности.

Вне всякого сомнения, активное участие в подготовке к международным встречам должна принимать молодежь — наиболее мобильная, активная и креативная часть населения.

Ассоциация молодых ученых, Студенческий НИИ, Ресурсный научно-образовательный центр ЮНЕСКО Башкирского института социальных технологий инициировали научный проект «Молодежная инициатива — стратегии международного сотрудничества стран — участников ШОС и БРИКС».

Проект ставит своей целью создание научной дискуссионной площадки для обсуждения возможностей участия молодежи в реализации основных направлений взаимодействия стран-участников на основе выработанных ШОС и БРИКС подходов к сотрудничеству.

Предполагаемые участники проекта — представители стран ШОС (Россия, Китай, Ка-

захстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика):

- молодые ученые;
- государственные органы и общественные молодежные организации;
- иные заинтересованные субъекты.

Ожидаемые результаты реализации проекта:

- установление конструктивного научного, образовательного и межкультурного диалога между молодежью государств-участников, что позволит сблизить народы государств;
- повышение авторитета и информационной узнаваемости Республики Башкортостан и России в целом в международном сообществе;
- активизация молодежного сотрудничества, направленного на укрепление межкультурного диалога;
- долгосрочное эффективное сотрудничество, ориентированное на развитие интеллектуального капитала, обладающего большим потенциалом социально-экономической активности, выступающим вектором положительной динамики любой экономики.

Первая встреча в рамках реализации молодежного проекта — Международный круглый стол «Россия и Казахстан: политико-правовые, экономические и социокультурные аргументы сотрудничества». Его проведение — еще одно свидетельство сохранения многолетней традиции регулярных научных контактов между Россией и Казахстаном. Это знаменательное событие самим фактом своего проведения подтверждает также глубокую взаимную заинтересованность ученых в обмене мнениями по наиболее актуальным вопросам двусторонних

и международных отношений современности, в том числе таким, как влияние мирового финансово-экономического кризиса, политических событий постсоветского пространства на экономики и национальные интересы наших стран, развитие двусторонних торгово-экономических связей, включая сотрудничество по разработке энергоресурсов.

Сегодня российско-казахстанские отношения приобрели такой масштаб и такую глубину, что их состояние и перспективы все активнее обсуждаются в международном масштабе. С учетом этого чрезвычайно важным для всех — научных работников, представителей власти — представляется проведение на постоянной основе мероприятий, позволяющих вести в их рамках живой диалог, обмениваться суждениями и идеями о том, что и как может быть сделано в интересах дальнейшего развития всего комплекса российско-казахстанских связей.

Принципиальным с этих позиций представляется обмен мнениями по поводу проблем и вызовов международной и региональной безопасности и стабильности вблизи национальных границ России и Казахстана в связи с нарастанием опасных кризисных явлений на Ближнем и Среднем Востоке, эскалации военных угроз в отношении Ирана, а также из-за сохранения неурегулированного конфликта в сопредельном Афганистане. Исходя из этого, было бы весьма полезно обсудить, какие конкретные действия необходимо предпринять в двустороннем формате, а также в рамках ШОС.

Сохраняется нестабильность и в мировой экономике, которая, так и не сумев преодолеть последствия глобального кризиса 2008–2009 гг., снова возвращается в кризисную стадию. В результате этого вполне очевидной является выработка эффективного курса экономической политики наших стран, направленного на осуществление мер как на национальном уровне, так и в рамках межгосударственного сотрудничества по преодолению существующих негативных тенденций и обеспечению долгосрочного устойчивого экономического развития.

Все более актуальной проблемой становится дефицит питьевой воды. По данным ООН,

уже треть жителей планеты испытывают ее недостаток. Если учитывать стремительный рост населения, то доступность к питьевой воде уже в ближайшем будущем может превратиться в одну из острейших проблем XXI в. Аналогичная ситуация наблюдается с обеспечением населения планеты экологически чистыми продуктами питания. Особое значение для Казахстана и России приобретает инновационное развитие, т. е. форсированный перевод национальных экономик на инновационные рельсы.

Сегодня можно услышать многочисленные пессимистические оценки развития интеграционных процессов, однако не следует забывать, что необходимо немало времени для организационной работы по реализации соглашений и регламентов, выработанных совместными усилиями специалистов наших стран. Необходимо терпение и конкретная работа в течение ряда лет.

Стратегическое партнерство — это долгосрочные, взаимовыгодные взаимоотношения стран в различных сферах. И Россия, и Казахстан считают своими стратегическими партнерами и США, и Китай, и Евросоюз, и ряд других государств. Однако содержание стратегического партнерства с каждой из стран разное.

Стратегическое партнерство России и Казахстана носит союзнический, братский характер, в первую очередь в экономике. Но опыт развития, к примеру, бы Европейского Союза показывает, что на этом интеграция не заканчивается, в ЕС есть и политический, и военный механизмы. Евразийский Союз, кроме чисто экономических аспектов, предусматривает сближение и сотрудничество в миграционной политике, образовании, культуре, внешней политике, развитии связей по линии парламентов и деловых сообществ, а также в совершенствовании наднациональных институтов. Ясно одно, что на евразийском пространстве создается новый центр силы, который важен не только нашим государствам, но и ближайшим соседям, уже проявляющим интерес к новому образованию.

Бесспорно, отношения между Россией и Казахстаном не безоблачны. Есть и трудности, и вопросы, над решением которых еще предстоит напряженно работать. И это естественно: имея такой, без преувеличения, гигантский

спектр сотрудничества, обойтись без проблем просто невозможно. Тем не менее — как неоднократно подчеркивали наши президенты — любые проблемы мы решаем, находя ту «золотую середину», которая устраивает обе стороны. И если, покидая стол переговоров, мы испытываем некоторую горечь, то лишь оттого, что расстаемся — пусть на короткое время — с хорошими друзьями и надежными партнерами. Такой подход к российско-казахстанским

отношениям оправдан, прежде всего, с исторической точки зрения. Духовная близость наших народов, тысячи невидимых нитей, связывающих людей из разных уголков России и Казахстана, — все это налагает на нас особую ответственность перед будущими поколениями, направляет на путь интеграции. Для наших стран — это самый короткий и естественный путь, ведущий к достижению гармонии интересов, взаимопонимания и процветания.

УДК 321(470:574)

ГАЙДУК Вадим Витальевич,
доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: vgrb@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

20 лет назад на постсоветском пространстве стартовал парад суверенитетов, и в итоге сегодня все бывшие советские республики отмечают круглую дату своей независимости. В том числе Россия и Казахстан. Но два наших государства отдают себе ясный отчет, что многовековые экономические, политические, культурные и просто дружеские связи между нашими народами должны не сокращаться в условиях глобализации, а всемерно активно развиваться. Именно эта убежденность высших должностных лиц и реально мыслящих масштабно политических лидеров привела к пониманию необходимости расширения интеграционных процессов наших двух стран и всех, кто поймет необходимость нового союза.

Таким союзом должен стать Евразийский Союз — международная экономическая организация, созданная с целью формирования общих внешних таможенных границ входящих в нее государств, выработки единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка.

Сегодня оба государства (Казахстан и Россия) задают тон развития на просторах Содружества Независимых Государств в политической и экономической сферах. За годы независимости Казахстан прошел испытание огнем, водой и медными трубами. Как-никак республике удалось преодолеть два экономических кризиса, впрочем, третий — глобальный финансовый кризис, который часто сравнивают с Великой депрессией 30-х годов XX века, — тоже оказался по зубам. В итоге сегодня Казахстан на постсоветском пространстве по экономическому развитию вошел в «большую

четверку» и снискал заслуженный авторитет на мировой арене. Во многом успехи страны были предопределены выбранной 20 лет назад политической и экономической стратегией становления и развития Казахстана как суверенного государства, а также «Стратегией 2030», которых неукоснительно придерживается республика.

90-е годы прошлого столетия были, на мой взгляд, самыми динамичными, возможно, за всю историю России. Только давайте задумаемся, сколько удалось сделать за столь короткое время: была разрушена коммунистическая система и создана многопартийная, конкурентная, совершенно новая политическая система. Мы отказались от государственной плановой экономики, заложив основы рыночной экономики и законодательно утвердив частную собственность.

Да, за 20 лет пока не все люди в Казахстане и России осознали, что свобода — это неравенство, но равенство сдерживает развитие. Не случайно Советский Союз, советское общество отстали от развитых стран на десятилетия. Хотя заметим, что СССР демонстрировал успехи: мы летали в космос, запускали ракеты. То есть мы, политологи, как раз разъясняем, в чем функции и сущность государства и в чем сущность человеческого и общественного, чем отличаются институты политические и государственные от институтов гражданского общества.

Сегодня казахстанцы отличаются мобильностью: ритм жизни, развитие международных отношений, сотовая связь, Интернет. И это правильно! Могу сказать о себе — утром, скажем, я читаю лекции в Уфе, а вечером — в Москве. Так делают многие мои коллеги. Это и есть «че-

ловек мобильный», у него всегда есть возможность заработать, помочь детям, внукам или родителям.

Сегодня следовало бы задуматься нынешним властям, почему в начале 1990-х была отменена прописка, почему в законодательном порядке из паспорта гражданина России был изъят пункт о национальной принадлежности.

Ответ очень простой: в условиях конкуренции человек должен быть мобильным, а не оседлым. Только мобильный человек может стать успешным. Конечно, в современных условиях затруднено сохранение традиций, языка и культуры национальных меньшинств. Это издержки глобализации.

Благодаря глобализации, интеграции экономик и свободному перемещению он (человек) свободен в выборе места жительства и работы. Опять же личная свобода вносит вклад в развитие экономики сразу нескольких стран, поэтому она первична, т.к. обеспечивает стабильное развитие государств. Но такое понимание приходит со временем, и я думаю, что в наших странах оно постепенно растет. И когда студенты слушают наши лекции, у них есть право сравнивать, есть право осознать, как развивать Российскую Федерацию, все сферы общественной жизни. Если в Казахстане лучше, чем в России, и что-то движется, а такие сферы есть, тогда не стоит брать наш опыт. Но если есть области, где наблюдается отставание по сравнению с другими странами, то, конечно же, передовой опыт надо учитывать. Сегодня мы получили свободу выбора, это и есть то большое приобретение, которое получили Казахстан и Россия с развалом «железного занавеса» и бывшего СССР. И, конечно же, благодаря рыночной экономике, плюрализму.

Сегодня и Россия и Казахстан находятся в состоянии политической трансформации. И естественно, что избирательные системы двух стран еще не достигли такого совершенства, как, например, в развитых демократиях. И как долго будет продолжаться переходный период во многом будет зависеть от социальной среды. В Казахстане это обычаи, этнический состав населения, религия, язык. Социальная среда иногда играет большую роль при выборе политической модели, чем мировые стандарты. Она заставляет политиков оста-

навливаться, учитывать традиции, менталитет, сдерживает в позитивном смысле слова.

Поскольку нельзя поступательно двигаться вперед в условиях нестабильности, а игнорирование социальной среды как раз и будет генерировать кризисы. В итоге политические институты, государство столкнутся с сильным давлением. В качестве примера можно привести соседний Кыргызстан. Это тот случай, когда говорят, что «вот здесь что-то недоучли».

Когда говорят о политике и политической модели, то надо понимать, что есть такие системы, которые стабильны и демонстрируют развитие экономики и социальной сферы и при этом хорошо сочетают в себе либеральные ценности. Но есть и такие страны, где реализация демократических проектов подрывает их устойчивый рост: экономические показатели падают, происходит деградация социальной сферы, маргинализация общества. Искусство состоит в том, чтобы найти баланс.

Не факт, что претворение в жизнь западных принципов демократии повысит КПД наших политических моделей. Ведь никто не дает гарантий, что депутаты вместо того, чтобы качественно работать над законами, не впадут в популизм, чтобы привлечь к себе внимание потенциальных избирателей. И еще. Либеральные ценности — это все-таки европейское, в то время как Казахстан и Россия — это два больших государства Евразии. Исторически у наших народов сложился свой менталитет, восприятие окружающего мира, специфика, которые невозможно игнорировать, в том числе и в вопросе реализации демократических принципов.

Кстати, другим трендом что для Казахстана, что для России является инновационное развитие. Сегодня наши страны начали строить, так называемую — «умную экономику». Ученые привыкли давать оценки в разных плоскостях. Как мы говорим, делая прогноз, необходимо взять разные научные парадигмы, совместить их, взять системную модель, системный метод, для того чтобы прогноз действительно соответствовал тому, что можно отразить то, что ближе к объективной реальности.

По-научному, экономика действует по принципам общепланетарности, если она развивается, ее нельзя загнать в государственные гра-

ницы, главная ее цель — прибыль. Для культуры, которая является основой, свойственны иные функции и цели. Культура делает сообщество все более и более автономным, функции культуры, прежде всего языка, — замыкаться в себе.

Если говорить все время на казахском языке, то вы будете замыкаться, тем самым развивать казахский язык. Если вы будете открыты, то будет проникать английский, русский и будет все больше разрушаться казахский. Поэтому у культуры, к сожалению, а может, и к счастью, есть функция замыкаться в себе и делать все более жесткими границы, не пускать чужого.

Но это не значит, что культура не может действовать в рамках интеграции, что нет мировой культуры. Кстати, в данном случае можно привести в пример позитивную инициативу президента Казахстана развития трехязычия, которая позволяет избежать «культурных ловушек» в процессе модернизации и интеграции страны в мировую экономику. А в целом, когда мы говорим о модернизации, мы имеем в виду, что мы должны модернизировать все сферы общественной жизни.

Также слагаемыми успеха инновационного развития выступает качественное образование. Как его обеспечить и что для этого необходимо? На мой взгляд, качественное образование можно обеспечить, прежде всего, понимая то, что научные принципы и наука общепланетарны и транснациональны.

Нет казахстанского, российского, башкирского, британского или американского закона Ньютона, есть просто закон всемирного тяготения. Все научные законы такие, в том числе в общественных, политических науках. Если мы признаем, что стержневым в XXI веке являются права и свободы человека — это научный принцип, а не желание политиков, то исходить надо из этого. И развивать науку можно, только общаясь друг с другом. Только устанавливая серьезные коммуникации со всеми ведущими вузами, научными центрами, только так, не замыкаясь, как было зачастую.

И для этого имеются реальные ресурсы и возможности. Скажем Национальный Союз политологов, заместителем Председателя которого являюсь я. Это мощнейшая научная структура, исследующая интеграционные процессы на постсоветском пространстве, и выпускаю-

щая несколько научных журналов, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации: «Вопросы политологии», «Национальные и федеративные отношения», «Евразийский Союз».

Кроме того, в 2010 году группой ведущих российских ученых — представителей от Республики Башкортостан, а также ряда субъектов Российской Федерации и стран — участников Содружества Независимых Государств (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина) принято решение о реализации беспрецедентного проекта — создании Евразийского научно-исследовательского института проблем права (ЕврАзНИИПП).

Местом регистрации ЕврАзНИИПП по единогласному решению учредителей выбран г. Уфа. Это обусловлено тем, что наша республика является не только одним из ведущих субъектов Российской Федерации в области развития образования, культуры и науки, но и местом географического соприкосновения Европы и Азии. Благодаря деятельности ЕврАзНИИПП Республика Башкортостан из географического центра Евразии превратится в центр Евразийской политической и правовой научной мысли.

Концепция ЕврАзНИИПП состоит в создании инновационной формы научно-исследовательского учреждения, привлекающего к сотрудничеству ведущих ученых — представителей стран Европы и Азии. Вот Вам две крупнейшие научные структуры, профильные и готовые к евразийскому интеграционному сотрудничеству. Если будут вопросы по поводу них, я с огромным удовольствием расскажу Вам о них в частном порядке, не в рамках моего выступления.

Еще на один аспект российско-казахского интеграционного сотрудничества хотелось бы обратить Ваше внимание. Это роль дипломатических, посольских и консульских структур в укреплении межгосударственных диалогов. Именно дипломаты, послы и консулы по-сути определяют характер межгосударственных переговоров. Если дипломаты открыты для общения, как это происходит, сегодня в стенах нашего института, то и отношения обязательно будут теплыми и стратегически прочными. А это как то, в чем заинтересованы сегодня обе стороны наших дружественных и партнерских государств: России и Казахстана. Спасибо за внимание!

УДК 321(470:574)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук, доцент, декан юридического факультета,
заведующий кафедрой трудового права и профсоюзного движения,
председатель Ассоциации молодых ученых
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: suly-artur@rambler.ru

К ВОПРОСУ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РОССИЯ И КАЗАХСТАН

Дорогие друзья и коллеги! Российско-казахстанское сотрудничество является приоритетным и доминирующим фактором, как политической, экономической, так и социокультурной стабилизации обстановки на всем постсоветском пространстве. Партнерское сотрудничество наших государств — это не сиюминутно образованные межгосударственные связи, это отношения проверенные историей и временем. Территориальная близость и крайне протяженная общая граница также выступают существенными предпосылками для возникновения, поддержания и совершенствования разнообразных форм сотрудничества между нашими странами.

На территории Казахстана находятся советские военные и промышленные объекты, включая Байконур. Кстати Российская Федерация возобновила соглашение об аренде Байконура еще на 50 лет.

Актуальным вопросом в настоящее время является поток трудовой миграции в Российскую Федерацию из всей средней Азии и Китая, который проходит через Казахстан, и отношения с въезжающими мигрантами. Через территорию Республики Казахстан осуществляется ввоз товаров из КНР в Россию, что также не может остаться без внимания [1]. Достигнуто соглашение об экспорте казахстанского газа в Европу через «Газпром». Наши государства идут, фактически, к объединению экономических систем двух государств в рамках ТС и ЕЭП.

Россия и Казахстан ведут совместную деятельность по развитию промышленности Каспия, в частности, нефтедобычи, а также уча-

ствуют в различных экологических программах по поддержанию экологии Каспийского моря. Государствами совместно реализуются программы атомной энергетики и ряд других промышленных и экологических задач [2]. На сегодняшний момент уже имеются общие достижения в сфере ядерной энергетики: центр по обогащению урана в Ангарске (Иркутская область) и были зарегистрированы в Алма-Ате «Атомные станции» и «Акбатау».

Не может остаться без внимания взаимодействие государств в научной сфере, примером тому служат многочисленные научно-практические конференции по политологии, праву, экономике, техническим наукам и другим немаловажным вопросам, которые регулярно проводятся совместно российскими и казахстанскими вузами. В Республике Казахстан функционирует ряд филиалов высших учебных заведений Российской Федерации, таких как МГУ — в Астане, Челябинского государственного университета — в Костанаве, Тюменского государственного нефтегазового университета — в Павлодаре и другие. На сегодняшний момент в Республике Казахстан функционируют 6 филиалов российских учебных заведений. И это без учета того факта, что большое количество граждан Республики Казахстан обучаются в России. Очевидно, что интеграционная политика современной России, претерпевает существенные изменения, трансформируясь из рефлекторной в осознанную и максимально долговременную.

В рамках сегодняшнего выступления, мне бы хотелось обратить внимание еще на один,

как видится, немаловажный аспект российско-казахстанского сотрудничества. Это обыденное восприятие интеграционных процессов жителями наших государств.

Помнится, как то на одном из занятий по политологии студент задал мне вопрос: «Какую конкретную пользу несут интеграционные процессы для россиян? Ну, вступили в ВТО, в Евразийский Союз или куда либо еще, а дальше то что?».

Сегодня особо важно доносить до населения информацию, понятную и адекватную для восприятия. Что? Зачем и почему? А не ограничиваться лишь государственными официальными формулировками последствий интеграционных трансформаций. Иначе люди будут черпать информацию сугубо в интернете, в «желтой прессе», и строить ложные, а порой и откровенно антигосударственные стереотипы.

В этой связи, российско-казахстанская интеграция должна укрепиться в общественном сознании как некая «межнациональная идея», когда каждая семья на своем личном опыте поймет и затем и почувствует ее преимущество.

Как, например, отмечает политик Ольга Баталина «Это произойдет не завтра — пока пройдет период адаптации национальных экономик, появятся новые ресурсы, возникнет синергетический эффект от сложения потенциалов. Но для того, чтобы люди увидели привлекательный образ интеграционного проекта, он

должен наполниться прикладными, понятными смыслами. И для донесения этих смыслов нужны спикеры, которых сегодня явно недостаточно, в основном все тезисы интеграции сводятся к макроэкономике. Информационное пространство необходимо наполнять успешными бизнес-историями, гуманитарными проектами, демонстрирующими, как на практике работает Евразийский проект» [3].

Очевидно, что укрепление межгосударственного сотрудничества не может быть эффективным, если оно не будет опираться на широкую общественную поддержку, что по сути невозможно без прямого и открытого диалога. Вот почему появление новых дискуссионных площадок, таких как наша сегодняшняя встреча, полностью отвечает велению времени и поставленным политическим, социально-экономическим и культурным задачам наших государств.

Спасибо за внимание.

Литература

[1] *Ричард Орандж*. Казахстан: Россия призывает навести порядок на пограничных переходах с Китаем [Электронный ресурс]. — URL: <http://russian.eurasianet.org/node>

[2] Россия и Казахстан — дружба на урановой основе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.voanews.com/russian/news/former-ussr/russia-kazakhstan-2010-09-07-10235245>

[3] URL: <http://olga-batalina.livejournal.com/profile>

ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

12 сентября 2013 г. в Башкирском институте социальных технологий (филиале) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальной защиты» прошло заседание международного круглого стола «Приоритетные проекты интеграционного сотрудничества России и Белоруссии».

В его работе приняли участие представители органов власти, научного сообщества, общественных организаций и студентов Республики Башкортостан. В режиме он-лайн вместе с ними работали представители юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск) и руководитель ОД «Молодая Евразия», руководитель Центра евразийско-европейского сотрудничества и взаимодействия Института ЕврАзЭС **Юрий Юрьевич Кофнер** (Москва).

Модератором круглого стола выступила директор института **Танзиля Алтафовна Нигматуллина**.

Вопросы, которые были подняты участниками, касались самых разных направлений:

1. Евразийский Союз как новая форма социально-экономического обустройства государств.

2. Организационно-структурные особенности институционализации наднациональных органов Евразийского Союза (предпосылки формирования Евразийского парламента).

3. Союзное государство. Союз России — Белоруссии.

4. Содружество Независимых Государств: 20 лет политических трансформаций.

5. Опыт, проблемы и перспективы инновационного сотрудничества России и Белоруссии: геополитика отношений; сфера образования и науки; граничный потенциал российско-белорусского сотрудничества.

С большим вниманием выслушали присутствующие выступления доктора политических наук **В.В. Гайдука** («Республика Башкортостан как инновационная площадка реализации российско-белорусских проектов»), доктора экономических наук **И.У. Зулькарная** («Развитие сельской кооперации в условиях рыночной экономики»), кандидата политических наук **А.Р. Сулейманова** («Политические и экономические границы Евразийского сотрудничества»), кандидата педагогических наук **Р.Ф. Габидуллина** («Совместные образовательные проекты России и Белоруссии»), председателя Молодежной общественной палаты при Государственном

Собрании — Курултае Республики Башкортостан **Н.Н. Самойленко** («Молодежный парламентаризм в Республике Башкортостан»).

Особый интерес вызвали выступления иностранных партнеров — **Г.А. Васильевича**, заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, который остановился на вопросах о роли актов Таможенного Союза в национальном законодательстве Республики Беларусь, и **Ю.Ю. Кофнера**, который познакомил присутствующих с деятельностью инициативной группы по созданию Евразий-

ского Молодежного Парламента на постсоветском пространстве. Он попросил белорусских коллег поддержать общеевразийскую инициативу, в частности, идею создания белорусской рабочей группы по созданию ЕАМП.

В ходе обсуждения Ю.Ю. Кофнер еще раз высказал предложение создать в Уфе штаб-квартиру по созданию ЕАМП, которая была одобрена всеми участниками, внесена в совместную резолюцию и направлена в органы государственной власти, законодательные парламенты, научно-образовательные и общественно-культурные центры и организации Республики Башкортостан Российской Федерации и Республики Беларусь.

УДК 321(470:476)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,
кандидат исторических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛОРУССИИ»**

Уфа, 12 сентября 2013 г.

**РОССИЯ И БЕЛОРУССИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОСЕДИ**

Сегодняшнее заседание посвящено приоритетным проектам интеграционного сотрудничества России и Белоруссии. Тема эта сегодня актуальна как никогда.

Россия и Беларусь, геополитические партнеры и исторические соседи, веками жили рядом, взаимодействовали и сотрудничали. «Реки могут пересохнуть, горы могут рухнуть, но дружба народов вечна и нерушима», — гласит пословица. Историческое единство невозможно нарушить. И об этом свидетельствуют реалии сегодняшнего дня.

8 декабря 1999 г. был подписан «Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии». 26 января 2000 г. он вступил в силу. С тех пор прошло 13 лет, которые вместили в себя много разных событий. Но и сегодня по-прежнему более 60% россиян и белорусов, согласно социологическим опросам, проведенным в августе 2013 г., считают, что полноценный союз России и Белоруссии имеет право на существование.

Лидеры двух стран — Владимир Владимирович Путин и Александр Григорьевич Лукашенко — в совместном заявлении, принятом 31 мая прошлого года, по итогам их переговоров подтверждают стратегический характер отношений между Россией и Белоруссией. Они выразили уверенность, что Евразийский экономический союз будет мощным и влия-

тельным геополитическим образованием, привлекательным для других стран, которые разделяют идеи евразийской интеграции. И это понятно, ведь такая интеграция способствует формированию новой архитектуры экономического взаимодействия от Лиссабона до Владивостока.

Мы живем в мире, в котором все больший динамизм и размах приобретают процессы социокультурного развития, интенсифицируется производство и обмен не только материальных ценностей, но и информации, технологий, знаний. В условиях выстраивания новой системы международных экономических отношений создаются и новые сложные модели межгосударственной интеграции. Мировой опыт наглядно демонстрирует, что наибольшие выгоды от интеграции получают те государства, которые сознательным и целевым образом проектируют направления и приоритеты экономического, культурного, научно-инновационного сотрудничества на долгосрочную перспективу.

Сегодня перед международным сообществом встает множество проблем, которые невозможно решить, пользуясь ресурсами и руководствуясь интересами только одной страны. Координация усилий различных государств и их интеграция — это единственный выверенный путь поиска ответов на глобальные вызовы и угрозы современности. при любых усло-

виях и в ситуации устойчивого развития геополитической системы на принципах многополярности, и в ситуации мирового социально-экономического, финансового или экологического кризиса. Все эти проблемы в большей или меньшей степени касаются и нашей страны, Российской Федерации. Аналогично они затрагивают и Республику Беларусь.

Тесное взаимодействие российского и белорусского государств является коренной задачей, решение которой напрямую способствует укреплению национальной и экономической безопасности, а также сохранению ценностных основ наших дружественных народов. Экономическая, геополитическая, социокультурная взаимовыгодность построения сообщества Беларуси и России в настоящее время не вызывает сомнений ни у политиков, экономистов, ни у социологов и философов двух стран.

Совершенно очевидно, что важным результатом интеграционных процессов, их мотивирующим фактором является устойчивое развитие общества. Определяющий вклад в теоретико-методологическое обеспечение устойчивости вносит фундаментальная наука. Иллюстрацией этого служит сотрудничество между учеными-гуманитариями России и Беларуси. Бывает, что в ряде сфер, где политики еще только нащупывают, согласовывают принципы общности и взаимодействия, ученые традиционно поддерживают и находят новые контакты, которые служат сегодня плацдармом евразийского сотрудничества.

Союзное государство России и Беларуси является своего рода продуктом процесса разносторонней интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств. Именно из недр Содружества выросли, сформировались и развиваются новые интеграционные структуры: Союзное государство России и Беларуси, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

И все же надо признать: процесс создания Союзного государства идет противоречиво. Выявляющиеся на этом пути трудности можно объяснить исключительным характером задач, которые необходимо решать двум государствам, не имея перед собой примера или аналога из мировой практики. Прежде всего,

речь идет о формулировании и отработке тех механизмов межгосударственного сотрудничества, которые адекватны критериям качественно новой социальной реальности современного мира.

Эта новая реальность обусловливается не в последнюю очередь фактом появления и функционирования на евразийском континенте ряда надгосударственных объединений, таких как Содружество Независимых Государств, Таможенный союз, Организация договора о коллективной безопасности и др. Возможно, далее других продвинулись по пути эффективной интеграции государства, входящие сегодня в Европейский союз. Но и здесь мы видим множество противоречий, дисбалансов финансово-экономического, социального, культурного характера. И это подсказывает нам модель новой системной интеграции на просторах континента. Модель более обширную и масштабную — евразийскую интеграцию, учитывающую интересы как восточных, так и западных регионов нашего общего историко-культурного и цивилизационного пространства.

Российско-белорусский интеграционный процесс был инициирован в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, повышения благосостояния и благополучия народов двух стран. Сегодня безусловным приоритетом этого интеграционного объединения является социально-экономическое развитие на основе модернизации и широкого внедрения инноваций. Модернизация — это вопрос не только технологий. Она должна охватывать все стороны жизни общества, в том числе государственное управление. Такое понимание модернизации позволит Союзному государству России и Беларуси достичь необходимой конкурентоспособности в глобальном геополитическом пространстве, значительно повысить качество жизни людей, откроет широкие возможности для их творческой и деловой самореализации.

Нынешняя конференция — уникальна по своей сути. Сегодня мы попытаемся комплексно рассмотреть гуманитарные аспекты интеграции России и Белоруссии, взятые не сами по себе, а в контексте общеевропейских и евроазиатских социокультурных процессов. Не-

обходимо глубоко осмыслить социально-экономические, научные и культурные ориентиры развития наших государств, принципы их взаимодействия с другими надгосударственными объединениями. Особое внимание следует уделить вопросам системной социально-эко-

номической интеграции, раскрывая как мировоззренческие основы, так и методологические принципы интегрирующихся пространств. Нужен поиск новых подходов к возможностям социокультурного развития наших стран в европейском контексте.

УДК 329.78

САМОЙЛЕНКО Николай Николаевич,
председатель Молодежной общественной палаты
при Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан
e-mail: molpalata@ufacity.info

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В статье рассматривается опыт создания молодежных парламентов при законодательных (представительных) органах власти как наиболее эффективный, отвечающий задачам и принципам развития молодежного парламентского движения. Дан научный анализ существующего опыта работы молодежных представительных структур разных регионов.

Ключевые слова: молодежные парламенты, молодежная политика, инициатива, социализация молодежи.

Опыт работы молодежных парламентов за рубежом и в субъектах Российской Федерации показывает эффективность деятельности по привлечению молодежи к решению общественно-политических проблем. В ряде российских регионов Молодежные Парламенты имеют реальное право выступать от лица всей молодежи, активно взаимодействовать с властью, превращают молодежь из объекта в субъект государственной молодежной политики.

Проводимые социологические анализы показали, что создание Общественной Молодежной Палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации отразило позицию государства на федеральном уровне по вопросу развития молодежного парламентаризма. Осуществление подобного обобщения опыта работы молодежных представительных структур разных регионов и анализ их деятельности был необходим для определения оптимальной модели Молодежного Парламента и путей развития в тех регионах, где он не существует или находится в стадии формирования.

Опыт субъектов Российской Федерации показывает, что каждая из предложенных форм имеет право на успешное существование. В то же время в качестве наиболее эффективной, отвечающей задачам и принципам развития молодежного парламентского движения, скорее всего, является создание Молодеж-

ных Парламентов при законодательных (представительных) органах власти. Именно такая форма предоставляет возможность не только изменить уровень и качество участия молодежи в процессе выработки, принятия и реализации решений в области Государственной молодежной политики, но и лоббировать интересы молодежи в органах государственной власти (местного самоуправления). Молодежные Парламенты, созданные при органах законодательной или исполнительной власти соответственно имеют те же уровни, что и государственные органы и уровень местного самоуправления.

Фактически, концепцию создания Молодежных Парламентов можно считать одной из значимых ветвей процесса развития и становления правового российского государства.

Процессы самоорганизации Молодежных Парламентов требуют серьезного управленческого обеспечения, своеобразие которого выражается, с одной стороны, в инициировании и поддержке процессов самоорганизации, а с другой — в сохранении их «самости». При таком подходе молодежные парламентские структуры органично впишутся в формирующееся гражданское общество, которое, в свою очередь, является основой правового государства.

Периодическое обобщение и научный анализ существующего опыта работы молодежных представительных структур разных регио-

нов позволит определить оптимальные модели Молодежного Парламента и пути их развития в тех регионах, где данные структуры уже существуют, находятся в стадии формирования или же создаются впервые. Молодежные Парламенты прикладывают максимум усилий для достижения социально значимого результата, преодолевая межведомственные и иные организационные барьеры.

Очевидно, что в режиме формирования и становления демократических институтов в государстве наиболее приемлемая форма осуществления молодежной политики — предложение партнерства в решении проблем молодежи и общества как дискуссионных площадок, обеспечивающих взаимодействие власти и молодежи.

В настоящее время этап формирования гражданского общества через самоорганизующие молодежные структуры набирает новые обороты, когда первоочередное значение придается вовлечению молодежи в процесс при-

нятия политических решений, предпринимаются конкретные шаги в предоставлении молодежи возможности высказывать свое мнение. Опыт молодежных парламентов показывает, что гражданское общество должно формироваться во взаимодействии с системой власти, с применением подхода «снизу — вверх», чтобы инициатива на местах не оставалась незамеченной, и все разнообразие потребностей молодежи получило адекватное отражение в законотворческой деятельности и при проведении законов в жизнь.

Сегодня есть все условия для политической социализации молодежи в обществе, для ее активного участия в жизнедеятельности государства.

Развитие молодежного парламентаризма доказывает, что молодежь должна быть заинтересована в том, чтобы ее интересы были услышаны и поддержаны государством, которое понимает, каким будет молодое поколение сегодня, таким быть стране завтра.

УДК 321(470:476)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,*кандидат политических наук, доцент, декан юридического факультета,
заведующий кафедрой трудового права и профсоюзного движения**Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных технологий» (г. Уфа)**e-mail: suly-artur@rambler.ru*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мне бы сегодня хотелось поговорить о влиянии политических и экономических факторов на интеграционные процессы на евразийском пространстве.

Первое. В евразийских странах интеграционные процессы в большей степени зависели от политических, нежели экономических факторов. Практически все такие проекты запускались с помощью политических рычагов, в том числе посредством «ручного управления», подписания деклараций, дорожных карт и прочих документов политического характера. Однако дальнейший процесс обычно тормозился. Для реализации общих намерений и перехода на реальное интеграционное развитие был необходим запуск конкретных экономических регуляторов, а это, очевидно, процесс сложный и длительный, не всегда приводящий к желаемому результату. Такая ситуация в перспективе требует изменений, необходим поиск бесконфликтных и эффективных форм баланса политических и экономических интересов.

В этом смысле Евразийский Союз — это новая модернизационная форма экономического сотрудничества государства. Евразийский Союз выстраивается по образу Евросоюза, то есть все начинается с решения первоочередных экономических вопросов, подтягивания развития постсоветских стран до некоторых приемлемых для дальнейшей интеграции уровней, и только после некоторого выравнивания этих уровней приступить к политической интеграции.

Хотя здесь мы можем столкнуться со следующей проблемой. А если разрыв между государствами слишком велик, что делать в этом слу-

чае. Бесспорно, преодоление его слишком длительно, а в условиях интенсивного развития мира потери времени могут привести к тяжелым для них последствиям. Хотя в любом случае, успех евразийской интеграции в конечном счете будет зависеть от успеха экономической интеграции, получения экономической выгоды.

Второе. В тоже время, мы сталкиваемся со следующей проблемой, которая по своему содержанию диалектично первой проблеме. Представляется, что большинство евразийских стран вряд ли пойдет только на экономическую интеграцию. Почему? Да все очень просто. Дело в том, что без реального и действующего политического союза они не смогут ощутимо влиять на экономику Союза. Потенциальные участники Евразийского Союза в какой-то мере опасаются, прежде всего, мощного политического и административного ресурса более крупных и более сильных государств-партнеров, которые смогут непосредственно влиять на идущие в этих странах экономические процессы.

Очевидно, что постсоветские страны должны получить осязаемый доступ к политическим рычагам и соответствующим наднациональным органам, и тогда они не будут опасаться глубокой и всеохватывающей экономической интеграции. Передавая в наднациональные органы части своих полномочий, всем странам без исключения придется идти на компромисс, при сохранении принципа единогласия по ключевым вопросам и решениям, имеющим обязательный характер исполнения. Вот только тогда можно будет говорить об полноценном

функционировании постсоветского института интеграции.

Сегодня формирование Евразийского Союза как раз происходит по этому, если так можно выразиться модернизационному образцу. Политический акцент уступает место конкурентно-способной экономике. Где государства медленно, но верно выравняваясь и конкурируя в собственных экономических показателях, приобретают честную паритетность в управлении наднациональной структурой.

И если все и дальше так пойдет, то никакие экономические и финансовые кризисы и катаклизмы будут не способны поколебать укрепляющиеся евразийские связи.

Сегодня уже сложилась ситуация, когда мы имеем продуманную концепцию и согласованные с партнерами планы движения по этому пути, и материальную базу, эффективное использование которой возможно лишь на основе всесторонней и глубокой интеграции, а также понимание интересов большей части населения государств.

Евразийский союз — это открытый проект, присоединение других партнеров к которому будет приветствоваться. При этом геоэкономическое, а в перспективе и геополитическое углубление и расширение евразийской интеграции должно идти исключительно эволюционным и добровольным путем. Неприемлемы никакие формы искусственного ускорения и подстегивания к ней отдельных стран. Более того, обязательным условием дальнейшей модернизации Евразийского союза должна стать широкая общественная поддержка.

Развитие современной евразийской интеграции требует также поиска новой идентичности, проведения политики, направленной на воссоздание и развитие общих культурных ценностей, которые, не противореча национальным особенностям каждой страны, обеспечивали бы синтез национальной и общеευразийской идентичности.

У Евразийского союза есть и важнейший геополитический аспект. В перспективе он может стать одним из самых авторитетных экономических и военно-политических мировых центров влияния. Это способствовало бы формированию в мировом сообществе симметричного баланса сил, который стабилизировал бы политическую обстановку на планете. Именно поэтому к самой идее Евразийского союза проявляют нескрываемый интерес ученые и политики как внутри стран-участниц СНГ, так и за их пределами.

Представляется, что Евразийский союз должен развиваться и совершенствоваться по следующим системным направлениям:

1. Экономическое направление — формирование единого экономического и валютного пространства. Введение единой валюты, формирование единой макроэкономической, налоговой и миграционной политики.

2. Социокультурное направление — поиск новой евразийской идентичности (на основе синтеза национальной и общеевропейской идентичности). Сюда также стоит отнести: эффективное изучение истории евразийских государств и народов; формирование образовательного и воспитательного процесса в направлении объективной исторической справедливости; восстановление и развитие национальных культурных ценностей; изучение и совершенствование евразийских языков.

3. Геоэкономическое направление — позиционирование интеграции как открытой модели, нацеленной на создание совместно с другими интеграционными объединениями и государствами общего евразийского экономического пространства от Атлантики до Тихого океана; выстраивание оптимального внешнего контура интеграции через углубление сотрудничества с Европейским Союзом, Азиатско-Тихоокеанским экономическим сотрудничеством, Шанхайской организацией сотрудничества и другими международными экономическими сообществами.

УДК 321(470:476)

РУДМАН Марк Наумович

кандидат исторических наук, доцент кафедры права
Института управления и безопасности предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: bakbp@bsunet.ru

НАЗАД — В ФЕДЕРАЦИЮ, ВПЕРЕД — В ФЕДЕРАЦИЮ

В статье рассмотрены вопросы права белорусского государства на «свободное и независимое» развитие страны как суверенного субъекта политики; причины, вызвавшие обострение отношений между православием и католичеством. Проанализирован положительный историко-культурный и военно-исторический опыт сотрудничества России и Белоруссии.

Ключевые слова: государственность, мировоззренческая культура, цивилизационный процесс, федерализм.

Современная Беларусь представляет собой трансформирующееся общество, в котором пока еще не сформирована аксиологически ориентированная государственность, целостная система мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание, вызванное чернобыльской трагедией и человеческого бытия «на изломе», в эпоху «великих перемен». С одной стороны, возникают новые демократические модели мировосприятия, с другой стороны, сохраняются мировоззренческие стереотипы коммунистических идеологов. Парадоксы и разочарования в новых идеалах сочетаются с непреодолимым желанием отказа от модели «жить по-старому».

Становлению новой мировоззренческой культуры и парадигмы развития, несомненно способствуют обновляющиеся процессы, социальной динамики, происходящие в постсоветском пространстве.

Современное белорусское общество нуждается в консолидирующей системе идей, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы, определенный образ жизни, их социальную активность.

Преодоление негативного отношения к учению об идеях, идеологии предполагает отказ от умозрительных конструкций и оторванных от действительности построений «игры мыслей»

и поиск таких фундаментальных оснований, которые учитывали бы традиции белорусской культуры в контексте мирового цивилизационного процесса. Как народ, так и политическая власть, лишенные консолидирующей государственно-национальной идеи, понятной, переживаемой, принимаемой и реализуемой большинством народа, не могут добиться стабильного развития общества, закрепить собственные национальные интересы, обеспечить динамичное развитие страны как свободного и независимого субъекта международного общества [4, с. 65–66].

Трудно не согласиться с мнением уважаемых коллег, настаивающих на праве белорусского государства на «свободное и независимое» развитие страны как суверенного субъекта политики. С другой стороны, кажется преувеличением следующее мнение авторов: «Идеалы христианского братства, любви к ближнему, служения добру, отказа от соблазнов власти, богатства, мирской славы, оптимистические представления о всеилии человеческого разума и социального прогресса, с которыми человечество шло в XX век и на которые возлагало столько надежд потерпели полный крах».

Это мнение от авторов блестящего, с моей точки зрения, учебника по труднейшей для систематизации области исторической науки, представляется преувеличенным относительно «полного краха».

Гуманистические ценности Нового времени, претендующие на распространение в общемировом масштабе, конечно потеряли «свежесть» в восприятии информационного общества, также вышедшего на планетарный уровень. Больше того, в идеологическом противостоянии глобалистов и антиглобалистов проявляется естественная реакция национальных политических и интеллектуальных элит защитить ценности национального суверенитета от размывания в результате воздействия «общечеловеческих ценностей», носителями которых позиционируют себя представители правительства США, обосновывая роль «мирового жан-дарма», которую все чаще выполняют уже американские вооруженные силы, вызывая вполне объяснимое раздражение (или бешенство) всех других обладателей национальных суверенитетов. Но в этом и есть проявление «глубочайшего духовного кризиса, охватившего сейчас все современные общества» [2, с. 66].

Масштабы духовного кризиса, выраженные в мифологеме «полного краха» представляются преувеличением. У абсолютного большинства современников не вызывают сомнения права человека на «жизнь, свободу и стремление к счастью», официально сформулированные «отцами-основателями» США 4 июля 1776 года. Универсальными стали возникшие в результате их провозглашения политические и правовые институты, призванные реализовать указанную триаду в социальной практике: конституционный строй, юридически закрепляющий неотчуждаемость прав и свобод «человека и гражданина», местное самоуправление, рыночная конкуренция как незаменимый инструмент экономической эффективности, неизбежно угрожающий политической стабильности через рост числа обездоленных членов общества и активная социальная политика, призванная обеспечить сохранение политической стабильности

К числу таких же проверенных временем ценностей относится федеративная форма государственного устройства, впервые предложенная теми же «отцами-основателями» в первой Конституции 1787 года.

Цель данной статьи — обратить внимание на перспективность воссоздания политического Союза России и Белоруссии путем вос-

создания Федерации, полноправными субъектами которой вполне способны стать именно Россия и Белоруссия как исторически сформировавшиеся субъекты своей государственной независимости. Обоснование — совпадение характера преград при формировании первого в мире федеративного Союза в США в ходе борьбы федералистов и антифедералистов по поводу формирования федерации и современных барьеров, не позволяющих России и Белоруссии стать полноправными субъектами федеративного политического союза, позволяющего решить важные для обеих сторон такого союза и неразрешимые в одиночку глобальные проблемы дальнейшего развития.

Универсальность федерализма как формы политической организации наций, стремящихся обеспечить компромисс между политической свободой и необходимостью сохранения эффективной исполнительной власти очевидна на фоне следующих фактов.

1. Реформы Сервия Туллия в Древнем Риме, положившие начала новой форме государства — Республике, эффективность которого объяснялась рационально продуманным компромиссом между властными полномочиями гражданского коллектива и избираемых им должностных лиц. Этот политический строй в контексте федерализма уместно назвать «федерация центурий», совокупное решение которых определяло исход выборов должностных лиц, командовавших армией и принятие решений о начале войны. Римские истоки современного народовластия обнаруживаются в римском понимании «муниципии» как самоуправляющейся общины, обладающей определенной долей политического суверенитета. Примечательно, что апогей военных успехов Рима был достигнут именно в период Республики, когда решения о войне и выборы были максимально децентрализованы. Подавление элементов самоуправления в период Империи привело к деградации гражданских ценностей, ослаблению обороноспособности, совпавшей с максимальной централизацией и падением Рима в V в. н. э.

2. Второй источник современного федерализма как политической основы цивилизации — средневековое христианство, распространившее социально-политический идеал общественного устройства в форме федера-

ции христианских общин. Актуально для православных стран то, что автокефальная организация православной церкви, по сути, является федеративным состоянием, противопоставляемым авторитарной организации римско-католической церкви, захватившей политическую власть в ходе «папской революции» XI–XII вв. Проблема политического развития в рамках формирования самодержавной политической культуры была в том, что подчинение церкви российским самодержавием сводило к нулю возможности развития идеи автокефальности в идеал федерализма. Именно в Западной Европе противоречие абсолютного характера папской власти христианскому духу привело к яростной борьбе протестантских конгрегаций против папистов, заложившей политические и идеологические основы современного федерализма. Американский правовед Г. Берман, выделяя роль английских пуритан в развитии западного права, «особенно в Англии и Америке» отмечал, что кальвинисты, усвоив лютеранскую концепцию святости индивидуальной совести, а также, в области права, святости индивидуальной воли, отраженной в правах собственности и договорных правах, выделили в качестве главных два элемента, занимавших подчиненное положение у лютеран:

– Вера в то, что не только христианские правители, а все христиане должны преобразовывать и исправлять мир;

– Убеждение в том, что местная конгрегация под предводительством выборных священника и старейшин является средоточием истины в религиозном и практическом смысле, «братством активных верующих». Отсюда следовал ключевой для будущего федерализма конституционный по сути вывод о том, что местная религиозная община, выбирающая своего священника и политического лидера стоит выше, чем любая политическая власть.

Активные пуританские конгрегации — уже политические союзы верующих с намерением преобразовать мир выступили против традиционного понимания власти, обосновывая свою решимость не только верой, но и ссылками на Священное писание, из толкования которых они сформировали современные концепции неотчуждаемых прав и общественного договора.

«Кальвинистский конгрегационализм также обеспечил религиозную основу таких возникших в новое время понятий, как общественный договор и правительство с согласия управляемых» [1, с. 92].

Д. Бурстин также обнаруживает истоки современного федерализма в деятельности колониальных конгрегаций Нового Света: «В числе важнейших факторов, побуждавших их двигаться в этом направлении, были специфика их теологии (включавшая, в частности, мысль о «федерации»), а также их юридический статус — статус колонии». Религиозное убеждение пуритан, заселявших Новую Англию он определяет как «федеральную» теологию. В основе конгрегационализма лежало убеждение в высшей ценности реальных взаимоотношений между людьми. Каждая конгрегационалистская община стала самостоятельной в идеологическом (религиозном), экономическом и политическом отношении церковью, объединившей отдельных христиан в стремлении к праведному образу жизни. Пуритане — в тех случаях, когда они вообще употребляли это слово, — предпочитали говорить о «церквах», а не о «церкви» Новой Англии. Их объединяла не единая административная структура, но общность духовного поиска и образа жизни.

У истоков идеи конгрегационализма лежала мысль о том, что подлинная христианская церковь — это церковь, приспособленная к конкретным обстоятельствам своего местоположения и базирующаяся на взаимном, устойчивом соглашении между той или иной группой верующих.

Таким образом, в основе формирования церкви была не административная санкция, не стихийное собрание верующих, а «ковант», или договор, в группе «святых», то есть тех, кто на личном опыте «сподобился благодати» [2, с. 31].

Мы не отвлекались от темы федерализма, так как результатом этой социально-политической активности гражданских общин Нового света стало появление первого в истории конституционного федеративного государства — Соединенных Штатов Америки. Явная политическая самодостаточность американской демократии опирается на сочетание прагма-

тизма с явно религиозным убеждением в высшей ценности свободы личности, которая юридически закреплено на уровне федерального законодательства федеральной Конституцией 1787 года и «Биллем о правах», запрещающим от имени «народа соединенных штатов» центральному правительству ограничивать неотчуждаемые права граждан США.

Объективный комплимент — комплимент от противника. Универсальность американской конституционной модели федерализма наиболее наглядно проявилась во внутривнутрипартийном конфликте среди руководства Российской Коммунистической партии большевиков, когда фактически единственным сторонником создания уже советской федерации выступил В.И. Ленин. На фоне принципиальной и беспощадной борьбы большевиков со всеми проявлениями «буржуазной демократии» за фактическое установление диктатуры одной партии в «отдельно взятой стране» представляется загадкой решимость В.И. Ленина в построении именно федеративного советского государства.

Остается предположить, что как практик он не мог не признать эффективности федеративной модели с точки зрения политических барьеров возможному произволу центральной власти и привлечения на свою сторону именно требующих определенной доли политического суверенитета субъектов политики. На фоне других политических лидеров эпохи Гражданской войны в бывшей унитарной Российской империи В. И. Ленина отличало скорее с американскими «отцами-основателями» оптимальное сочетание практичности и коммунистического идеализма.

Обращает на себя внимание и ведущее совпадение политических иллюзий создателей Конституции США и «кремлевских мечтателей», строивших первое в истории государство «рабочих и крестьян»: и те, и другие были убеждены в возможности присоединения к федерации как открытой форме политического союза всех стран и народов. Основанием была вера в общечеловеческую ценность принципов, лежащих в основе либерального эксперимента в США и коммунистического эксперимента в нашей стране. Польский писатель С. Лем говорил, что «в космосе ничего не пропадает». Возможно, что этот закон распространяется на

историю. От грандиозного коммунистического эксперимента в 1917–1991 гг. остались принципы активной социальной политики, взятые на вооружение всеми правительствами, стремящимися обеспечить политическую стабильность как главную цель рационального государственного управления.

Истоки будущего федерализма, близкие к рассмотренной выше протестантской культуре англо-американского типа, не получили развития по объективным историческим причинам в период формирования основ русского самодержавия в XVI–XVII вв., но в явной форме обнаруживаются в «западно-русских землях» того же периода.

Будущая Белоруссия с исторически сложившимися центрами духовного образования в Вильно, Львове и других городах, оказавшись на «перекрестке» столкновения всех христианских конфессий — православия, католицизма и лютеранства сформировала общество, религиозная культура которого по всем признакам могла пойти по пути «религиозного рационализма». Именно этот путь привел к формированию американского федерализма и следующей из него конституционной основы современной политической культуры. В западно-русских землях в указанный период сложились все предпосылки для формирования «православного протестантизма», основанного на признании свободы совести как духовной основы признания автономии личности и федерации христианских общин как политической гарантии такой автономии от попыток подавить ее со стороны русской церковной иерархии, тяготевшей к самодержавию.

Предпосылкой появления оформившей эти тенденции на практике униатской церкви стали геополитические причины, вызвавшие резкое обострение и без того напряженных отношений между православием и католичеством.

Люблинская уния 1569 года объединила Литву, Польшу и часть Западной Пруссии в Речь Посполитую, что объяснялось стремительным наступлением Московской Руси, в которой только что в 1547 году оформилось самодержавие, на запад и имела целью общими усилиями «местных» католиков остановить его. В результате резко ухудшилось положение православных в Речи Посполитой. После 1569 года на

проживавших здесь православных распространилось польское крепостное право, не знавшее никаких ограничений власти барина над крестьянином вплоть до вопросов жизни и смерти, не говоря уже о праве барина на первую брачную ночь. В результате и формируется культурно-политическая идентичность православного западнорусского крестьянства, связывавшего ухудшение своего положения именно с католицизмом, что обостряло православную религиозность, отличавшуюся от «московской» необходимостью и стремлением активного личного участия в делах веры и ее защите.

А.К. Погасий как специалист в области истории расколов в истории православной церкви, отмечает, что «Не доверяя своим архиереям, западнорусская паства начала создавать мирские православные братства, которые стали открывать свои школы и приходские храмы для противодействия католическому наступлению на православие» [5, с. 93]. Акцент на личную инициативу в этой деятельности, положившей начало белорусской национальной идентичности, по содержанию имел все предпосылки для трансформации в федералистскую политическую культуру, основанную на признании права религиозной общины на политическое самоуправление, материальной основой которой является экономическая самостоятельность. Напомним, что именно это сочетание стало основой западноевропейской модернизации, положившей начало индустриальной экономике и техническому прогрессу. Западнорусские православные братства вполне можно рассматривать по аналогии с пуританскими конгрегациями Швейцарии, Англии и Северной Америки. Под постоянным давлением таких авторитарных политических культур как католическая церковь с запада и русское самодержавие с востока указанные предпосылки не могли трансформироваться в самостоятельную государственность вплоть до 1991 года, но оформились в белорусскую национально-культурную идентичность, пережившую все трагические повороты в политической истории региона. Белоруссия по геополитическому и экономическому положению стала играть для России роль одновременно наиболее «западной», но православной русской культуры, представители которой входили в рамки российской имперской

государственности именно на федеративных началах. В случаях военно-политической угрозы с запада для России белорусы всегда принимали на себя первый и наиболее жестокий удар, как это было и во время Северной войны (1700–1721 гг.), и во время нашествия «Великой армии» Наполеона, и особенно, в годы Второй Мировой войны. Во всех этих случаях белорусы проявляли себя именно как «братская народность» воевать и нести огромные жертвы в борьбе с общим врагом. Во всех указанных случаях партизанская борьба на территории Белоруссии против захватчиков приобретала сравнительно наибольшие масштабы. В этой связи нельзя не отметить, что в последние десятилетия киношедевры о событиях Великой Отечественной войны, позволяющие действительно оживить масштабы героизма и жертв, идеологически объединяющие наши народы сняты именно на «белорусском материале»: «Иди и смотри» Э. Климова, «Свои» М. Хуциева, «Брестская крепость» А. Котта. Эту часть культуры разделить невозможно и предполагаю, что в Российской Федерации и в Белоруссии они будут смотреться с одинаковым чувством причастности. Общие жертвы и цели в этих страшных потрясениях имеют до сих пор огромное сплачивающее две нации значение. Наряду с естественным историко-культурным единством совместный военно-исторический опыт имеет в ценностях двух наций настолько большое значение в понимании патриотизма, что есть основания придать этому единству общий идеологический и потому конституционный смысл.

Объективная польза от воссоздания на уровне федерации политического сотрудничества России и Белоруссии заключается в том, что в этом случае, это уже будет реальный федерализм. Есть основания полагать, что исторически обусловленная близостью к «западу» рациональная политическая культура белорусской государственности, проявившаяся в последние 20 лет, обеспечит появление для «московской» политической элиты действительно партнера в создании Федерации. Партнера, готового к сотрудничеству, а не к подчинению. Практическая проблема формирования действительно российского федерализма как условия формирования правового государства заключается в том, что «опираться можно

только на то, что оказывает сопротивление», как сказал в 1800 году президент учрежденного Наполеоном Трибунала. Напомним, что и политический дар Наполеона в условиях отсутствия сопротивления в сформированной им полицейской системе управления привел к потере способности адекватно оценивать ситуацию и крушению Первой империи. Основания для аналогий этого исторического сюжета с современными проблемами российской государственности, вновь оказавшейся перед соблазном «централизации», представляются очевидными. Беларусь как партнер в строительстве основанного на общих фундаментальных ценностях и историческом опыте боевого братства федеративного Союза с Россией может настаивать на равноправии и сформировать в российской политической элите привычку к компромиссу, необходимую для формирования демократической рациональной и потому эффективной государственности.

Сложившиеся в последние 20 лет «переходного периода» и либерально-демократических реформ в РФ тип федерализма является формальным, поскольку не имеет реальных оснований ни в исторически сложившейся российской политической культуре, ни в практике государственного управления, до сих пор по объективным причинам, опирающемся на монополию «федерального центра» на политическую власть. Трудно поспорить с доводами о том, что в условиях «переходного периода» это единственный способ сохранения политической стабильности, без которой невозможны никакие реформы. Однако, малорешаемой проблемой в таких условиях является противоречие сложившейся в современной России практики государственного управления с идеологией, заложенной в Конституции. В условиях отсутствия «сдержек и противовесов» возможному произволу федеральных чиновников в политической культуре происходит медленный возврат к авторитарному политическому мышлению, которое при сохранении тенденции делает и экономическое развитие по пути эффективного предпринимательства невозможным. «Подавляющее большинство» известных мне как преподавателю студентов по специальности «юриспруденция» и «государственное и муниципальное управление» в ответ на вопрос

о том, кто утверждает Конституцию Российской Федерации уверенно отвечает — «Президент Российской Федерации». И эта реакция отражает пассивное состояние социальной среды, в которой формируются навыки политического участия будущих кадров системы государственного управления. Именно сформировавшиеся в итоге стремление к политическому суверенитету делает Белоруссию незаменимым партнером для современного Российского государства в сфере формирования практических навыков компромисса в формировании федерализма, закрепление которого в Конституции РФ на данный момент, скорее надо рассматривать как цель политического строительства, чем как реальность.

Психологические проблемы, которые в случае формирования федеративной формы интеграции двух стран придется решать Народам России и Беларуси обусловлены различным социальным опытом. Подчинения самодержавной государственности не могло в силу особенной национально-культурной идентичности восприниматься как естественное явление.

Однако, в рамках самодержавной российской государственности, включая советский период, уже сформировавшиеся на стыке культур белорусская народность не могла воспринимать себя «как дома». Именно сформировавшиеся в «братствах» XVI века по сути уже либеральные потребности в свободе совести и мысли обуславливали состояние культурной отчужденности белорусского общества от централизованного правления со стороны Российской империи, а затем Советского правительства.

Авторы монографии «Западные окраины Российской империи» ссылаются на выделенную в 1946 году эссе венгерским мыслителем Иштваном Бибо отметил особую психологическую черту народов региона «западных окраин» — экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед воображаемой или реальной угрозой гибели национальной общности в результате насильственного лишения государственной самостоятельности, ассимиляции или геноцида. Этот страх был связан вначале с Османской империей, позже с немцами, иногда — с поляками, позднее и с Россией. Германию перестали воспринимать как непосредствен-

ную угрозу после Второй мировой войны, Этот воспитанный веками непредсказуемого, часто катастрофического развития экзистенциальный страх последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 года на современную Россию. Для Беларуси это состояние может уравниваться более чем 20-летним опытом демократических преобразований в современной России, в результате которых продемонстрировано стремление политической элиты, так или иначе, но остаться на пути формирования демократической федеральной государственности. На этом пути не хватает людей, сочетающих рациональный ум с принципиальной готовностью защищать исторически обусловленные ценности свободы, политически реализующиеся в федеральном устройстве. «Русские всегда чувствовали себя жертвами притеснения, но притеснение со стороны государства, которое они не воспринимали как этнически чуждое» [3, с. 40]. Феномен, о котором говорил Бибо, для русских психологически не близок и потому непонятен. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою часть пути к преодолению этого кризиса. Современной российской нации предстоит полнее осознать репрессивность империи, наследниками они являются — как в положительном, так и в отрицательном смысле. Белорусам, в свою очередь, необходимо преодолеть односторонне негативный образ Российской империи, для которой, конечно, благополучие и свобода ее подданных никогда не были приоритетом, но которая отнюдь не была той «империей зла», какой она изображается в новых школьных учебниках соседей России. На уровне современного или следующего поколения Российская Федерация очевидно придет к рациональной политической культуре, выражающейся в свободном признании нацией федеративных принципов в качестве единственно возможной основы, скрепляющей все слои общества духом патриотизма и причастности к стабильности и процветанию своего государства.

Одним из последних критических рубежей современного самосознания белорусского общества В.Н. Сидорцов признает катастрофу на Чернобыльской АЭС, усилившую необходимость обоснования обновленных ценностных приоритетов и эталонных моделей как сценариев будущего развития наших стран. Нельзя не признать что подобные катаклизмы и их угроза в будущем еще один важнейший фактор в пользу углубления союза России и Беларуси по пути дальнейшей интеграции.

В возможном союзе Беларуси и России по большому счету отсутствует негативный исторический опыт, связанный со взаимными прошлыми обидами, так отягощающий отношения России со многими соседними народами. Наоборот, у наших наций имеется свежий в памяти великий исторический опыт историко-культурного единства, усиленный героическим опытом противостояния нацистскому вторжению, есть совместные цели в построении правового социального федеративного государства, и на этом основании, несомненно, есть общее будущее.

Таким образом, федерация — оптимальная форма политического содружества демократических наций в будущем. Формирование Федерации по духу, а не только по форме с участием нашей страны — Российской Федерации — вопрос будущего, по оптимистичным прогнозам — ближайшего будущего. Естественным и возможно, единственным партнером России в этом вопросе по объективно сложившимся историко-культурным основаниям является Белоруссия.

Литература

- [1] Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ: Издательская группа Норма — ИНФРА-М, 1998.
- [2] Бурстин Д. Американцы Колониальный опыт / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1993.
- [3] Долбилов М. Западные окраины Российской империи / М. Долбилов, А. Миллер. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- [4] Методологические проблемы истории: / под общей ред. В.Н. Сидорцова. — Мн.: ТетраСистемс, 2006.
- [5] Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV — начала XX веков. — Казань: МедДок, 2009.

УДК 329.78(470)

МИНАКОВ Илья Павлович,

студент факультета философии и социологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: dekanat_ffis@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье дается оценка правовой культуры молодежи, рассматриваются критерии в определении уровня правовой культуры, основные направления повышения правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, право, правоотношения, правосознание, правовое поведение.

Первоначально слово «культура», происходящее от латинского «*culture*», означало возделывание, обработку почвы. Впоследствии этот термин был перенесен на человека и стал означать его воспитание и образование, т. е. «возделывание человека». Культуре в этом смысле стали противопоставляться понятия некультурности, дикости, варварства, отсталости. Современная наука рассматривает культуру как «творчески созидательную деятельность по преобразованию природы и общества, результатами которой являются постоянное пополнение материальных и духовных ценностей, совершенствование всех сущностных человеческих сил» [1, с. 7].

Современная культура имеет достаточно ясно очерченные и взаимодействующие культурные области, подсистемы культуры, соответствующие определенным комплексам социальных потребностей. Одной из таких областей и является правовая культура. В ее состав следует отнести следующие наиболее крупные культурные комплексы:

- а) право, т. е. система норм, выражающих государственные веления;
- б) правоотношения, т. е. система общественных отношений, регулируемых правом;
- в) правовые учреждения (институты), т. е. система государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, регулирование и исполнение права;
- г) правосознание, т. е. система духовного отражения правовой действительности;

д) правовое поведение, т. е. система практической деятельности людей по исполнению и применению права.

В формировании правовой культуры особо значима роль права и правовых законов, которые сами являются основополагающей культурной ценностью. Закон как инструмент организации общественных отношений является пока незаменимым и всеобъемлющим среди всех средств социального регулирования и контроля. В идеале рано или поздно зрелая культура неизбежно порождает законодательство. Следует отметить, что законы способны формировать в том числе и право как одно из проявлений культуры. Одновременно укрепляются и другие, обусловленные правом ценности. Относительная самостоятельность закона проявляется в том, что он способен активно воздействовать на все проявления правовой культуры.

Законом создаются ценности процедурно-процессуального порядка. Об уровне правовой культуры свидетельствуют такие процессы, как, например, парламентские процедуры по принятию законов, порядок разрешения конфликтов между властями, отправление правосудия по уголовным или гражданским делам и т. д.

Правовая культура, равно как и любая другая разновидность культуры, подвержена оценкам. Отсюда представляется возможным говорить о роли закона в формировании высокой культуры при ориентации его на средний

уровень и преодоление уровня низкого. Представляется, что оценки будут относительны. Для одного общества определенного времени развития по отношению к каким-то правовым явлениям будут употребляться одни оценки, а по отношению к другому обществу или другому времени оценки одного и того же института или учреждения или поступка будут другие. Разные люди, разные общности людей, политические партии, лица, находящиеся у власти, и оппозиционеры могут по-разному оценивать культурные достижения в государственно-правовой сфере. Как с субъективной, так и с объективной стороны существуют серьезные препятствия в достижении единства интерпретации правовых явлений в качестве культурных завоеваний. Тем не менее, эти препятствия преодолимы. История выработала уже некоторые критерии в определении уровня культуры, и на этой основе создается возможность для определения основных направлений повышения правовой культуры. В том числе с помощью закона. К их числу следует отнести:

- формирование чувства права и законности;
- освоение достижений логико-правового мышления;
- совершенствование законодательства;
- повышение уровня законопроектных работ;
- увеличение объема и качественное совершенствование правопослушного поведения;
- совершенствование юрисдикционной и иной правоприменительной деятельности;
- разделение власти законодательных, исполнительных и судебных учреждений;
- изучение памятников права и правоприменительной практики как основы юридического образования [3, с. 405].

Для оценки уровня правовой культуры современной России эти критерии также вполне применимы.

Среди всех категорий населения одним из значимых субъектов-носителей правовой культуры в любом обществе является молодежь. По состоянию правовой культуры современной российской молодежи можно прогнозировать будущее нашей страны. Исследования, проводимые учеными, увы, дают

мало поводов для оптимизма. Так, эмпирические исследования в области правовой культуры молодежи Санкт-Петербурга и Ленинградской области позволили сделать ряд выводов. В частности: «среди молодых людей в большей степени растет недовольство существующим в области права порядком и неверие в торжество закона; у молодежи замечен большой процент деформирования правовой культуры, это касается таких негативных явлений, как правовой инфантилизм и правовой нигилизм; вместе с тем во всех группах респондентов (не только у молодежи) правовая культура личности отличается определенным скептицизмом в оценке правовой действительности, работы правоохранительных органов, качества и силы нормативно-правовых актов, ценности права и торжества закона, неверием в защиту государством прав граждан» [2, с. 101]. Данные выводы диктуют необходимость поиска направлений по совершенствованию правовой культуры, как молодежи, так и других категорий населения.

Повышение уровня правовой культуры предполагает, с одной стороны, работу с гражданами, а с другой — надлежащее кадровое оснащение юридических учреждений, законодательных, исполнительных и правоохранительных органов.

Было бы утопией пытаться сделать каждого гражданина юристом. Однако только через широкое информирование граждан о праве, различные формы обучения праву можно говорить о правовом воспитании граждан. Преодоление юридической безграмотности и правового нигилизма — это одно из условий развития правовой культуры. Отсюда вытекают задачи для всех тех, кто по роду своей деятельности заинтересован в юридических знаниях или по занимаемой должности обязан иметь необходимый их минимум:

- обеспечить надлежащую ориентацию в основных началах и принципах государственно-правовой жизни;
- создать базу для значительного расширения объема и повышения уровня правового поведения адресатов права;
- обеспечить грамотную и эффективную борьбу носителей прав и обязанностей за свои законные интересы;

– профилировать правонарушения в аспекте реального действия принципа «незнание закона не освобождает от ответственности»;

– активизировать правомерное поведение [3, с. 407].

Определяя роль закона в формировании правовой культуры граждан и, прежде всего, молодежи, нельзя забывать о культуре должностных лиц государства. Они участвуют в правотворческой деятельности, обязаны исполнять законы и обеспечивать действие права. Правовой нигилизм представителей власти, злоупотребление правом, обход закона, пренебрежение правами граждан пагубно сказываются на уровне культуры в целом. Преодоление узковедомственных, национальных и региональных интересов может способствовать формированию подлинно государственного правосознания должностных лиц. При этом в центр всей политики ставится гражданин как

духовно свободная, творческая личность, которая нуждается в помощи и защите со стороны государства.

Вместе с тем следует отметить что, среди всех названных факторов все-таки особое место принадлежит законодательству. Закон путем установления мер юридической ответственности способствует повышению уровня культуры, а также профилактике правонарушений.

Литература

[1] Арнольдов А.И. Человек и мир культуры: Введение в культурологию. — М.: Изд-во МГИК, 1992. — 240 с.

[2] Каландаришвили З.Н. Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи. — СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2009. — 171 с.

[3] Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — М.: Юрайт, 2010. — 634 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 321

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,

доктор исторических наук,
профессор кафедры социологии и управления
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета
e-mail: 89166272569@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КООРДИНАТАХ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ

В статье рассматриваются вопросы формирования новых идентичностей, одной из которых выступает региональная. Ее выражение происходит как следствие длительного процесса, имеющего корни как в национальной истории, культуре повседневности, так и в особенностях политического и административно-территориального устройства государств. Все это способствует выработке особой региональной памяти, выступающей компонентой региональной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, регион, региональная интеграция, история, гражданство.

Современный экономический кризис, затронувший значительную часть государств, заставил и на научном уровне, и на уровне повседневного сознания больше внимания уделять не глобальным процессам и тенденциям, а тому, что происходит рядом с каждым человеком, в его непосредственном окружении, которое, конечно, охватывает больше, чем дом, улицу, город, район, но также регион, где в основном и концентрируется социальная активность, в природную, экономическую, культурную среду которого он погружен. На фоне финансовых, экономических, экологических и политических потрясений становится очевидным, что именно регионализация представляется не менее важной тенденцией мирового общественного развития, чем глобализация.

Как и в чем в первую очередь проявляется регионализация? Какие отличные от глобализации процессы она вбирает в себя, подчиняя их себе или подчиняясь их законам? Эти вопросы имеют самое прямое отношение к судьбе национального государства, возрастанию или ослаблению его геополитической роли,

а также влияния на национальную и культурно-цивилизационную идентичность его граждан. Последнее, напомним, является индикатором способности человека в концентрированном виде выражать собственные представления о своей же принадлежности к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, конфессиональным, расовым и другим группам или иным общностям. Совершенно очевидно, что регионализация оказывает заметное воздействие на формирование таких идентичностей, а порой активно подталкивает образование новых идентичностей, отражающих региональную окраску.

Многоаспектность выражений идентичности определяется не только возможностью сегментации поля деятельности человека, выделения в нем направлений, которые обозначают разнообразие его интересов, с одной стороны, и различные запросы общества по отношению к нему — с другой. Однако когда речь идет о множественной идентичности, то в ней нельзя не увидеть наличия, как мини-

мум, двух уровней понимания характеризуемого субъекта: внутренней идентичности, т. е. самоидентичности, и попыток внешней идентификации человека, группы людей. Так возникает одно из главных, сквозных философских, геополитических, геокультурных, социальных и пр. противопоставлений Я и Другого, когда Другой выступает не таким как Я, он противопоставит мне, но в то же время Другой такой же как Я, ибо ему свойственны те же самые чувства и проявления, что и мне. Данная проблема волновала столько великих мыслителей (Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, Ж. Лакан, М. Бубер, М. Бахтин, Б. Вальденфельс, Ж.-Л. Нанси и др.), что в ее интерпретациях уже сложно выделить неотмеченный и не проанализированный ими сюжет.

И все же такой сюжет обнаруживается при взгляде на это важнейшее противостояние Я и Другого на пространстве отдельно взятого региона, когда и Я, и этот Другой имеют или приобретают в ходе своей социальной практики общую региональную идентичность, но характер ее выражения, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, будет зависеть от того, каким образом на данном пространстве будут пересекаться их зоны манипуляций, а так же, как на проявление региональной идентичности будет влиять временная компонента [1]. Это означает, что у региональной идентичности должна быть своя история и своя память.

Если учесть, что региональная идентичность детерминирована географически, то понятно, что она впитывает историю и память места. В этом типе идентичности историко-этнические характеристики обязательно входят в географические. Вероятно, это объясняется тем, что этничность, как то делают этнографы, может быть выражена с помощью либо психологических характеристик, либо визуальных описаний, когда идентичностный психотип устанавливается на основе сравнительного анализа. В художественной литературе мы встречаем такой анализ у А. Дюма в «Трех мушкетерах», где автор представляет читателю не только самих мушкетеров, но и их слуг — пикардийца, нормандца, беррийца, ярко различающихся характерами и привычками, отражавших, по мнению Дюма, не столько личностные особен-

ности, но и специфику более широкой регионально-этнической общности, к которой и относились эти верные спутники мушкетеров. Насколько сильным были данные особенности, можно судить и потому, что с завершением формирования французской нации не исчезли различия между бретонцами, провансальцами, корсиканцами и другими субэтническими общностями. О сохранении этих различий пекутся не одни баскские или корсиканские сепаратисты, но и правительство, обеспечивая представителям этих народностей возможность обучаться на родном языке (наряду с французским), проявлять свои этнические чувства с помощью учреждений культуры и органов местного самоуправления, тем самым, закрепляя их идентичностный стереотип.

Великий романист не упустил важную деталь в демонстрации этно-региональной идентичности своих персонажей, когда при перечислении этнических характеристик и регионального происхождения слуг мушкетеров не отметил лишь одного Гримо, слугу Атоса. Гримо, повинувшись распоряжению своего господина, практически ничего не говорил. А нет языка — нет и этноса. Поэтому столь много внимания в современном мире уделяется языкам региональных меньшинств и малых народностей. Подписание соответствующей Хартии является одним из главных требований к странам-членам Совета Европы.

Можно взять любую европейскую страну, в которой независимо от уровня ВВП, индекса развития человеческого потенциала, информационного развития или любых других критериев экономического прогресса, ни стоял бы вопрос самоидентификации. Это очень чутко чувствует власть. Луи-Филипп, последний монарх Франции, носивший титул короля, вместо титула короля Франции и Наварры (*roi de France et de Navarre*), считавшегося феодальным, принял титул короля французов (*roi des Français*), который подразумевал национальный характер монархии. По аналогии с ним король Бельгии имеет официальный титул Король бельгийцев (нидерл. *Koning der Belgen*, фр. *Roi des Belges*), что отсылает не только к концепции «народной монархии», но и к роли монарха в национальной самоидентификации граждан Бельгии. Это же подтверждается стремле-

нием королевской семьи Бельгии следовать тому девизу, который в 1831 году определил для себя при вступлении на трон основатель династии король Леопольд I: «Советовать. Поощрять. Предупреждать».

Внимание к вопросам национальной идентичности проявляется и в размышлениях о корректном наименовании собственного государства. Известный английский философ Р. Скраттон замечает: «Мы веками были достаточно уверены в себе, чтобы обходиться без самоедства, мы знали, кто мы есть, и не копались в себе. Но сейчас, теряя веру в себя, мы в растерянности ищем свою идентичность. Являемся ли мы нацией, территорией, объединены ли мы по языковому, культурному, имперскому признаку или только идеей?» [10]. По правде сказать, в этих вопросах гораздо больше отражается русский психотип, чем британский. Но приведенное выше утверждение иллюстрирует: во-первых, внутреннюю самоидентификацию Скраттона, а, во-вторых, как видим, распространённую ошибочность внешней стороной идентификации британцев. Применительно к Соединённому Королевству такую некорректность можно считать допустимой, ибо уже в наиболее распространённом названии этого государства, кроме официального, «Британия» (согласно рекомендациям Форин-Офис, желательнее реже употреблять название «Великобритания») содержится упущение Северной Ирландии, следовательно, и населяющих этот регион ирландцев. А сказав «Британия», можно упустить Шотландию; вспомнив Англию, отметить лишь одну национальность, ведь большинство населения предпочитает именовать себя «англичанами», «шотландцами», «валлийцами», «ирландцами». Даже флаг Соединённого Королевства отразил сложный процесс «слияния» этих идентичностей, представляя собой наложение друг на друга флагов Англии, Шотландии и Ирландии.

Несомненно, этот процесс говорит о том, что осознание региональной идентичности в Старом Свете все же происходило и происходит на фоне утверждения этнической идентичности, а не ее отрицания. Действительный член Британской Академии, заведующий кафедрой социальной антропологии Кембриджского университета, член Королевского Антро-

пологического института, автор работ по теоретической и социальной этнографии Э. Геллнер предложил гипотезу, объясняющую, почему национализм, сравнительно независимый в прошлом, стал столь острой проблемой современности [4]. Согласно Геллнеру, в доиндустриальном обществе существовало огромное разнообразие культур, часто наслаивающихся друг на друга. Эта культурная мозаика юридически закрепляла и поддерживала существовавшие социальные и политические структуры. В условиях промышленного производства стандартизация промышленной деятельности приводит к образованию внутренне однородных, но внешне отличающихся политических единиц (т.е. государств), которые, на самом деле, одновременно являются и политическими, и культурными единицами. А так как число политических единиц в настоящее время гораздо меньше числа культурных различий, то по границам этих различий часто возникают болезненные не только культурные, но и политические процессы. Поскольку такие границы фиксируют географические пределы распространения доиндустриальных культур, постольку они могут служить линиями, обозначающими и существование той или иной региональной идентичности, отражающей этно-культурные особенности населения.

Гипотеза Геллнера оказывается плохо применимой к региональным идентичностям, возрастающим не на почве единого мощного этнического чувства, а в регионах, отличающихся полиэтничностью. С таким типом региональной идентичности мы встречаемся в Северной Америке. Анализируя ситуацию в Новом Свете с позиций теории Геллнера, сложно объяснить приверженность жителей Канады своей политической единице (т.е. государству), когда для англоязычных канадцев не было бы проблем жить в рамках другой политической единицы — государства Соединённых Штатов Америки. Ведь и то, и другое государство, создавались мигрантами, говорящими в основном на английском языке. Но политический, культурный опыт сделал их не только гражданами разных государств, но и носителями разных региональных идентичностей.

Еще сложнее понять, почему в современных условиях США происходит закрепление

региональной идентичности в границах имеющих штатов. Традиция присвоения штатам эмблем в виде животных и растений, безусловно, копирует традицию государственной символики. Эта практика наибольшее распространение получила в относительно молодых федеративных государствах (США, Канаде, Австралии), государствах с короткой историей, но заботящихся о формировании собственной национальной памяти. Как правило, для их эмблематики выбирается тот представитель фауны или флоры, ярче всего характеризующий особенности данной региональной единицы. Это может быть интерпретация какой-либо легенды или реального исторического события с помощью растительной или животной символики. К примеру, чайки стали считаться символом североамериканского штата Юта после того, как они спасли урожай от полчищ черных сверчков.

Также севроамериканские штаты имеют популярные названия, которые в значительной степени служат базой для развития идентичностных характеристик: Арканзас называют «Землей возможностей», Коннектикут — «штатом Конституции», Оклахому — «штатом первопроходцев», Теннесси — «штатом добровольцев», Вайоминг — «штатом равноправия», Нью-Мексико — «Землей волшебства», Калифорнию — «Золотым штатом». Такие характеристики способствуют утверждению регионального самосознания, что блестяще продемонстрировал в романе «Теофил Норт» американский писатель Т. Уайлдер [9]. Герой романа вмешивается в жизнь людей, коренным образом изменяя их судьбы, выступая то утешителем, то искусителем, использует привязанность своих собеседников к их родным штатам. Поскольку одним из идентификационных элементов штата выступают цветы, то и девочкам, родившимся в данном штате, как правило, дают имя такого цветка. Правда, поскольку роза встречается в символике сразу нескольких штатов, то и сказать, где именно родилась девочка по имени Роза, довольно-таки сложно.

Подобное проявление региональной памяти как части регионального самосознания может играть социально стабилизирующую роль в обществе с пульсацией этничности. Если в США с 1908 года, когда была поставлена

пьеса И. Зангуилла «Плавильный котел» (англ. «The Melting Pot») на протяжении почти полувека в «огонь» под этим котлом добавлялись любые политические действия, спланированные американцев, то в 1960-е гг. с наступлением так называемого этнического возрождения специалисты увидели тенденцию, которую выразили фразой «крупно нарезанный салат» о составе американской нации. Позже в связи с обострением внимания к проблемам защиты прав национальных и расовых групп, когда вновь усилились интеграционные мотивы, появилось представление об этническом составе населения этой страны, как о «радуге». Региональная компонента политического сознания и национальной идентичности на всех этапах такой пульсации позволяла удерживать интегрирующую тенденцию, благодаря учету особенностей, как регионализма, так и американского федерализма. Поэтому-то и выражения недовольства результатами президентских выборов в ноябре 2012 г. не вылилось в Гражданскую войну, как после избрания президентом А. Линкольна (1861), а облеклось в электронный протест по поводу дальнейшего пребывания своего штата в составе США. Верховный суд еще в 1869 году определил отношения между всеми штатами как «нерасторжимые» и «окончательные», что противоречило положениям Конституции, но через четыре года после окончания Гражданской войны и во время «Реконструкции Юга» это уже не могло существенно волновать население. А в 1940 году Верховный суд, причем с подачи Ф. Рузвельта, единственного президента, избранного четыре раза подряд, признал нелегитимным толкование X Поправки, по которой штаты имеют право на самоотделение в случае, если федеральная власть нарушает положения Конституции США.

Гармоничное сочетание региональной и этнической идентичностей можно рассматривать как движение к формированию метаэтнических общностей. Правда, опыт социалистических метаэтнических общностей, скорее, отрицательный, чем положительный, если брать в качестве примера югославский или советский народы. В 1972 году на заседании Верховного Совета СССР говорилось и о формировании новой исторической общности лю-

дей — советского народа. Что же касается повседневной жизни людей, то, как показал опыт Советского Союза, представление о прочности новой исторической общности было в некоторой степени идеалистическим. Межнациональные конфликты стали тому подтверждением. Но в то же время нельзя не понимать, что тенденция к существованию такой общности действительно была. Судьба метаэтнической общности в Федеративной Югославии, там еще по Видовданской конституции 1921 года провозглашалась новая общность — югославский народ, во многом объяснялась отсутствием равномерной, справедливой модели регионального развития.

В депрессивных регионах процессы региональной самоидентификации могут разворачиваться по самому неблагоприятному сценарию. Независимо от размеров такие регионы часто ассоциируются не с успехом и возможностями, а с криминальной средой. Отсюда распространенное наименование организованных преступных группировок по региональному признаку, хотя он и не быть не точным адресом действий ОПГ.

В то время как регионализация, являясь тенденцией к преодолению границ между странами, ведет к более успешному их совокупному экономическому развитию. Регионализм, демонстративно подчеркивающийся выражением региональной идентичности, оказывается линией, вызывающей гораздо больше тревог, чем позитивных политических или социально-экономических ожиданий. Но регионализация и регионализм неотделимы друг от друга. Европейский регионализм можно было бы считать развитием идеи национальной самоидентификации, если бы речь не шла о союзе государств. Теоретически представлялось, что три модели Европы — «отечеств», «граждан», «регионов» — легко укладываются в географические конфигурации ЕС. В жизни все сложнее, особенно если учитывать атлантический фактор. У Черчилль говорил о возможности «единого англо-американского гражданства». М. Тэтчер называла Атлантическое сообщество Европой, расположенной по обе стороны океана. Такие высказывания подтверждают зыбкость, казалось бы, устойчивой европейской региональной идентификации.

В Европе не прекращаются идентификационные процессы, соответствующие не экономическим зонам или политическим границам, а историко-культурным ареалам (скандинавский мир, средиземноморский мир, славянский мир). Такая Европа больше напоминает конгломерат, т. е. «мир миров», чем социально-экономически и политически консолидированное пространство, что, по сути, отразило реалии региональной интеграции, споткнувшейся на непринятии Европейской конституции.

Что касается гражданства Европейского союза, то оно было введено Маастрихтским договором (1992) и существует наряду с национальным гражданством, предоставляет дополнительные права для граждан государств-членов ЕС. Хотя официально все граждане Евросоюза имеют широкий спектр прав человека на всей территории Союза, гражданство ЕС, де-факто имеет два яруса. Западноевропейские граждане имеют полный набор прав на всей территории Союза, таких, как право на труд в любом государстве-члене, а также право на поездки, без визы, во многие третьи страны, такие как США. В то же время граждане некоторых восточноевропейских государств-членов Европейского союза, получили гораздо более ограниченный набор прав. Это явление создало немало споров относительно «второго сорта» гражданства, которое породило напряженность между старыми и новыми государствами-членами, а также их гражданам. Но именно на таком уровне интеграционные усилия нуждаются в продолжительном хронологическом интервале.

В таком интервале меняются или полностью исчезают образы, подобные образу «польского сантехника» (фр. *plombier polonais*, польск. *polski hydraulik*) — символического обозначения дешевой рабочей силы из стран Восточной Европы, которая неизбежно должна была мигрировать в «старые» страны ЕС в результате принятия «Директивы по услугам на внутреннем рынке». Образ получил известность во Франции во время дискуссии вокруг референдума по Европейской конституции в 2005 году. Голландский политик Ф. Болькенштайн, создатель «Директивы», на пресс-конференции в провокационном ключе заявил, что предпочел бы нанять польского сантехника, так как

стало сложно найти работника для ремонта его второго дома на севере Франции. Заявление вызвало широкую дискуссию во Франции. Этот же образ, наряду с образом «эстонского архитектора», однако, не получившего, такой же популярности, как образ «польского сантехника» использовал правоконсервативный политик Филипп де Вилье. Но этот же образ применяли и сторонники европейской конституции, обвиняя ее противников в ксенофобии. К чести восточноевропейских государств и, прежде всего Польши, там он стал ответом на традиционно болезненно переживаемую в этой стране полонофобию. Даже появился рекламный плакат для французских туристов, где «сантехник» на французском языке призывает их ехать в Польшу: «Я остаюсь в Польше, приезжайте сколько хотите!». В этом образе предстал манекенщик П. Адамский.

Неудивительно, что долгие годы многие выдающиеся представители Западной Европы констатируя глубину различий между Востоком и Западом континента, пытались этим в первую очередь утвердить в сознании западноевропейцев неоспоримые преимущества своей, безусловно, региональной идентичности. Яркий пример здесь — австрийский канцлер К. фон Меттерних, который, по преданию, говорил, что «Азия начинается за Ландштрассе», т. е. за улицей на востоке Вены. Безусловно, с точки зрения Меттерниха и Прага была на Востоке, хотя географическая карта убедительно свидетельствует, что она расположена западнее Вены. А все потому, что Восток и Запад европейского геополитического пространства в течение многих веков были и сейчас еще остаются понятиями скорее идеологическими, чем географическими.

Поэтому Европу можно не только ощущать как политическую, экономическую, социокультурную реальность, но и мечтать о ней. Символическим выглядит название книги генерального секретаря Совета Европы В. Швиммера «Мечты о Европе» [11]. В ней он рассматривает историю объединения Европы, начиная с попыток Священной Римской империи добиться этого «огнем и мечом», искусно вплетая в сюжет собственную судьбу. В этом видится ключ к постижению не только персональной идентичности, но и региональной. Следует при-

знать, что такая взаимосвязь персональной истории и истории региональной легче просматривается в мирное время, чем в периоды военных столкновений.

Казалось бы, географические представления о том или ином пространстве блекнут на фоне войн, а идеологические клише должны отодвигать на дальний план в послевоенные годы, когда решаются задачи восстановления хозяйства, и политики, и исследователи. Если следовать такой логике, то необходимо признать, что для Европы Первая мировая война стала испытанием, которое, помимо всего прочего, потребовало от европейцев научиться после исчезновения Германской и Австро-Венгерской империй по-новому читать географическую карту региона. Однако идеология была сильнее геополитической потребности. И те, кто пытался это делать, часто не были поняты современниками. Ярче всего это проявилось на пятом (Брюссель, 1923 г.) и шестом (Осло, 1928 г.) всемирных конгрессах историков, где в рамках официальной структуры конгрессов заседали секции, посвященные истории широко понимаемой Восточной Европы. Историки новых независимых государств, возникших после Первой мировой войны, боролись за новое место не только в истории, но и в геополитике для своих стран. Поначалу усилия ученых характеризовались разнообразием концепций и подходов, отражающим взгляды национальных школ. Поляк О. Халецкий поставил вопрос о цивилизационных различиях между западной и восточной частями того пространства, которое принято было называть Восточной Европой, и которое включало все, что на восток от Германии. Дискуссия между венграми (И. Лукинич), чехами (Я. Бидло), поляками (М. Хандельсман) шла о границах региона, о том, что считать главными особенностями или организующими принципами в истории этой группы стран. Несмотря на сопротивление чехов, было достигнуто согласие об отходе от славянского принципа, однако, иного принципа, геополитически объединяющего страны региона, специалисты не нашли. В частности, Хандельсман совершенно без оснований утверждал, что Речь Посполитая находилась в центре региона и ее история может служить как организующий принцип для всей Центральной Евро-

пы. Венгры были склонны подчеркивать роль Дуная как интегрирующей оси [8, с. 75–96].

Вместе с тем, в восточноевропейском регионе существуют исторически сложившиеся основы региональной идентичности, которые невозможно практически подорвать политическими действиями. Это — связи в сфере духовной, в памяти поколений, запечатлевшей сходную во многом судьбу предков. Такая общность часто пронизана единой верой. На территории стран Восточной Европы широкое распространение получило православие. Автокефальные православные церкви действуют в Польше, Чехии, Словакии. Между автокефальными церквями России и стран Восточной Европы существовали весьма разнообразные и обширные связи. Они включали обучение в духовных школах и академиях других стран, совместную миротворческую деятельность. После Второй мировой войны происходит заметное расширение этих связей. От Русской Церкви получают автокефалию православная Церковь в Польше в 1948 году и единая Чехословацкая — в 1951 году. С 1948 года в Москве действует подворье Болгарской Церкви с храмом в честь Успения Божией Матери, а в Софии — подворье Русской Православной Церкви. В 1974 году было учреждено подворье Русской Церкви с приходом во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах.

Одна из составляющих этих связей — общность культурной традиции, основанной на славянской письменности. Шла серьезная борьба и с латинскими порядками в организации богослужения. Жития святых Константина (Кирилла) и Мефодия были широко известны в Древней Руси и уже использовались при написании «Повести временных лет» в XI веке. Язык их азбуки служил для общения славянских народов, формирования общей славянской культуры и выступал фактором славянской идентичности.

В последнее время все больше внимания исследователи стали уделять роль языка в формировании картины мира [3]. «Картина мира» является понятием многогранным, в котором выделяется шесть типов картин мира: религиозные (мифологические), научные, художественные, нравственные, политические

и языковые [5]. Понятие «языковая картина мира» идет от философской концепции шло языка известного немецкого ученого В. фон Гумбольдта (1767–1835), который считал, что в языке сосредоточен дух народа, его мировоззренческий характер. Исследователи творчества Гумбольдта (В.З. Панфилов, В.А. Звезгинцев, Г.В. Рамишивили и др.) сходятся на том, что сущность гумбольдтовской философии языка связана с его учением о «внутренней форме», представляющей собой прообраз языковой картины мира. Носителем языковой картины мира является тот или иной народ, который взгляд на мир закрепляет в родном языке, выражая его с субъективно-национальной точки зрения. Безусловно, языковая картина мира славянских народов имела множество совпадающих фрагментов. И такие совпадения служили аргументами установления более тесных контактов славянских народов.

По инициативе и усилиями чешских ученых П. Шафарика, И. Елачича, Ф. Палацкого и других в Праге 2 июня 1848 г. открылся съезд представителей славянских народов Австрийской империи, вошедший в историю под названиями — первый Славянский конгресс или Пан-Славянский конгресс. Участники съезда выражали разные взгляды, а съезд не был завершен, но сам факт его созыва в бурный период европейских революций середины XIX века свидетельствует о важности фактора культурно-цивилизационной идентичности для решения вопроса национального самоопределения. В 1998 году в Праге в годовщину 150-летия I Всеславянского съезда состоялся VII Всеславянский съезд, восстановивший деятельность международного славянского комитета. Съезд также принял Манифест к народам Европы, в котором осудил одностороннее расширение НАТО и призвал ЕС к уважению прав славянских народов.

Даже то, что символика флагов и гербов многих государств обнаруживает схожие элементы и цветовые обозначения, может говорить и об общности их исторических судеб. Так, красный, синий и белый цвета имеются на флагах большинства стран с доминирующим славянским населением, а также в геральдике славянских народов, не имеющих своих государств. Эти цвета были выбраны на выше-

упомянутом Панславянском конгрессе в Праге под влиянием существовавшего к тому времени русского флага и исторического флага герцогства Крайна (ныне Словения), сочетавших все три цвета, а также польского и богемского, использовавших два цвета из трех (белый и красный), и флага сербов (красно-синий) когда-то бывшим флагом Рашки — исторического государства на юго-западе Сербии.

В 1867 году гостей славянского съезда принимала Россия. Основными идеями, продвигаемыми русскими панславистами и славянофилами, были: продвижение русского языка как языка межславянского общения, укрепление культурного единства, но, несмотря на их активность, попытка создать мощный костяк всеславянского движения и его централизации провалилась. Одним из главных символов II Всеславянского съезда являлась бело-золотая хоругвь, на которой были изображены славянские первоучители Кирилл и Мефодий. День Кирилла и Мефодия — 24 мая — был глубоко народным праздником, отмечаемым во многих славянских странах, а в Болгарии относится к наиболее популярным праздникам. Заканчивается учебный год, начинаются каникулы. Вся страна готовится встретить лето. Везде проходят фольклорные фестивали. Несмотря на это, в СССР он был исключен из традиционного праздничного круга и восстановлен лишь в 1990-е гг. Начала формироваться новая традиция проведения Дня славянской письменности. Ежегодно меняется центр праздничных мероприятий: Мурманск, Вологда, Новгород, Киев, Минск, Москва... Насыщеннее становится культурная и научная программы праздника, все больше собирает он гостей. Такие праздники, как День славянской письменности и культуры, выполняют важную функцию: они способствуют осознанию человеком себя как частички большого сообщества, живого носителя и продолжателя культурной традиции. Это не официозный праздник, он идет из глубины общей истории славянских народов и помогает поддерживать их диалоги в пространстве современной культуры.

В то же время восточноевропейское единое пространство в лингвистической области невозможно. Славянскую языковую территорию пересекают романская (румынская) и финно-

угорская (венгерская) территории. И как бы ни старались, ни святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий, ни их последователи консолидировать славянское пространство с помощью языка, сделать этого не удалось. Не получил распространение разработанный хорватом Ю. Крижаничем искусственный язык — интерслав [7]. Не стал языком международного общения и русский язык, который включался в программы школьного образования в период социализма, но очень быстро оказался забытым после его крушения.

Сложность решения проблемы установления единого славянского языка заключается и в том, что одна является вторичной по отношению к национальной идентификации. Язык отражает суть национальной культуры и национальной идентичности. Восточноевропейский регион насыщен такими территориями, население которых долгое время не имело возможности определить собственную национальную идентичность из-за внешних факторов, оказавшись в рамках Австро-Венгерской, Османской или Российской империй. Например, писатель и дипломат И. Андрич, родившийся на территории современной Боснии и Герцеговины, бывший единственным югославским писателем, удостоенным Нобелевской премии в области литературы (1961), сам четко не мог обозначить свою принадлежность к сербам или хорватам. И сейчас многие сербы считают его сербом и сербским писателем, а хорваты видят его хорватским писателем и представителем хорватской литературной традиции. Документы времен студенчества Андрича свидетельствуют о том, что сам Андрич воспринимал себя в то время как хорват: в анкете для поступления в Загребский Университет, которую Андрич заполнял в Загребе 14 октября 1912 г., написано, что родным языком для него является «хорватский». При зачислении в Краковский университет в графе национальность Андрич написал, что является «хорватом-католиком из Боснии». Но, являясь сторонником единства южнославянских народов, Андрич говорит о себе как о сербе. Сербом он называл себя до конца жизни и связывал свою жизнь с Сербией и Белградом. Еще один аргумент в пользу его сербской идентичности: подавляющее большинство своих сочинений Андрич написал

кириллической эквицей, характерной для современного литературного сербского языка. Правительством Сербии и мэрией города Вишеград в 2012 году учреждена «Премия имени Иво Андрича», которая должна вручаться писателям, пишущим на славянских языках, в день, в который Андрич получил Нобелевскую премию, вручаться будет лично президентом Сербии (денежный эквивалент 100 тысяч евро).

Несомненно, в многочисленных дискуссиях о сущности восточноевропейской региональной идентичности отразились сложные проблемы исканий национальной и геополитической идентичности каждой из стран, когда понять «кто я» было важнее, чем осознать «кто мы». Последовавшее за окончанием Второй мировой войны предложение из серии предложений, от которого нельзя отказаться, привело к тому, что незавершенное формирование региональной (или в данном случае субрегиональной) идентичности опять-таки укрепилось в идеологическом виде как общности стран не стран восточноевропейского региона, а социалистического содружества. Формальное выпадение из этой идентичности Югославии и Албании, не являвшихся ни членами СЭВ, ни участниками Организации Варшавского Договора, сути не меняло, ибо они были странами социализма. Инерционные силы региональной памяти обнаруживают себя и сейчас, например, при развернувшихся в Украине дискуссиях об ассоциации с Европейским союзом, когда явно проявился поколенческий разрыв между старшими, помнящими общую жизнь в СССР и выстраивающими свою картину мира в рамках постсоветского региона, и молодыми, которые этих региональной памяти и региональной идентичности не имеют. А потому они видят свою перспективу в европейском регионе.

Если даже для Европы, как Западной, так и Восточной, проблема региональной самоидентификации оказывается более широкой, чем национально-государственная, и остается действительно проблемой, то для населения других регионов она оказывается гипотетической или не ставится совсем. Ближе всего к постановке региональной идентификационной задачи находится Азия, где после распада СССР начался процесс формирования новых очертаний межгосударственных сою-

зов и взаимодействий. Появился регион Центральной Азии, куда помимо бывших советских республик фактически входит Афганистан и Синьцзян-Уйгурский район Китая. Этот регион как матрешка меньшего размера оказывается внутри «Большой Центральной Азии». Ей противостоит «Большая Западная Азия», в которую включаются Иран, Азербайджан, Армения и Турция. Поиски субрегиональной или региональной идентичности в Африке осложняются рядом внутренних обстоятельств, а среди мобилизаторов этой проблемы могут обнаруживаться совсем не воодушевляющие представителей других идентичностей факторы, в частности, конфессиональный.

Можно порассуждать и о том, как на процесс формирования восточноевропейской региональной идентичности влияло положение, приближенное к центру Европы. Ф. Бродель указывал, что при определенных обстоятельствах центр может становиться периферией, а периферия провинцией [2]. Более того, периферия может подразделяться на внутреннюю, или ближнюю и внешнюю, или дальнюю, которые различаются не столько своим географическим расположением по отношению к центру, сколько способностью адекватно реагировать на импульсы, идущие от него. От этой реакции зависит не только политико-экономическая конфигурация регионального ландшафта, но и региональное самосознание людей, живущих вблизи или вдали от того центра, который выступает стержнем, опорной конструкцией геополитического видения данного пространства.

Мировой опыт говорит о том, что центральные районы более готовы к интеграции, чем периферийные, где этому препятствует и не отвечающая интеграционным задачам инфраструктура, слабо развита сеть деловых услуг, низок уровень рабочей силы, учебных и научных учреждений, велика безработица. И хотя удаленные от центра приграничные регионы благодаря региональной интеграции могут преодолевать свою периферийность, образуя интегрированные субрегиональные пространства, они не решают таким образом никаких задач кроме экономических, не затрагивают пласты региональной и субрегиональной идентичности. Центр в отличие от периферии или

провинции, проявляет большую агрессивность по отношению и к среде, и к людям, он подвержен быстрым изменениям, отдельные из которых могут быть обманчивыми, поэтому чтобы противостоять натиску перемен, человек, находящийся в центре какого-либо пространства должен позаботиться о том, чтобы защититься от давления центра.

Одним из таких инструментов социально-психологической защиты становится представление о полицентричности пространства. Поэтому помимо государственного центра — столицы центрами становятся города с богатой культурной традицией, историей какого-либо ремесла, административные центры внутри-государственных регионов и, конечно, географические центры континентов. Есть несколько конкурирующих точек на карте Европы, которые претендуют на то, чтобы называться ее центром. И от каждого такого места берет начало собственная версия региональной идентичности.

Сложность процесса формирования региональных идентичностей, выходящих за рамки традиционных этнических групп, может служить иллюстрацией трудностей, которые рано или поздно возникнут на пути образования глобального гражданского общества. Данное общество может вырасти только на основе осознания гражданами новых идентичностей, в первую очередь, отвечающих картине глобального мира, охватывающего мир региональный. Разумеется, эти новые идентичности будут нуждаться в иной структуре международных отношений, которые, вероятно, и называть тогда надо будет как-то по-иному. Так считают преподаватель кафедры международной политики Уэльского университета М. Залевски и профессор кафедры государства в Университете Кларка С. Энло [6, с. 288–313]. Они задают на первый взгляд простые вопросы: «Что есть «мы» в международных отношениях? Кого следует идентифицировать как значащую величину в международных политических событиях? Какие идентичности воспринимаются как релевантные и какие нет? Какие группы допускаются к самоидентификации? Какую

роль играет политика идентичности в современной теории и практике международных отношений?» [6, с. 288].

Ответы на эти вопросы могут быть разными, а вывод из них один — «межпарадигмальный спор» не только в теории национальных, региональных или международных отношений, но и в их практике должен быть завершен готовностью, если не принять, то спокойно выслушать другую точку зрения, особенно когда она отражает иную идентичность собеседника — социальную, профессиональную, национальную и, конечно, региональную. И еще более, если такая идентичность имеет глубокие исторические истоки и не менее глубокую, а еще лучше, непрерываемую память.

Литература

[1] Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995.

[2] Бродель Ф. Что такое Франция: пространство и история. — Т. 3. — М.: Изд-во Сабашниковых, 1994.

[3] Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. — М.: Academia, 1998.

[4] Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. — М.: Прогресс, 1991.

[5] Даниленко В.П. Основы духовной культуры в картинах мира / В.П. Даниленко, Л.В. Даниленко. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998.

[6] Залевски М. Вопросы идентичности в международных отношениях / М. Залевски, С. Энло // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. Кена Буса и Стива Смита. — М.: Гардарики, 2002.

[7] Крижанич Ю. Политика. — М.: Новый свет, 1997.

[8] Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 52 (6).

[9] Уайдлер Т. Теофил Норт / пер. с англ. В.П. Голышев. — М.: АСТ, 2010.

[10] Цит. по: Громько А.А. Великобритания — Европа западного типа // Независимая газета. — 2001. — 7 июня.

[11] Швиммер В. Мечты о Европе. Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия / пер. с нем. Л. Пантиной. — М.: Олма-Пресс, 2003.

УДК 94(470.57)

СОЕГОВ Мурадгелди,

доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук Туркменистана,
главный научный сотрудник Национального
института рукописей Академии наук Туркменистана
e-mail: msoyegov@gmail.com

ПЯТЕРО ИЗ СЕМИДЕСЯТИ ВОСЬМЕРЫХ (О воинах-туркменах 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза)

Статья посвящена описанию героических деяний в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ряда воинов 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, сформированной в Уфе в декабре 1941 года. В этой дивизии выполняли свой священный долг перед Родиной по ее защите в период войны немало представителей туркменского народа, пятеро из которых, а именно: Аннаклыч Атаев, Бердимурат Довлетджанов, Клычнияз Азалов, Мульки Байрамов и Тачмамед Ниязмамедов за героизм, проявленный в боях против немецкофашистских захватчиков, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Ключевые слова: Родина, война, бой, защита, героизм, смерть, тыл, победа.

Из работ, опубликованных ранее по данной тематике [3; 5–7; 10–11; 13 и др.], и размещенных в настоящее время в виде соответствующих сайтов в Интернете (например, в Википедии) отрывков из указанных работ, узнаем, что 112-я Башкирская кавалерийская дивизия сформирована в Уфе в декабре 1941 года, которая, начиная с июля 1942 года, участвовала в боевых действиях до конца Великой Отечественной войны (ВОВ) 1941–1945 гг. в составе Брянского, Юго-Западного и 1-го Белорусского фронтов, а с 15 апреля по 30 августа 1943 г. находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандующего. В литературе также указано, что ко времени завершения комплектования данной дивизии башкиры составляли 81,4%, татары — 14,5%, русские — 3,3% и другие национальности — 0,8%. В середине января 1943 года дивизия получила пополнение, в составе которого преимущественно были части из Средней Азии. На фронтах ВОВ она поочередно вошла под названием 16-я гвардейская Черниговская дивизия в состав 8-го кавалерийского корпуса 1-й и 5-й танковой армии, а в последующем — 7-го гвардейско-

го кавалерийского корпуса 3-й гвардейской, 61-й, 67-й и 33-й армий. За годы ВОВ дивизия прошла от Дона до Эльбы свыше 4000 км. 3860 воинов дивизии награждены орденами и медалями, 78 из них стали Героями Советского Союза и пятеро полными кавалерами ордена Славы.

Установлены Мемориальные доски с именами всех 78 Героев Советского Союза, высеченными золотыми буквами на здании Национального музея Республики Башкортостан (г. Уфа, ул. Советская, 14) и в музее 112-й Башкирской (16-й гвардейской Черниговской) кавалерийской дивизии (г. Уфа, ул. Левитана, 27) [16]. В этом списке Героев числятся имена туркмен: Аннаклыча Атаева, Бердимурата Довлетджанова, Клычнияза Азалова, Мульки Байрамова и Тачмамед Ниязмамедова, которые наряду с представителями других братских народов в смертельных боях против немецкофашистских захватчиков отстаивали независимость тогдашней общей Родины, в том числе Туркменистана. Если вычислить, пользуясь методом исследователей-предшественников по определению процентного соотношения воинов данной дивизии по их национальному со-

ставу, то получается, что туркмены среди упомянутых 78 Героев Советского Союза составляют 6,4%. Всего за годы ВОВ звания Героя Советского Союза были удостоены 18 туркмен. После распада СССР все они удостоены высшей степени отличия нового независимого государства — звания «Герой Туркменистана». В этой связи уместно вспомнить, что туркмены в 1939 году составляли всего 0,48% населения Советского Союза [12].

Хотим сначала отметить, что из указанных выше пятерых туркмен трое, а именно А. Атаев, К. Азалов и Т. Ниязмамедов, как и Айдогды Тахиров (1907–1943), Джуманияз Худайберганов (1912–1943), Ораз Аннаев (1913–1943), Оразберды Хакимов (1902–1945), Мухаммед Атаев (1914–1945) и другие многие туркменистанцы — Герои Советского Союза, пали смертью храбрых непосредственно в сражениях, защищая честь и славу тогдашней нашей огромной страны, и были похоронены в братских могилах вдали родного края.

Герои Советского Союза Б. Довлетджанов и М. Байрамов наряду с участниками ВОВ Аллаберды Агалиевым (1914–1972), Ахметом Аннадурдыевым (1915–1975), Курбаном Дурды (1917–1976), Таганом Байрамдурдыевым (1909–1977), Сапарметом Ходжаевым (1924–1993), Пена Реджеповым (1918–2007) и некоторыми другими, которые также были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, после возвращения с войны в родной Туркменистан с Победой активно включились в мирную созидательную деятельность своего народа и достигли новые победы в трудовом фронте, а также вели неустанную работу по патриотическому воспитанию порастающего поколения. К примеру, если Герой Советского Союза, бывший сельский учитель Сапармет Ходжаев после войны вновь продолжал свою педагогическую деятельность, занимая в последующем пост директора школы в родном селе и став «Заслуженным школьным учителем Туркменистана», то Герой Советского Союза Пена Реджепов, работая старшим научным сотрудником в академическом Института истории, вел исследования по истории нефтегазодобычи, нефтедобычи и нефтепереработки в Туркменистане, издал несколько монографий по данной теме.

Автор данной статьи, будучи тогда молодым научным сотрудником Института языка и литературы, который находился в одном здании с Институтом истории, стал свидетелем, как Пена Реджепов успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В те годы с интересом ознакомился с его книгой «Батарея идет на запад», в которой увлекательно рассказывается о боевой молодости автора. Пена Реджепов был последним Героем Советского Союза-туркменом, пережившим самого Союза на 16 лет.

Ниже на основе данных, обнародованных по Интернету, которые в действительности являются соответствующими частями и разделами ранее изданных работ, кратко рассказывается о ратном подвиге пятерых из семидесяти восьми Героев Советского Союза, воевавших в составе 112-й Башкирской кавалерийской дивизии.

Аннаклыч Атаев
Annagylyç Ataýew
(1912–1943)

Аннаклыч Атаев

Уроженец села Бедиркент Героглынского этрапа Дашогузского велаята (бывший Тахтинский район Ташаузской области) Туркменистана. Окончил Чарджоуский (ныне Туркменабат) педагогический техникум (педучилище), затем работал директором школы в поселке городского типа

Тахта, инструктором Ташаузского областного совета Осоавиахима. В Армии в 1934–1937 годах и с 1941 года. Участвовал в боях ВОВ с 1942 года, будучи командиром эскадрона 294-го кавалерийского полка (112-я Башкирская кавалерийская дивизия, 8-й кавалерийский корпус, 5-я танковая армия, Юго-Западный фронт). лейтенант Аннаклыч Атаев отличился 21 января 1943 года. Его подразделение овладело господствующей высотой с отметкой 79.9 в обороне противника в районе города Белая Калитва Ростовской области и удерживало ее до подхода подкрепления. За двое суток непрерывных боев эскадрон отразил семь

вражеских контратак, уничтожив около трехсот гитлеровцев, три танка, бронемашину. Отважный офицер пал смертью храбрых 22 января 1943 года. Похоронен в Белой Калитве на площади Павших Борцов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные стойкость, мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками лейтенанту Аннаклычу Атаеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Все бойцы, сражавшиеся вместе с ним, были посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени.

На месте подвига 29 воинов-атаевцев, среди которых были башкиры, татары, узбеки, каракалпаки, казахи, таджики, русские и представители некоторых других народов, сооружен трехметровый обелиск из белого мрамора. Имя Героя Советского Союза Аннаклыча Атаева носит школа № 2 в городе Белая Калитва. В 1968 году в 25-ю годовщину освобождения города Белая Калитва, на безымянной высоте, где сражались атаевцы, воздвигнут памятник, и эту высоту народ называл «Высотой Бессмертия» [2].

**Бердимурат (Бердымурат)
Довлетджанов (Давлетжанов)
Berdimyrat Döwletjanow
(1921–1998)**

Бердимурат
Довлетджанов

Родился 1 января 1921 г. в тогдашнем селе Мюльксычмаз Марыйского этрапа Марыйского велаята Туркменистана. После окончания семилетней школы, работал учетчиком тракторной бригады в колхозе. В ноябре 1941 г. был призван на службу в Армию. С июня 1943 г. — на фронтах ВОВ. К сентябрю 1943 г. гвардии красноармеец Бердимурат Довлетджанов был сабельником 62-го гвардейского кавалерийского полка 16-й Гвардейской кавалерийской дивизии 7-го Гвардейского кавалерийского корпуса 61-й армии Центрального фронта. Особо отличился

Б. Довлетджанов в боевых действиях за освобождения Украины. В боях, развернувшихся в сентябре — октябре 1943 года на подступах к населенному пункту Клачково, деревне Усохии совхозу «Первое Мая» в Черниговской области, он лично уничтожил большое количество живой силы и боевую технику (миномет) противника, благодаря чему эскадрон смог продолжить наступление.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за «образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» гвардии красноармеец Бердимурат Довлетджанов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 3041.

После окончания войны Б. Довлетджанов в звании старшего сержанта был демобилизован. Вернулся на родину, окончил Советско-партийную школу при ЦК Компартии Туркменистана. Проживал в городе Мары, работал на ответственных должностях в партийных и советских органах, был управляющим марыйской базы «Туркменлегторг». Избран депутатом Верховного Совета Туркменской ССР. Был также награжден орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, рядом медалей [9].

Не станет лишним если в конце отмечу и то, что было время, когда автору этих строк во второй половине семидесятых годов прошлого столетия приходилось вести совместную общественную работу в молодежной организации Академии наук республики и ближе ознакомиться с сыном Героя, своим ровесником Атаджаном Бердимуратовичем Довлетджановым, который по воспоминаниям своего отца рассказывал иногда об интересных случаях, связанных с подвигами туркменистанцев в боях ВОВ, а также о проявлениях фронтовой туркменско-башкирской дружбы. По сути дела тогда мы с Атаджаном успели подружиться, но теперь, уже давно трудясь в разных учреждениях, в редких и случайных встречах ограничиваемся лишь мимолетным, но горячим приветствием друг друга.

Клычнияз Азалов
Gylyşnyýaz Azalow
(1921–1943)

Клычнияз Азалов

Родился 10 марта 1921 г. в селе Меджаур Бабасары ныне Марыйского этрапа Марыйского велаята Туркменистана. До призыва в Армию работал в колхозе. В Армии с 1941 года, а с мая 1943 года на фронте. 27 сентября 1943 г. сабельник 58-го гвардейского кавалерийского полка

(16-я гвардейская кавалерийская дивизия, 7-й Гвардейский кавалерийский корпус, 61-я армия, Центральный фронт) гвардии рядовой Клычнияз Азалов под огнем противника переправился на правый берег реки Днепр у деревни Нивки Брагинского района Гомельской области Белоруссии, отличился в боях за удержание плацдарма в октябре 1943 г.: К. Азалов первым бросился в траншеи врага, уничтожил 13 гитлеровцев. Будучи трижды ранен, оставался в строю, и вместе с отделением на правом берегу реки на протяжении двух часов сдерживали врага, что способствовало переправе подкрепления. В бою за железнодорожную станцию Шатилки был тяжело ранен. Скончался от полученных ран 27 декабря 1943 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии красноармейцу Клычниязу Азалову присвоено звание Героя Советского Союза. В Гомельской области, в районе железнодорожного вокзалагорода Светлогорска находится братская могила советских воинов, где похоронено 325 воинов, погибших в боях за освобождение города от немецко-фашистских захватчиков. Среди похороненных Герой Советского Союза Клычнияз Азалов.

В 1958 году на могиле установлен памятник — его скульптура. В 1982 году в Молодежном микрорайоне Светлогорска улица Полесская была переименована в улицу

им. Клычнияза Азалова. Его бронзовый бюст был возведен на Аллее Героев в Светлогорске. На доме № 16 установлена мемориальная доска. Имя Клычнияза Азалова носит сельская школа № 3, в которой он учился. В родном селе также установлен бюст Героя [1].

Мульки Байрамов
Mülki Baýramow
(1909–1965)

Мульки Байрамов

Родился 30 октября (12 ноября) 1909 г. в селе Мюлюк ныне Марыйского этрапа Марыйского велаята Туркменистана. Окончил неполную среднюю школу в 1930 году и в 1931 году — учительские курсы. Работал в школе. В Армии в 1932–1938 годах и с 1941 года. В 1935 году окончил Ташкентское кавалерийское училище. В боях ВОВ с января 1943 года. Командир 2-го эскадрона 60-го Гвардейского кавалерийского полка (16-я Гвардейская кавалерийская дивизия, 7-й Гвардейский кавалерийский корпус, 61-я армия, Центральный фронт) гвардии старший лейтенант Мульки Байрамов в боях с 19 сентября по 2 октября 1943 г. показал образцы героизма. Его кавалерийский эскадрон отличился в боях за Березну, Лопатино, совхоз «1 Мая» в Черниговской области Украины. Воины-гвардейцы множество раз отбивали вражеские танковые атаки, уничтожив в рукопашной схватке триста сорок гитлеровских солдат и офицеров. 27 сентября 1943 г. при форсировании реки Днепр в районе деревни Нивки Брагинского района Гомельской области Белоруссии гвардии старший лейтенант М. Байрамов четко организовал переправу. Эскадрон под его командованием одним из первых переправившись на правый берег Днепра, сразу вступил в бой, уничтожив группу противника, численностью в семьдесят человек, обеспечив переправу других эскадронов 60-го гвардейского кавалерийского полка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за образцовое выполнение боевого задания командования

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за образцовое выполнение боевого задания командования

в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему лейтенанту Байрамову Мульки присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 2782.

С 1945 года офицер Мульки Байрамов находился в запасе. Жил в городе Мары, где трудился на хозяйственных должностях до конца своих дней в течение 20-и лет. Награждался орденом Богдана Хмельницкого III степени, орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. [4].

Тачмамед Ниязмамедов
Täçmämet Nyýazmämedow
(1914–1944)

Тачмамед
Ниязмамедов

Уроженец села Джеджирс ныне Сердарского (бывшего Кизыларбатского) этрапа Балканского веляята Туркменистана. Окончил Ашхабадское педагогическое училище. Работал учителем, затем директором школ в селах Бендесен и Ходжакала Кизыларватского района. В Армии с октября 1941 года. На фронте ВОВ с ноября 1942 года. Помощник командира пулеметного взвода 3-го эскадрона 60-го Гвардейского кавалерийского полка (16-я Гвардейская кавалерийская дивизия, 7-й Гвардейский кавалерийский корпус, Центральный фронт) гвардии старший сержант Тачмамед Ниязмамедов в ночь на 28 сентября 1943 г. со взводом в числе первых преодолел реку Днепр у деревни Нивки Брагинского района Гомельской области Белоруссии, занял позиции на правом берегу и поддержал огнем форсирование реки другими подразделениями. 30 сентября 1943 г. в бою у деревни Галки Брагинского района Гомельской области бесстрашный гвардеец-кавалерист вместе со своим пулеметным расчетом отбил контратаку противника, лично уничтожил десяток гитлеровцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. за образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему сержанту Ниязмамедову Тачмамеду присвоено звание Героя Советского Союза. Но Герой не дождался этого радостного события. 14 ноября 1943 г. славный сын туркменского народа гвардии старший сержант Тачмамед Ниязмамедов пал смертью храбрых в бою. Похоронен в деревне Вышемир Речицкого района Гомельской области Белоруссии. Бюст Героя установлен в городе Сердар (бывший Кизыларбат, Туркмения), мемориальная плита — в деревне Вышемир Речицкого района. Его именем названы: улица в городе Сердар и школа в селе Чукур Сердарского этрапа Балканского веляята Туркменистана [8].

Мы кратко остановились лишь на основных моментах жизни и ратного подвига пятерых из семидесяти восьми Героев Советского Союза, воевавших в составе 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Обращает на себе внимание, в частности, тот факт, что трое из них (К. Азалов, Б. Довлетджанов и М. Байрамов) родом из одного небольшого района — нынешнего Марыйского этрапа Марыйского веляята (исторически: Мерв). Удивительно и то, что они втроем (К. Азалов, М. Байрамов и Т. Ниязмамедов) отличились во время битвы за Днепр у деревни Нивки Брагинского района Гомельской области Белоруссии. Это, во-первых. Во-вторых, наравне с подвигами своих воинов-фронтовиков не покладая рук на глубоком южном тылу для нужд фронта трудились туркменистанцы — женщины, старики, подростки и инвалиды, которые в тяжелых материальных условиях войны приютили у себя в республике еще и работников эвакуированных предприятий и учреждений, а также их семей, и делились с ними без того скудными продовольственными ресурсами [14, с. 219–343; 15, с. 43–61]. И, наконец, в-третьих, в связи с приближающимся 70-летием Великой Победы над фашизмом, которое будет отмечаться в 2015 году, необходимо, вопреки усилиям отдельных авторов, захотевших в своих «исследованиях» снизить

роль и значение Великой Отечественной войны наших народов в качества главного и основного звена во Второй Мировой войне, активизировать работу по разработке научных и научно-популярных тем с целью восстановления истории именно с человеческим лицом путем точной и умелой передачи чувств и переживаний людей во время войны, период мирового военного психоза и катаклизма, а также более детальными последовательным описанием первичного планирования и всего хода не только больших наступательных или оборонительных сражений, но и бесчисленных малых сражений, боев и отдельных боевых действий, развернувшихся с участием конкретных воинов-представителей тогдашнего многонационального советского народа. Это необходимо для того, чтобы не возникали межэтнические конфликты в Российской Федерации и других странах СНГ, подстрекаемые отдельными лицами или группой лиц как внутри стран, так и извне.

Литература

- [1] Азалов Клычняз (Материал из Википедии — свободной энциклопедии, 26.10.2013).
- [2] Атаев Аннаклыч (Материал из Википедии — свободной энциклопедии, 26.10.2013).
- [3] Ахмадиев Т.Х. Башкирская гвардейская кавалерийская. — Уфа, 1999.
- [4] Байрамов Мульки (Материал из Википедии — свободной энциклопедии, 26.10.2013).
- [5] Белов Г.А. Путь мужества и славы. — Уфа, 1985.
- [6] Гордость и слава 16-й кавдивизии. — Уфа, 1990.
- [7] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. — М., 1987.
- [8] Давыдов А. Завтра началась война — проживем ее вместе с дедами [Электронный ресурс]. — URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=385670.14140;wap> (28.10.2013).
- [9] Довлетджанов Бердимурат (Материал из Википедии — свободной энциклопедии, 26.10.2013).
- [10] Ими гордится Туркменистан. — Ашхабад, 1973.
- [11] Навечно в сердце народном. — 3-е изд., доп. и испр. — Мн., 1984.
- [12] Народы СССР в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ethnoinfo.ru/narody-sssr-v-vojne/314-statistika> (27.10.2013).
- [13] Слава башкирских конников. — Уфа, 2005.
- [14] Соегов М. В алтаистику через тюркологию: опыт реконструкции былых связей. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013.
- [15] Соегов М. Литература и филология, приближая народы, укрепляют их толерантность. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013.
- [16] 112-я Башкирская кавалерийская дивизия (Материал из Википедии — свободной энциклопедии, 26.10.2013).

УДК 32(470)

БЕНИНА Лариса Ивановна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет»
e-mail: politolog_bashgu@mail.ru

ЧЕТЫРЕ ПЛАСТА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются идейные предпосылки формирования противоречивых субкультур в рамках политической культуры российского общества. На примере идейных течений XIX века анализируются противоречия во взглядах на пути развития и исторические перспективы России, содержащиеся в трудах мыслителей консервативно-архаического, либерально-западнического, радикально-антиэтатистского и социалистического направления.

Ключевые слова: политическая культура, политические субкультуры, тип политической культуры, пласт политической культуры.

*Россия! — разговор на долгие годы, а спор бесконечный.
Всякий тут свое — и по-своему прав.
Алексей Ремизов*

По аналогии с понятием «культурные универсалии», введенном в научный оборот в 1959 году английским социологом Джорджем Мэрдоком и означающим общие элементы, свойственные культурам всех стран и народов, можно говорить и об универсалиях политической культуры. Это нормы и ценности, присущие политической культуре любого общества, независимо от исторического времени и социального строя. Одной из наиболее значимых политико-культурных универсалий является патриотизм. Однако, наряду с общими чертами, политическая культура каждого общества имеет и собственную специфику, обусловленную множеством исторических, географических, экономических, этнических, психологических и прочих факторов. В русле сравнительной политологии с середины XX века проводились исследования характерных черт политической культуры различных стран. Отечественные обществоведы уделяли значительное внимание изучению политической культуры российского общества. Особенно актуальным это направление сравнительной политологии стало на рубеже XX–XXI веков, когда кардинальные изменения полити-

ческой системы повлекли за собой перемены в политическом сознании граждан, появление новых элементов политической культуры. При этом старые элементы, присущие советскому периоду российской истории, никуда не исчезли.

В условиях системной трансформации общества формирование нового типа политической культуры не может происходить непротиворечиво и бесконфликтно. Этот новый тип впитывает в себя множество черт, характерных для сознания различных поколений граждан, социальных слоев и групп, и процесс его формирования носит на себе отпечаток всех экономических, социальных и политических потрясений трех последних десятилетий. Представляется, что динамика политической культуры — это сложный и противоречивый «вспыхивающе-погасающий» процесс, отражающий все нюансы российской политической истории, находящийся под влиянием, как политических традиций, особенностей политического менталитета россиян, так и современных факторов общественного развития.

С другой стороны, особенности российской государственности во многом определяют

ся спецификой политической культуры нашего общества. В частности, тем, что в ней сосуществуют, почти не перемешиваясь, но конфликтуя между собой и пытаясь доминировать четыре чуждые друг другу политические субкультуры. Самая древняя из них — *архаическая* крестьянская ветвь российской политической культуры, основанная на ценностях общинности, консерватизма и православия. Вторая, *радикально-революционная*, субкультура питается идеями политического радикализма, анархо-синдикализма, бунтарства, антиэтатизма, свойственными российской интеллигенции. Третью, *либеральную*, ветвь отличает индивидуализм, прагматизм, рационализм, утилитаризм, приверженность либеральным ценностям, то есть черты политического сознания, характерные для сторонников западноевропейского пути развития. Четвертая, *коммунитарная*, субкультура основана на глубоко укоренившихся в общественном сознании за годы советской власти социалистических ценностях, на приверженности малоимущих слоев идеям социального равенства и социальной справедливости, на неприятии частнособственнических настроений последних десятилетий, осуждению богатства «новых русских» и, в то же время, на зависти по отношению к его владельцам.

Анализ причин и последствий столь длительного противостояния названных политических субкультур представляет несомненный научный интерес и значительную сложность. Еще Н.А. Бердяев в труде «Русская идея» справедливо отмечал: «Есть большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности... Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... от него всегда можно ждать неожиданностей... это народ, вызывающий беспокойство народов Запада» [2, с. 43–44]. Мыслителя волновала духовная пропасть, непонимание и недоверие между «верхами» и «низами» общества, отсутствие цельности культуры. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он говорил о том, что в российской культуре существовало «внешнее принудительное единство, но внутреннего единства не было, была внутренняя разорванность. Разорваны были власть и народ, народ и интеллигенция» [1, с. 13–14].

Российский ареал политической культуры характеризуется продолжающимся уже 200 лет (со времени Чаадаева и Хомякова) конфликтом враждебных друг другу политических ценностей и базирующихся на них субкультур. Преобладание того или иного идейного течения в определенный исторический период налагало отпечаток на характер развития российского общества и государства. Так, XIX век ознаменовался непримиримой борьбой политических субкультур консерваторов-славянофилов и либералов-западников. Первые черпали вдохновение в общинности, народности и православии, вторые — в западноевропейских либеральных теориях и убежденности в необходимости срочной модернизации «лапотной Руси» по европейскому образцу. Лидер славянофилов Н. Хомяков полагал, что основной компонент политического сознания русского народа — это соборность, которую он характеризовал как «единство во множестве», гармонию между обществом и индивидом на основе «растворения» личности в обществе, преобладания коллективизма, «общинного единства» [7, с. 27]. Эта базовая черта массового сознания реализовалась в крестьянской общине, традиционно являвшейся основным способом организации социального взаимодействия подавляющего большинства народа. Господство общинности, как базового принципа народной жизни славянофилы считали необходимым для сохранения политической стабильности и культурной самобытности России. Западники, в свою очередь, осуждали «темноту» и интеллектуальную неразвитость крестьянских масс, их полную отчужденность от политики. Тем не менее, П.Я. Чаадаев в «Философических письмах» говорил о великой исторической миссии России и признавал, что русские — это «народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок» [8, с. 26]. Например, предостеречь Европу от неверного социального, политического, культурного выбора.

Крестьянский пласт политической культуры, который идеализировали славянофилы и к которому с пренебрежением относились

западники, в реальности не представлял собой ни квинтэссенции народной мудрости и знаний о правде и справедливости, ни абсолютной темноты и интеллектуальной неразвитости. Будучи действительно в массе своей необразованным, не обладая научными знаниями о политике, народ, тем не менее, был носителем важных элементов политической культуры, таких как политическое чутье, инстинктивное стремление к правде и справедливости и общинно-коллективистские традиции. «Низы» общества эмоционально точно оценивали сущность российской самодержавной власти в главном аспекте ее деятельности — в управлении своими подданными. Сознание необразованных крестьянских масс чутко улавливало «неправду» чиновников, использовавших власть в корыстных интересах и с презрением смотревших на кормивших их народ, как на «быдло». Подобное отношение элиты к своему народу, естественно, вызывало ответную реакцию массового сознания — недоверие и ненависть, становилось причиной анархистских, антигосударственных настроений, и, наряду с такими факторами, как крепостной гнет, нищета и полное бесправие народа, порождало крестьянские бунты и войны, казацкую вольницу, стремление посадить на трон своего «народного» царя. Выступая против жестко-авторитарного государства, желая свергнуть «неправедную» власть, крестьяне стремились не уничтожить самодержавие, а заменить его царством справедливости. Анализируя особенности народного пласта политической культуры, Н.А. Бердяев отмечал, что он был неоднороден и содержал глубокие противоречия и противоположные начала. «Русский народ, — писал он, — с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ, универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия» [1, с. 15].

Вопреки сопротивлению консерваторов, модернизация России все же происходила, но путь ее оказался сложным и тернистым. Каждый шаг вперед, как правило, сменялся отступлением на прежние позиции, а за либеральными реформами следовали контрреформы. Характеризуя этот сложный период российской истории, Н.А. Бердяев писал: «Особенное значение XIX века определяется тем, что после долгого безмыслия русский народ, наконец, высказал себя в слове и мысли и сделал это в очень тяжелой атмосфере отсутствия свободы» [5, с. 45]. При этом у элитных слоев сформировалась «субкультура подражания» образу жизни западной аристократии, поверхностного заимствования европейской моды, языка, стиля поведения, что вызывало у народа непонимание и отторжение. Как общая, так и политическая культура высших и низших слоев общества содержали в себе такие принципиальные различия, которые позволяли отнести их к двум противоположным типам — патриархально-архаическому и либерально-западническому. Важной отличительной чертой российской политической культуры этого периода стала глубокая пропасть между образом мыслей «верхов» и «низов», образованного меньшинства и неграмотной крестьянской массы.

Особенности и противоречия, содержащиеся в российском общественном сознании в середине XIX века, точно подметил французский путешественник маркиз де Кюстен, посетивший Россию в период царствования Николая I. Сравнивая образ мыслей народов России и Западной Европы, он писал своей книге «Николаевская Россия»: «Русские похожи на римлян и в другом отношении: так же, как и последние, они заимствовали науку и искусство извне. Они не лишены природного ума, но ум у них подражательный и потому скорее ироничный, чем созидательный. Насмешка — отличительная черта характера тиранов и рабов. Каждый угнетенный народ поневоле обращается к злословию, к сатире, к карикатуре. Сарказмами он мстит за вынужденную бездеятельность и за свое унижение» [4, с. 115]. То есть замеченные им особенности политического менталитета россиян де Кюстен связывал с самодержавностью власти и невозможностью реально влиять на политический

процесс каким-либо практическим способом. Оставалось только злословить о власти, подчеркивая ее антинародность, жестокость, несправедливость. Подобное отношение к государству ярко проявилось в народных пословицах и поговорках.

Противоречия либерального и радикально-революционного пластов российской политической культуры также коренятся в идейных течениях XIX века в разногласиях между лидерами Северного и Южного общества декабристов. Н.М. Муравьев и П.И. Пестель предложили два пути преобразования России, базирующихся в первом случае на принципах конституционализма, во втором — радикализма. Программа Н.М. Муравьева была разработана под влиянием западноевропейских и североамериканских конституционных идей и носила умеренно-либеральный характер. В то же время, П.И. Пестель проповедовал радикальные взгляды на политическое переустройство общества, заимствованные из якобинской конституции Франции 1793 года, заложив основы радикально-авторитарных тенденций в русской политической мысли. Он стремился к социальной революции и, в отличие от идеи конституционной монархии Н.М. Муравьева, провозгласил целью Южного общества декабристов царевбийство и создание республики во главе с диктатором. Радикально-революционный стиль политического мышления впоследствии взял верх над либерально-конституционным направлением, что сыграло трагическую роль в российской истории XX века.

Причину победы радикального стиля политического мышления и политической деятельности, которая сводилась, в основном, к политической борьбе «на уничтожение», следует искать в российской действительности, постоянно вынуждавшей народ бороться за выживание. П.А. Сорокин в статье «Голод и идеология общества», опубликованной в 1922 году, четко проследил взаимосвязь между условиями жизни и состоянием политического сознания общества. Он сформулировал «теорему», согласно которой существует функциональная связь «между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии». Автор отмечает: «В „эпохи голода“ это изменение сказывается в усиленной и успешной при-

вивке членам общества такой идеологии, которая при данных условиях благоприятствует насыщению голодного общественного желудка, и в падении авторитета идеологий... мешающих этому насыщению. Обратное происходит в эпохи перехода общества от голодного к сытому состоянию» [6, с. 367]. Анализируя ситуацию в России после гражданской войны 1918–1922 гг., П.А. Сорокин пришел к выводу о наличии в стране благодаря массовому голоду и послевоенной разрухе широкой социальной базы для распространения уравнилельно-коммунистических идей. Он отмечал, что «голод у голодных должен вызывать появление, развитие и успешную прививку... коммунистически-социалистической идеологии». Для обездоленных людей важно лишь то, «чтобы идеология благословляла на акты захвата, раздела, уравнивания, чтобы она... их одобряла. А почему, на каком основании — это дело десятое. Для успеха таких идеологий необходимы два основных условия: 1) резкий значительный рост дефицитного или сравнительного голодания масс, при невозможности утоления голода иными путями; 2) наличность имущественной дифференциации в стране. Чем резче будут оба условия, тем... подъем успеха коммунистически-социалистической идеологии будет быстрее и сильнее, и тем легче она будет прививаться голодным» [6, с. 367].

Подобная ситуация сложилась в стране и после распада СССР в 1990-е годы. Резкая дифференциация общества по уровню доходов, обнищание массовых слоев в сочетании с быстрым и часто незаконным обогащением «новых русских» и появлением «олигархов» стало причиной поляризации политической культуры и роста популярности коммунистических идей в среде малоимущих. Подобные «обострения» политического сознания, сопровождающиеся усилением конфронтации в обществе, происходят во многих странах в период социально-экономических кризисов и резких изменений характера политической системы, что подтверждает правоту П.А. Сорокина. Россия здесь не является исключением. Во время экономических кризисов и социально-политических потрясений популярность коммунистической идеологии резко возрастает, а она, в свою очередь, питает коммунистический пласт

политической культуры. Поскольку удельный вес малоимущих людей в нашей стране сокращается весьма медленными темпами, данная субкультура широко распространена и имеет перспективы длительного существования.

Причины предрасположенности русского народа к социализму хорошо проанализировал Н.А. Бердяев, считавший, что советская власть, колхозный строй, обобществление собственности оказались созвучны русскому национальному характеру и общинным традициям. В труде «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал: «Большевизм оказался... наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насильем... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [1, с. 89]. Действительно, общинный коллективизм был яркой чертой крестьянского пласта политической культуры. В общине существовал приоритет «мирских» интересов над частными, обусловленный суровыми условиями жизни — необходимостью часто обращаться к помощи мира в случае неурожая, пожара и других невзгод. Общинные традиции культивировали стремление к уравнительности, тогда как частнособственнические тенденции подавлялись, а земля рассматривалась как «божья».

В политической культуре современной России также четко прослеживаются особенности отмеченных выше субкультур. Некоторые исследователи выделяют большее их число. Так, О.Г. Зевина и Б.И. Макаренко в статье «Об особенностях политической культуры современной России» обосновывают существование в нашей стране пяти политических субкультур, проявляющихся в электоральных

предпочтениях граждан. Авторы статьи, опираясь на результаты исследования по методу фокус-групп в пяти регионах страны, пришли к выводу о том, что в российском обществе можно выделить следующие идейно-политические предпочтения: «либералы» (приверженцы «Яблока», «Правого дела», «Гражданской платформы»), «патриоты» (сторонники ЛДПР, партии «Патриоты России»), «патерналисты» (электорат «Справедливой России»), «лоялисты» (электорат Единой России) и «советские традиционалисты» (сторонники КПРФ) [3, с. 119]. Таким образом, заложенные в прошлые два столетия тенденции к расколу политического сознания и противостоянию политических субкультур сохраняются и в современном российском обществе.

Литература

- [1] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
- [2] Бердяев Н.А. Русская идея. Основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука, 1990. — 528 с.
- [3] Зевина О.Г. Об особенностях политической культуры современной России / О.Г. Зевина, Б.И. Макаренко // Полис. — 2010. — № 3.
- [4] 7 Маркиз де Кюстен. Николаевская Россия. — М.: Терра, 1990.
- [5] Русская идея. Основные идеи русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука, 1990.
- [6] Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. — М.: Наука, 1994.
- [7] Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетейя, 1994. — 448 с.
- [8] Чаадаев П.Я. Философические письма // Россия глазами русского. — СПб.: Наука, 1991. — 365 с.

УДК 321(470)

МИНЕЕВ Евгений Михайлович,

кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии и истории ФБГОУ ВПО
«Башкирский государственный университет»
e-mail: politolog_bashgu@mail.ru

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ДУХОВНЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Для укрепления национальной безопасности российского государства и общества необходимо возрождение его традиционных духовных начал, позитивного образа государства и его морально-авторитета средствами СМИ, прекращение искусственного стимулирования комплекса национальной неполноценности россиян, стимулирование интереса к высокой культуре (особенно национальной) и отказ от отдельных либерально-демократических ценностей, наносящих серьезный ущерб национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, патриотические взгляды, традиционализм в идеологии государства, либерально-демократические ценности, духовная безопасность общества

Культура каждого народа — развивающаяся система материальных и духовных ценностей, созданных им в ходе его социокультурной истории и приобретенных в результате творческого общения с другими культурными мирами, совокупность результатов деятельности духа, мысли, чувств народа, обретенных знаний, образов самосознания. Каждая культура обладает достоинствами и ценностью, которые следует уважать и сохранять. Развитие собственной культуры является правом и долгом каждого народа. В истории мировой культуры ключевыми являются общечеловеческие ценности, характерные для всех народов мира. В своем богатом многообразии и своеобразии все этнические и национальные культуры являются частью общего социокультурного космоса человечества, способствуют созданию атмосферы дружбы и мира, что, в конечном итоге, составляет духовную ценность всего человечества.

На протяжении двух последних десятилетий российское общество понесло большие потери не только в социально-экономической сфере и в позициях на международной арене, но что более, на наш взгляд, важно — утратило многие духовные начала, фактически конститу-

ционно отказавшись от государственной идеологии. Так, статья 13 Конституции России констатирует: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». И внесение в Основной закон страны такого положения было вполне объяснимо в тех политических условиях: и государство, и общество стремились как можно быстрее освободиться от идеологических постулатов коммунистической эпохи. Но, внеся в ст. 13 Конституции России вышеперечисленные пункты, новая российская власть тем самым в начале 90-х годов XX в. вместе с «грязной водой» выплеснула и «ребенка».

В результате в российском государстве были утрачены многие духовные ориентиры, что создало долгосрочные угрозы национальной безопасности и сохранению территориальной целостности Российской Федерации.

Ведь даже в широко известном «Моральном кодексе строителя коммунизма», принятом в 1961 году и вошедшем составной частью в III Программу КПСС, принятую XXII съездом партии, содержались (наряду с чисто коммунистическими установками) такие важные для

духовного здоровья советских людей идеологические постулаты, как: любовь к Родине, добросовестное отношение к труду на благо общества, высокое сознание общественного долга и нетерпимость к нарушениям общественных интересов, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, нравственная чистота, взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей, нетерпимость к национальной и расовой неприязни и ряд др. Некоторые политики и политологи даже сравнивают этот документ с теми духовными установками, которые содержатся в Ветхом завете — в заповедях, данных Богом пророку Моисею, и в Евангелие — в Нагорной проповеди Иисуса Христа.

На наш взгляд, это не случайно. Так, например, по воспоминаниям политолога Ф.М. Бурлацкого, Моральный кодекс был написан после того, как «Никита Сергеевич Хрущев просмотрел все [проект Программы КПСС — прим. авт.]... и советует быстро придумать моральный кодекс коммунистов. Желательно в течение трех часов его переправить в Москву... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда все действительно „ляжет“ на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов. Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на „ура“» [7]

При самодержавной власти в России было три основных постулата государственной идеологии: соборность (общинность)* — самодержавие — Родина. Солдаты и офицеры царской армии шли в атаку с призывом: «За Веру, Царя и Отечество!». При коммунистическом режиме эти три постулата видоизменились, но сохранили свою суть: соборность была заменена понятием коллективизма, самодержавие — властью вождя РСДРП(б) (РКП(б) — ВКП(б) — КПСС), Отечество было заменено на понятие «Советская Родина». И уже советские солдаты

в годы II мировой войны поднимались в атаку с призывом: «За Родину! За Сталина!», а призыв «За коммунизм!», на наш взгляд, вне всякого сомнения, предполагался, как само собой разумеющееся.

Кроме того, и у царской России, и у СССР были идеологические установки, которые предполагали глобальную общемировую роль нашего государства. Для самодержавия это стало идеологическое построение «Москва — Третий Рим», которое послужило смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России, которые сложились в период возвышения Московского княжества. Московские великие князья, притязавшие с конца XV — начала XVI вв. на царский титул, полагались приемниками римских и византийских императоров (Византийская империя к этому времени — в 1454 г. — уже пала под ударами армии Османского султана Мехмеда II Фатиха) [9].

В СССР с момента победы социалистической революции утверждалась мысль о необходимости и неизбежности пролетарской революции в мировом масштабе, которая со временем трансформировалась в идеологию, которую можно выразить как: «СССР — центр мирового коммунистического движения, защищающий интересы трудящегося и эксплуатируемого народа во всем мире».

Распад СССР, которому предшествовало разрушение идеологической монополии КПСС в нашей стране, к сожалению, сопровождалось обоснованием и конституционным закреплением полной деидеологизации государства, общества, о чем говорилось выше [4]. Достаточно вспомнить, как в 90-е гг. XX в. российские либералы—западники развешивали политические ярлыки — «фашисты», «красно-коричневые» и т. п. — всем патриотическим силам, высказывающим тревогу за дальнейшую судьбу Отечества.

Конституционное положение о деидеологизации государства, несомненно, утопично по своему характеру. Во все исторические времена с момента создания государства, идеология

* Понятие, развитое в XIX славянофилами, выводимое первоначально из принципа соборности Церкви. Впоследствии, стало трактоваться значительно шире, охватывая весь уклад жизни, комплекс морально-этических норм внутри сообщества. Эти нормы безоговорочно осуждают индивидуализм, стремление отдельного человека противопоставить себя общности «единоверцев».

составляет необходимый институт и в политической системе общества, и в системе культуры.

А в России тогда сложилась парадоксальная ситуация: и власть, и начавшее складываться гражданское общество, и научная общественность заговорили о необходимости поиска общенациональной идеи, но воцарившийся идеологический вакуум стал, казалось бы, непреодолимым препятствием по выработке проекта общенациональной идеологии для поступательного развития государства и осознанию единства национальных интересов. В России произошел массовый сдвиг в общественном сознании от коллетивизма к индивидуализации, от почтения к государственной власти к осуждению любых ее шагов вплоть до полного ее отрицания, от идеологических рамок поведения людей — к вседозволенности, под «соусом» необходимости свято соблюдать демократические «ценности».

Но можем ли мы утверждать, что в новой современной Российской Федерации хоть на каком—то этапе ее развития отсутствовала идеология?

В этой связи уместно вспомнить высказывание бывшего министра иностранных дел России Андрея Козырева, который в своих воспоминаниях написал: «Будет любая идеология — будет тоталитаризм. Надо решить, что должно заменить идеологию? Деньги! Место национальной идеологии должны занять деньги». Из этих рассуждений родился знаменитый лозунг ельцинской эпохи: «Обогащайтесь!» [3]. Но разве это не идеология? Общеизвестно, что идеологией (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* — прообраз, идея; и *λογος* — слово, разум, учение) является система «концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая интересы различных социальных классов, групп, обществ, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновываются их преобразования (радикальные, революционные идеологии)» [2]. Вывод очевиден — установки потребительского общества, главной из которых как раз и является призыв: «Обогащайтесь!» — это, несомненно, идеология!

Но, как известно, в Евангелие сказано: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Люди в любом случае будут служить Богу или маммоне. В идеологии потребительского общества очень быстро все сводится к плотским желаниям, удовлетворению физических потребностей с явными излишествами и извращениями и к самому примитивному эгоизму. Если в России окончательно возобладает идеология потребительства, ведущая к нарушению всех традиционных российских принципов, морали, культуры, то общество пойдет по пути саморазрушения. Православное христианство и ислам содержат такие моральные установки, которые защищают человечество от самоуничтожения. Несомненно, что эти традиционные установки активно использовались в идеологии Российской империи, которая всегда традиционно была или стремилась быть сильным государством. Это и традиция, и ментальность россиян. Разрушение этих традиционных установок в российском обществе со времен первого российского императора Петра I и замена их западными эрзацами — идеями европейского протестантизма, атеизмом, нигилизмом, либеральными ценностями французских просветителей и революционеров как раз и привело к росту радикальных настроений, а затем — к трем русским революциям начала XX века.

Именно деидеологизация нашего государства в конце прошлого века привела к массовому распространению влияния нетрадиционных религиозных организаций и культов, которые, с точки зрения национальной духовной безопасности российского общества, характеризуются применением разрушительных методов воздействия, широким вовлечением молодежи и детей, ориентацией на отторжение их от семьи и общества, разрыв социальных связей. Приминительно ко всем гражданам России политика запада направлена на развитие у них социально деструктивной позиции в межнациональных отношениях, фанатизма, примитивизацией и деградацией религиозных чувств и верований, искажением правды и игрой на реальных и мнимых недостатках

в деятельности традиционных церквей. Деятельность многих зарубежных религиозных организаций на территории России сопряжена с нарушениями законодательства и конституционных прав граждан. Экспансия нетрадиционных религиозных объединений в России, культивирующая асоциальность отрицающих конституционные обязанности, подвергаящих риску нравственное, психическое и физическое здоровье граждан, представляет собой серьезную угрозу государству и обществу.

Выступая на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в Новгородской области в сентябре 2013 г. Президент России В.В. Путин заявил: «Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить. При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова. Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России» [1]. Говоря о патриотизме в современном российском обществе не надо забывать, что сегодня российский патриот — это патриот многонационального и (что не менее важно!) многоконфессионального государства, он должен еще быть и интернационалистом.

Либеральные «правозащитники» считают, что оскорбление религиозных чувств миллионов православных и мусульман не создает напряженности в обществе, а намек на регламентацию деятельности сект может, по их мнению, привести к расколу в обществе. Хотя, мы считаем, что совершенно справедливо противоположное мнение: если данные нетрадиционные конфессии, столь воинственны, то тем более следует оберегать страну от таких опасных непрошенных гостей. Разделяя людей в духовной сфере и противопоставляя их друг другу по религиозным убеждениям, тоталитарные секты разрушают духовно-нравственные основы общества, сложившиеся за тысячелетнюю историю православной России.

С конца 90-х гг. XX в. началось небывалое политическое давление на руководство России со стороны США в связи с принятием

в 1997 году Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», поскольку он ограничивает деятельность деструктивных религиозных организаций и иностранных проповедников на территории России [5]. Незадолго до его принятия госсекретарь США Мадлен Олбрайт посетила Россию и первым, к кому она отправилась на встречу был Патриарх Алексей II. Она обратилась к нему с просьбой не противиться активной деятельности западных религиозных сект, что, по ее мнению, явилось бы наглядным подтверждением приверженности России идеалам западной свободы и демократии. Но Патриарх заявил, что в России сегодня деятельность многих из них носит тоталитарный и деструктивный характер, они применяют методики зомбирования и гипноза, используют психотропные средства, подавляя личность [6].

В качестве позитивных сдвигов в этом плане необходимо отметить тот факт, что происходит постепенная переоценка духовных ценностей и у российской политической элиты, которая приходит к осознанию важности духовных факторов как конститутива идентичности перед лицом вызовов глобализации и угроз, связанных с посттрансформационным кризисом и негативными последствиями деидеологизации общества.

Поэтому духовная безопасность общества должна рассматриваться как важная составляющая общенациональной безопасности — как состояние жизнеспособности его базовых ценностей, наличие высокого интегративного потенциала поставленных им целей, реального и привлекательного для всех слоев населения политического и социального проектов [8].

Известный американский политолог, бывший советник американского президента по Восточной Европе и ярый ненавистник нашего государства (вне зависимости от господствующего в России государственного строя) Збигнев Бжезинский открыто заявляет, что после коммунизма главным врагом западной цивилизации является православие. И высшему руководству нашего государства, политической элите необходимо в ближайшее время осознать, что именно православие является историческим фундаментом России, опираясь на который можно возродить Россию. Посколь-

ку исторически воспринятая более 1000 лет предками религия — это хребет, на котором держится любое традиционное общество. Ислам с конца XVIII в. стал в России второй официальной государственной религией и сегодня Запад, прекрасно отдавая себе отчет, что многовековое жительство разноконфессиональных народов России — это угроза распространению «истинных демократических идеалов», прикладывает массу усилий, чтобы вбить клин между гражданами одной страны, относящихся к разным конфессиям. Сегодня Запад предпринимает гигантские усилия, направленные на разрушение традиционных обществ, пытаясь всех заставить отвернуться от своих исторических ориентиров и переориентироваться на рыночные и демократические «ценности». При этом в ход идут многообразные методы от навязывания западных ориентиров через «прикормленные» национальные СМИ, через внедрение своих методик преподавания и западных оценок исторических, политических процессов до прямого военного вторжения в традиционные государства или активизацию национальных деструктивных оппозиций и насильного навязывания им своих демократических ценностей потребительского общества.

Когда СМИ и многочисленные прозападно либерально настроенные российские политики говорят, что в России живут несколько миллионов мусульман, иудеев или буддистов, и потому православную веру нельзя принимать в качестве ориентира, но одновременно предлагают принять в качестве государственной религии культ наживы, протестанские и атеистические западные идеалы потребительского общества, или говоря проще — культ маммоны, можно придти к однозначному выводу об их логике — наши традиционные религии не могут быть для России государственными, а западная религия — религия маммоны — может.

Особую роль в массовом влиянии на умы людей и, прежде всего, на молодежь, на их мировоззрение и мировосприятие стали играть средства массовой информации. При позитивных моментах роста гласности и открытости в освещении политических событий, их деятельность содержит деструктивный и угрожающий компонент, связанный с политической ангажированностью их деятельности, высоким

потенциалом манипулирования общественным мнением и мифологизации массового сознания, воздействием технологий «черного пиара». Угрожающий компонент присутствует и в распространении СМИ западной массовой культуры, пропагандирующей потребительские модели поведения, вытесняющие традиционные для менталитета россиян стереотипы и ценности коллективизма, социального соучастия, служения общенациональным интересам и целям. Для поддержания духовной безопасности российского общества необходимо возрождение позитивного образа государства и его морального авторитета средствами СМИ, прекращение искусственного стимулирования комплекса национальной неполноценности россиян, стимулирование интереса к высокой культуре, особенно национальной, и содержащимся в ней образцам.

Во время визита в г. Уфу 22 октября 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета при Президенте Российской Федерации затронул проблемы по межнациональным отношениям и в своем выступлении особо подчеркнул острую нехватку высококвалифицированных кадров на государственной службе в субъектах Федерации, которые были бы способны компетентно решать данные вопросы.

Несомненно, что исследование специфических угроз и рисков, возникающих в духовной сфере и требующих укрепления духовной безопасности, нуждается и в применении новых (или хорошо забытых старых) подходов и методологий, специально предназначенных для изучения явлений истории, права, политологии, социологии, культуры и духовности, в том числе и в деле развития всех ступеней российского образования и, в особенности, высшего и послевузовского. По нашему глубокому убеждению, преподавание данных предметов в вузах страны должно непременно проводиться с учетом ведущими преподавателями — предметниками анализа рисков и угроз духовной безопасности России с учетом специфики ее исторических и религиозных традиций, геополитического статусного места, цивилизационных особенностей, социокультурных факторов, исторически определивших характер, ментальность российского общества, россий-

ской культуры, значение для нее вызовов модернизации и глобализации.

В свете такого понимания проблем трудно понять политиков, повторяющих как заклинание, что «Российская Федерация — это светское государство и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [4].

Ни буддизм, ни иудаизм, ни индуизм, ни католицизм, ни даже ислам или русское язычество никогда не претендовали на роль государственной религии России. Единственным кандидатом на эту роль было православное христианство. Другими словами, под формулировкой «никакая религия» понимается православная вера, а получается, что атеистическая вера (ведь атеисты не могут доказать, что Бога нет — они в это верят!) может быть государственной. Но, по нашему глубокому убеждению, — атеистическая вера, возведенная на уровень государственной идеологии — причина всех бед России.

Споры, возникшие в Ставропольском крае в 2013 году о допустимости носить ученицам в школу хиджаб как символ мусульманской веры, выявили одну важную, на наш взгляд, деталь, на которую в пылу общероссийского спора не было обращено никакого внимания. С большим сожалением можно констатировать: даже директора школ, которые должны быть грамотными в правовом и политическом отношении людьми, не знают элементарных вещей: да, по Конституции наше государство светское. Но светское — это далеко не синоним понятия атеистическое!

Таким образом, на наш взгляд, православная вера должна быть возвращена и в систему образования, и в государственное устройство Отечества. Только так мы сможем начать не горбачевский перестроечный, не рыночный ельцинский и не западный инновационно-модернизационный, а так необходимый сегодня восстановительный процесс государственного обустройства России со всемерным учетом традиционных ценностей россиян. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, которые исторически

доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. А историю России необходимо рассматривать как симбиоз народов — как Российскую цивилизацию. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Это не значит, что нужно «выплеснуть с грязной водой нового ребенка» — мы должны сохранить все то положительное, что сделано за два последних десятилетия, и укреплять духовно-нравственную основу общества и государства. Необходимо признание традиционных установок в идеологии государства, их увязка с процессом формирования нравственного, гармонично развитого человека, гражданина и патриота России.

Литература

[1] Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>

[2] Идеология // Большая советская энциклопедия: В 51 т. / Б.А. Введенский. — 2-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1952. — Т. 17 (Земля — Индейцы). — С. 333–337.

[3] Козырев А.В. Преображение. — М.: Международные отношения, 1995. — 333 с.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // СЗ РФ. — 26.01.2009. — № 4. — Ст. 445.

[5] Кривельская Н.В. Секта: Угроза и поиск защиты. — М.: Благовест, 1999. — 268 с.: ил.

[6] Патриарх Алексей II. Разрушенные храмы — как наши разрушенные Души // Профиль. — 1997. — № 35.

[7] Судьба дала мне шанс [Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р.А. Звягельского с известным политологом, ученым и писателем Ф.М. Бурлацким] // Российский адвокат. — 2007. — № 5 [Электронный ресурс]. — URL: <http://gra.ros-adv.ru/magazine.php?m=60&a=3>

[8] Тонконогов А.В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М.: РГСУ, 2011. — 72 с.

[9] Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. — 1994. — № 4. — С. 152–162.

УДК 321(47+57)

САИТОВА Элиана Фердинантовна,
соискатель кафедры политологии ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет»
e-mail: 777eliana@rambler.ru

ТРАНЗИТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТ СССР К РОССИИ

В статье рассматривается путь новой России в федерализм, начавшийся в июне 1990 г. с принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Важнейшими историческими вехами России на этом пути стали: Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., Федеративный договор (1992 г.) и Конституция Российской Федерации (1993 г.). Доказывается, что переходность в российских условиях сопровождалась (и продолжает сопровождаться!) нестабильностью и кризисными явлениями в различных сферах государственной и политической жизни.

Ключевые слова: распад СССР, российская государственность, федерализм, федеративное устройство, Конституция России 1993 года, этапы становления и развития федерализма в России, политическая трансформация.

Оценивая события первой половины 1990-х годов, можно сказать, что советское социалистическое общество превратилось на начальном этапе в капиталистическое общество периферийного, полукOLONиального типа. Эта «родовая травма» тревожит многих россиян и по сей день. Трансформация общества вобрала в себя серию государственных, политических и общественных преобразований, в которые были втянуты самые широкие слои общества.

Федерализм как демократический принцип государственного обустройства социума и средство обеспечения стабильности и согласия в отношениях между федеральным центром и субъектами Федерации рассматривается автором в контексте российской транзитивной ситуации.

Состояние и перспективы федеративных отношений в России — одна из наиболее актуальных проблем российского общества. Все большее число государственных деятелей, политиков и ученых начинают реально осознавать, что для Российской Федерации нет альтернативы федерализму. В ином случае она будет по-прежнему сверхцентрализованным унитарным государством, тяготеющим к режиму авторитарного типа. Россия в силу своей природы должна

стать подлинно демократическим федеративным государством. Но стране предстоит преодолеть многие препятствия на этом пути. К сожалению, складывающиеся сегодня в системе государственного управления тенденции централизации и укрепления властной вертикали развиваются не в пользу федерализма.

Федерализм в истинном смысле этого слова пока продолжает оставаться в значительной мере лишь декларированной конституционной нормой и ориентиром общественно-политического и экономического развития России, хотя в этом направлении уже сегодня приняты многие необходимые законы и нормативные акты.

Начиная с 1990-х годов, федеративные отношения в стране постоянно видоизменялись. Российский федерализм, его принципы, политико-правовые основы и методы реализации неоднократно подвергались жесткой критике сторонниками унитарного государства и централизации. Совокупность таких государственно-правовых действий в 2000–2010 гг. получила название административной (федеральной) реформы. Серьезные преобразования основ российского федерализма привели к появлению в политических и научных кругах широкого спектра взглядов: от полной и безоговорочной

поддержки до их негативного и критического осмысления. В сложившейся ситуации возникла необходимость проанализировать состояние федеративной реформы, выявить ее недостатки и достоинства, осмыслить спорные положения, рассмотреть некоторые вопросы оптимизации федеративных отношений в стране с учетом собственного и зарубежного опыта федеративного строительства.

Уместно объяснить тревогу экспертов за судьбу федерализма в России, мотивируя это состояние очевидной тенденцией отхода власти от принципов федеративного развития, заложенных в Конституции Российской Федерации и нашедших адекватное отражение в многоуровневых пластах российского законодательства и сформировавшихся институтах властных отношений на различных уровнях.

Все последние годы споры о приемлемости федерализма для новой России не прекращались. Оппоненты, как в науке, так и в политике, противостояли федерализму. Например, В.В. Жириновский в ходе парламентских слушаний в 2002 году настойчиво убеждал аудиторию в том, что «Россия не может быть федеративной республикой. Никогда она ею не будет!»

Правовед В.А. Черепанов утверждал, что «децентрализация государственной власти как приоритетное направление региональной политики в девяностых годах прошлого столетия привела к появлению дезинтеграционных процессов в федеративных отношениях. Намечилась конфедеративная направленность в развитии Российского государства» [10]. Один из современных неоконсерваторов, выступающий в своих публикациях под псевдонимом А.Н. Кольев, оценивая состояние современной России, пишет: «Устремленность к самоидентичности и экспансии ставит перед Россией как государством и перед русскими как нацией три взаимосвязанные задачи. Внутреннее воссоединение — ликвидация федерализма как тупиковой государственной модели. Административно-территориальное деление без всяких конституций — по экономико-географическим районам. Ликвидация политической субъектности регионов и крупных городов. Одна страна, один парламент, один президент!» По мнению Кольева, в России востребована «моноцентричность государственной власти».

Необходимо мощное местное самоуправление с собственными бюджетами. Кольев предлагает «имперскую модель управления периферией и нерусскими провинциями и анклавами... заселение, освоение и защита пространства исторической России. Демографическая и миграционная политика должна сохранять этнические пропорции и преимущество русских как государственностроительной нации. «Нас должно быть 500 миллионов и по три ребенка в семье, — утверждает Кольев. Гражданство и трудовая миграция только для лиц, идентифицирующихся с русской культурой» [4]. А.Б. Зубов утверждает, что «федерализм, как институт для России неорганичный и объективным потребностям страны неположенный, должен быть, скорее всего, отброшен «in cogroge». Его надо не реформировать, не превращать задним числом из договорного в октроированный, что и невозможно по букве права, — от федерализма следует отказаться как такового» [3].

По мнению других консервативных политологов, представляется невозможной и ненужной идея создания новой федерации из крупных субъектов, которые будут иметь для сепаратизма не только политические, но и экономические рычаги. Утверждается также, что система государственного строительства европейского типа — федерация территорий с равным статусом — для России не годилась и не годится по историческим причинам и в силу разнообразия этнических, климатических и иных факторов. Для того чтобы навсегда выбить почву из-под сепаратизма и оградить государство от посягательств этнических элит, федерализм, как считают современные консерваторы, должен быть заменен принципами унитарного государства.

Противники федерализма пытаются вернуть суд над сложившейся системой федеративных отношений, критикуя нерешительность и неэффективность властей на пути унитаризации страны.

«Этнос», «народ», «этнонация», «российская нация», «гражданин России» есть структуры государственного и общественного организма, которые и определяют, в конечном итоге, характер общности людей как «совокупности общественных связей». И каждая из них должна нести «целостность и тождественность себе,

т. е. сохранение основных свойств при различии внешних и внутренних изменений» [9]. Как пишет Р.Г. Абдулатипов, «не отрицать надо эти категории, не превращать их в миф, в абстракции, а проводить структурно-функциональный анализ для поиска путей сохранения самоорганизации каждого элемента и достижения целостности всей системы этнонациональных и гражданских отношений в единой стране, получая, таким образом, знания об обществе как о целостном явлении» [1].

Централизация в определенном смысле является антиподом федерализма. Складывается впечатление, что опыт Советского Союза ничему Россию не научил. Любое проявление национального или даже регионального самосознания воспринимается неоконсерваторами как сепаратизм. Канва исторических собы-

тий, имевших место в Российской Федерации в 1990–2010 гг., т. е. с момента ее появления на карте мира, требует дополнительных комментариев, методологической систематизации и логического осмысления. В последнее время все чаще слышны суждения о том, что Федеративный договор это всего лишь рудимент прошлого, суверенитет отдельных субъектов Федерации, предоставленный на начальном этапе развития федерализма в России, является крупной ошибкой руководства страны, создавшей угрозу ее единству и целостности. Договорная практика, предусмотренная Основным Законом страны, нанесла огромный вред России и должна быть решительно прекращена, этнический федерализм приравнивается к сепаратизму, который, по мнению многих, поразил своими метастазами все тело Федерации.

Этапы становления федерализма в России

Период государственного федеративного развития, прошедший после принятия 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, позволяет говорить о фактическом становлении «федеративного правового государства с республиканской формой правления».

В двадцатилетнем временном отрезке развития федерализма в России достаточно выпукло выделяются четыре примерно одинаковых временных этапа государственного федеративного правового развития России: *политико-трансформационный, конституционно-договорной, период административной реформы (путинский), стабилизационный (медведевский)*. Каждый из первых трех этапов различен по периоду и включает от 5 до 8 лет активного государственного строительства в новых для России рыночных условиях. Последний, т. е. текущий, этап требует дополнительного осмысления, поскольку до сих пор не выявлены базовые тенденции развития российской государственности. Имеет место серьезный разрыв между заявленными в Конституции страны принципами и базовыми положениями государственного развития и реальной политикой, проводимой партией власти в сфере государственного строительства.

1-й этап (1990–1995 гг.), определяемый как **политико-трансформационный**, вообрал в себя переход от советской государственности к демократическому федеративному правовому государству с республиканской формой правления. Это период транзита от советской системы к правовым нормам и институтам Российской Федерации. Несущими правовыми конструкциями этого периода стали Федеративный договор (1992) и принятая в декабре 1993 г. новая Конституция Российской Федерации. Сторонники этого подхода связывают логику и темпы политических изменений с уровнем развития политических институтов. По их мнению, степень и характер упорядочения политических явлений, движений свидетельствует о степени и характере институционализации политических процессов, их целенаправленности, регулируемости [5,6].

Первый этап развития федерализма — это первые попытки высшего законодательного органа страны сформировать правовую базу, которая позволила бы в полной мере реализовать на практике стратегию государственного развития в условиях перехода от центрально-плановой экономики к рынку. В этой связи особый интерес представляют документы Государственной Думы Российской Федерации, ко-

торые отражают сложность и неоднозначность стоявших перед страной проблем.

Анализ практики законопроектной деятельности законодательных органов субъектов Российской Федерации, проведенный по инициативе заместителя председателя Совета Федерации того периода М.А. Митюкова, показал, что органы государственной власти субъектов Федерации ощущали острую потребность в федеральных законах, конкретизирующих нормы Конституции Российской Федерации, относящиеся к проблемам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Дума, преодолев вето президента страны, приняла Федеральный закон «Об общих принципах организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Данный закон представлял собой один из стержневых элементов правовых основ строящегося российского федерализма. Он во многом был направлен на то, чтобы создать дееспособную систему власти в субъектах Федерации.

В период 1990–1995 гг. регулирование государственного устройства и, прежде всего, федеративных отношений полноценно не было подкреплено федеральным законодательством. Только частично были решены вопросы правового обеспечения деятельности законодательных и судебных органов власти. В сфере национальной политики в центре внимания депутатского корпуса постоянно находилась ситуация на Кавказе.

Формирование законодательной базы и развитие конституционных федеративных принципов в условиях нарастания суверенных амбиций республик-субъектов Федерации является, на наш взгляд, главной особенностью этого этапа, который был в основном реализован к 1995 году.

2-й этап (1995–2000 гг.) — конституционно-договорной, поскольку он имел в своей основе не только конституционное, но и договорное развитие федеративных отношений. Это был период углубления суверенизации республик-субъектов Российской Федерации, дальнейшей регионализации страны, возрастания проблем, вытекающих из самой природы федерализма. В этот период обострилась политическая ситуация, определяемая как

федеративно-конфедеративный дуализм, т. е. усилилось противостояние между сторонниками конституционного пути дальнейшего развития и приверженцами договорной практики, углубления процесса суверенизации, усиления конфедеративной составляющей в политическом процессе.

В июне 1996 г. была принята Концепция государственной национальной политики, ставшая реальной основой для решения многих этнических проблем в многонациональном государстве. Президентом был также подписан указ «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации». В этот период принимается закон «О национально-культурной автономии», подписывается ряд двусторонних договоров и соглашений между Федерацией и рядом ее субъектов, разрабатываются принципы бюджетного федерализма. Указом президента страны принято положение о порядке работы по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и о взаимной передаче осуществления части своих полномочий федеральными органами исполнительной власти и органами власти субъектов Российской Федерации (12 марта 1996 г.).

Центральная власть стремилась найти демократичные способы и формы организации системы федеративных отношений [8].

Процессы трансформации государственно-политического устройства Российской Федерации на различных стадиях ее новейшей политической истории дали новые импульсы феномену этнонационального развития и регионализации со всеми присущими ему проблемами и противоречиями (включая этнополитические аспекты) — от «парада суверенитетов» до построения вертикали власти.

В июне 1996 г. был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», являющийся важной составной частью Концепции государственной национальной политики. Попытки решить эти проблемы силами национально-культурных объединений, которых в России более тысячи, оказались малоэффективными ввиду отсутствия реальной поддержки со стороны государственных органов.

Федерализм в России вырос из исторических реальностей, многообразия составных частей российской государственности. В России на протяжении веков в формировании государственности участвовали не пришельцы с других континентов, как это имело место при освоении территории США, а народы, предки которых тысячелетиями жили на этой территории. Свидетельством этому являются древние памятники и могилы предков.

Многонациональный народ Российской Федерации объединен общей исторической судьбой на своей земле. Российские этносы в ходе векового взаимодействия и сотрудничества научились взаимно дополнять друг друга, использовать на благо собственного становления этническую пассионарную энергию. На российском геополитическом пространстве постепенно начал формироваться российский суперэтнос, имеющий свои отличительные черты, народ, впитавший черты Востока и Запада. Это и есть главное богатство сегодняшней Российской Федерации.

Учитывая параметры и родовые черты федерализма, проявившиеся в ходе первых двух этапов его развития, можно сказать, что именно во второй половине 1990-х годов его сущность наиболее адекватно соответствовала самой природе политики как способа властной организации совместных социальных действий различных участников политического процесса. Федеративные отношения (в том числе и договорная практика), сложившиеся в противоречивых условиях переходного периода, оказались адекватными общегосударственной цели обеспечения индивидуальных и коллективных прав граждан России.

3-й этап (2000–2008 гг.) Этот этап можно определить как **административную реформу В. Путина**, которая также имела свои ярко выраженные черты. Административная реформа включала укрепление властной вертикали, разграничение компетенции властей и законодательное обеспечение правовой базы, укрепление российской государственности. С 2000 года президентской властью в целях консолидации, сохранения единства и целостности государства реализовывался проект создания новых институциональных механизмов, направленных на усиление роли феде-

рального центра и повышение уровня контроля над деятельностью регионов.

Третий этап российского федерализма сформировался с приходом во власть В.В. Путина. Избрание в марте 2000 г. В.В. Путина Президентом России стало новым периодом в истории страны. В телеобращении к россиянам президент заявил, что главными целями реформирования на новом этапе являлись: усиление «исполнительной вертикали власти», обеспечение соблюдения норм Конституции Российской Федерации, приведение в соответствие с ней всей законодательной базы субъектов РФ и обеспечение подчинения субъектов Федерации решениям федеральной власти, принятым в сферах ее компетенции [7].

Создание федеральных округов помогло усилить управленческую иерархию через создание института ответственных федеральных контролеров за теми или иными географическими блоками российских регионов. Созданные федеральные округа не являлись элементами конституционно или законодательно закрепленного административно-территориального деления страны. Тем не менее, они стали новой значимой реалией государственного управления, в рамках которой решались и решаются — прежде всего, через механизмы президентской ветви власти — стратегические задачи развития страны. В соответствии с нормами внесенных законопроектов президент России усиливал контроль над действиями руководителей администраций регионов, поскольку получил возможность отстранения их от должности при неоднократных нарушениях Конституции Российской Федерации или федерального законодательства.

Предложенные политические реформы, по мнению главы государства, должны были привести к созданию системы сильной и ответственной государственной власти на всех уровнях. Практически все предложения Президента из пакета законопроектов, реформирующих федеративные отношения, были приняты Государственной Думой и Советом Федерации. Вступил в силу закон «Об изменении порядка формирования Совета Федерации», и в конце 2000 года в результате выборов в регионах персональный состав Совета Федерации стал обновляться.

Опасения о возможности распада страны заставило Президента России В.В. Путина прибегнуть к управленческим решениям, которые ограничивали свободу субъектов в рамках федеративных отношений и позволяли сформировать централизованную систему Российского федерализма.

Известный российский экономист С.Д. Валентей отмечал, что «особенность следующего этапа видится в том, что, лавируя между Сциллой унитаризма и Харибдой псевдофедерализма, предстоит заложить экономические и правовые основы реального федерализма. И времени для этого потребуется тем больше, чем дольше верховная власть будет приходить к пониманию, что наименее конфликтной и наиболее эффективной моделью, гарантирующей развитие демократии и формирование социально ориентированной экономики в России, является федеративная форма государственности» [2]. Концепция, предложенная Комиссией Д.Н. Козака президенту России и всем властным структурам, исходила из неизменности положений Конституции Российской Федерации, касающихся разграничения предметов ведения и полномочий.

Избыточная децентрализация власти и ресурсов стала постепенно сменяться ее избыточной централизацией, относительная стабилизация правового поля — новым витком реформирования территориальных основ функционирования публичной власти. Вступили в активную стадию крупномасштабные реформы — федеративная, административная, правительственная, социальная и др. Одновременно с этим началась систематизация законодательства всех уровней, стартовало укрупнение субъектов Российской Федерации. В результате перманентных реформ, непрекращающейся смены «правил игры» начала нарастать разбалансированность государственного механизма.

4-й этап (с 2008 г. по настоящее время) — стабилизационный. Современный период стал складываться с избранием Президента Д. Медведева и продолжается сегодня.

Стремление регионов к самостоятельному социальному творчеству отвечало и отвечает логике эволюции российской демократической федеративной государственности. В тран-

зитивной ситуации именно федерализм, как гибкая и действенная форма государственной власти, как демократический принцип обустройства социума и средство обеспечения стабильности и согласия между всеми составляющими федерального сообщества, стоит в повестке дня. Речь идет о формировании, в конечном итоге, такого типа федерации, который предполагает организацию отношений между центром и регионами на основе партнерства, разграничения предметов ведения и полномочий. Центр и регионы должны обладать правами, обязанностями и ресурсами, которые были бы адекватны их базовым целям и функциям.

Логика и темпы социально-политических изменений, происходивших в Российской Федерации в соответствующие временные периоды, отражают уровень развития политических институтов, которые формировались и совершенствовались по мере выработки конституционно-правовых основ для демократического федеративного правового развития. Участники политического процесса и условия его протекания в пространстве и времени постоянно менялись и закономерно соответствовали следующим одна за другой стадиям непрерывного развития общественных отношений. В основе федеративных отношений находились определенные социальные интересы и цели, активные, сознательные и регулируемые социальные действия и взаимодействия людей и их организаций. Это влекло за собой достижение определенных результатов в сфере демократизации общественных отношений, институциональных изменений в области государственного федеративного строительства. Менялись и базовые подходы к субъектному составу Федерации, к национально-территориальному развитию и преобразованиям в законодательстве, политической практике, социальной системе, культуре и местном самоуправлении.

Опыт демократического федеративного строительства первых постсоветских лет и особенности сложившихся политических реальностей позволяют дать углубленный анализ государственных политико-трансформационных процессов в России, выявить новые политические и социально-экономические условия и отдельные проблемы переходности.

Из большого количества вариантов и способов общественного развития 1990-х годов страна выбирала те направления и пути к федерализму, которые более полно соответствовали стратегии государственной национальной и региональной политики, свойственной российской власти. Такая стратегия была призвана обеспечивать гарантии сохранения единства и целостности государства, учитывать специфику региональных и этнополитических интересов. При этом следует принимать во внимание особенности сложившихся противоречий как в государственном устройстве, так и в кругах федеральной и региональной политической элиты.

Литература:

- [1] *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. — М., 2005. — С. 13.
- [2] *Валентей С.Д.* Россия на пути от псевдофедерации к реальной федерации // Федерализм в России: сб. статей / под ред. Р. Хакимова. — Казань, 2001. — С. 46.
- [3] *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. — 2000. — № 5.
- [4] *Кольев А.Н.* Нация и государство: теория консервативной реконструкции. — М., 2005. — С. 57.
- [5] *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии: главы из книги с комментариями // Диалог. — 1990. — № 3. — С. 236.
- [6] Политическая энциклопедия. — М., 1999. — Т. 2. — С. 577;
- [7] Российская газета. — 2000. — 18 мая.
- [8] *Столяров М.В.* Стратегия перспектив, или Размышления о российском федерализме // Федерализм. — 2000. — № 1.
- [9] Структурализм // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 83.
- [10] *Черепанов В.А.* Федеративная реформа в России // Федерализм. — 2005. — № 3. — С. 95.

УДК 32(470)

КАРИМОВ Руслан Рамилевич,
соискатель кафедры политологии, социологии и философии
ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»
e-mail: karimov.r@mail.ru

ПАТРИОТИЗМ КАК ФОРМА ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН

В статье обосновывается тезис о многоуровневости и многоаспектности патриотизма как системообразующего консолидирующего основания российского переходного общества, устанавливаются связи патриотизма с государством как политической формой отечества.

Ключевые слова: патриотизм, этнос, нация, любовь, родина, конструкция, баланс, культура, система.

В современной науке существует несколько подходов к пониманию сущности патриотизма: в форме «национального эроса» (Д. Муретов), его религиозных (Е.Н. Трубецкой), этических (П.Б. Струве) и эстетических параметров (П.Б. Струве), что, приводит к констатации разного содержательного и функционального его значения.

К примеру, Д. Муретов предлагает два критерия, объясняющих наличие разных форм патриотизма: характер возникновения патриотизма (естественный или обязательный) и его направленность (общая или частная), в связи с чем выделяет патриотизм моральный (обязательный) и эстетический (личный, интимный) [8].

П.Б. Струве разделяет патриотизм на ложный материальный, связанный с закреплением содержания национального духа с определенными народными началами, и истинный, формальный, основанный на идее свободного творчества [4]. Считая понятия «народ», «нация» компрометирующими (опасными) в политике, П.Б. Струве отдает предпочтение правам личности, определяющим свободное развитие национального духа, и формулирует один из интересных для современной политической практики России выводов — либерализм есть единственный вид истинного национализма (или патриотизма).

Н.В. Устрялов определяет понятие «Родина» как эстетическую категорию и считает, что «на-

циональный эрос» обладает и разрушительной, и творческой силой одновременно — в этом его противоречие и красота. Ситуацию, связанную, к примеру, с поддержкой интервенции в ее борьбе с советской властью, нельзя отнести к проявлению истинного патриотического начала. Необходимо понимание возможного изменения во времени национального лица собственного государства, но если не исчезает его сила, державность, то истинный патриотизм состоит, прежде всего, в поддержке политического авторитета новой власти [3].

В этой связи противоречие, связанное с иным пониманием политического идеала, находит свое разрешение в интегративной функции патриотизма и объясняет его трансформацию разнообразием характеристик (русский — советский — российский).

Е.Н. Трубецкой с позиции христианского патриотизма критикует саму возможность использования понятия «эрос», унижающего глубоко нравственное и возвышенное чувство любви к родине, и предупреждает о неразумной, слепой стихийности национального эроса, которая может привести к жертвам и насилию. Православие, содержащее в себе высший нравственный закон, является основной характеристикой христианского патриотизма [5].

Г.В. Флоровский выделяет праведный и греховный патриотизм. Основным признаком праведного патриотизма становится смире-

ние, греховный патриотизм — это насильственное преодоление трагизма революции 1917 года в России и попытка вместить этот трагизм в рамки необходимости. Флоровский определяет собственную неприемлемость возникшей политической власти и может принять ее только с позиции православного мировоззрения. Им найден выход познания трагического в истории — через православную истину и мудрость, в восприятии которых «Революция — это суд Божий» [6]. Патриотизм для Г.В. Флоровского — это духовно-религиозный акт творческого возвышения личности.

В отличие от Флоровского, патриотизм, по И.А. Ильину, это духовно-религиозный акт творческого самоопределения личности. Трактовка патриотизма как духовного состояния включает в себя три аспекта: национально-культурный, религиозно-философский, государственно-правовой, обладающих собственной спецификой [2].

На наш взгляд, целесообразно попытаться объединить три концепции (И.А. Ильина, Н.К. Устрялова и П.Б. Струве) в единую интегративную версию, что позволит определить патриотизм как способ этического и эстетического самоопределения личности в рамках духовного опыта и национально-культурного единения народа, осваивающей самобытные формы его жизнедеятельности в границах единого государства.

Особое место при исследовании сущности патриотизма занимает соотношение данного феномена с государством, как с политической формой отечества.

Взаимодействие государственного и национального патриотизма оказывается достаточно сложным. С одной стороны, национальный патриотизм существует в рамках единого политического пространства, направлен на общий политический объект — государство. С другой стороны, в рамках государственного патриотизма, имеющего властный характер, возникают различные варианты патриотизма в программных проектах, которые по-разному определяют российскую национально-государственную идентичность.

При этом национальный патриотизм может приобретать значение государственного тогда, когда определенная политическая сила от

имени государства формирует необходимый, соответствующей ей уровень патриотизма (советский, российский и т.д.), наполняя его необходимым содержанием (коммунистическим, либерально-демократическим, социал-демократическим, этнократическим, имперским и т.д.), вытекающим из предлагаемых проектов реформирования российского общества и придающим патриотизму наднациональный характер. Представляется очевидным использование государственного патриотизма в политических интересах.

Учитывая данную сложность взаимодействия государственной и национальной форм патриотизма, которые могут совпадать друг с другом или находиться в противоречивых отношениях, что зависит от способа их политической институционализации в социуме.

В таком контексте видится удачным понятие конституционного патриотизма, предложенное Ю. Хабермасом и обозначающее готовность идентифицировать себя с политическим порядком и принципами Основного закона с одновременным расширением содержания патриотизма и изменением форм национальной идентичности. Конституционный патриотизм разрешает противоречие государственно-республиканского и национального самосознания в пользу приоритетности государственно-гражданской идентичности, переводя национальную самобытность в разряд дополитического феномена (общность исторической судьбы народа, нации как культурные и самобытные общности и т.д.).

Таким образом, все попытки определить интеграционные возможности патриотизма в пределах его государственного, политического и национального измерений односторонни и антиномичны. Более перспективным концептуальным подходом является трактовка патриотизма И.А. Ильиным как духовно-творческого акта самоопределения личности и нации.

Для И.А. Ильина Россия как народ и культура в качестве источников патриотизма изначально выступают в виде единого живого организма, отличающегося определенными признаками: географически страна формировалась как органическое единство равнинного типа (русский народ вынужден был постоянно осу-

ществуя самооборону, а не агрессию, давая отпор набегам многочисленных племен); религиозно русский народ всегда боролся за свою веру — православие (образ «Святая Русь» означал не нравственно праведную или совершенную в своей добродетели Россию, а указывал на признание веры своим главным долгом и отличительной особенностью своего земного существования); государственное единство исторически обеспечивалось единодержавием (унитарным началом) на основе политического включения, экономического и культурного сращения малых государств в державную целостность, тогда как федеративное начало обнаруживало тысячелетнюю неспособность русского народа к такой форме государственности [1].

Совокупность признаков, указывающих на органическое единство России, позволяет определить его как самобытный культурно-исторический тип, имеющий национально-духовную определенность и идейно-нравственную укорененность в творческом религиозно-православном акте сердечной созерцательности, составляющем содержательную основу патриотизма как интеграционного основания общегражданской идентичности.

В целом, признавая правомочность логики большинства из рассмотренных концептуальных версий общегражданской идентичности, а также с учетом поправок на российскую традицию осмысления данного феномена, патриотизм следует рассматривать как идеологизированную форму выражения и политическую практику реализации национальной идентичности.

Политическое конструирование патриотизма базируется на концепции гражданского национализма, которая предполагает осмысление трансформации постсоветской России в западном либерал-этатистском ключе: народ рассматривается как совокупность граждан-индивидов, организованных в «государственно-нацию», целиком описываемую системой формально-правовых признаков.

В условиях глобализации, когда государственные интересы подчиняются общемировым стандартам и требованиям, целенаправленное формирование патриотизма (в разных формах) становится естественной политиче-

ской задачей и ее решение сводится к конструированию чувства любви к родине. Особое место в объяснении и осмыслении данного процесса занимает конструктивистский принцип патриотизма в концепции Дж. Кейтеба, еще не ставшей в полной мере достоянием отечественной патриотики.

В концепции Дж. Кейтеба речь идет не только о конструировании патриотизма и последствиях этого, но и об ином социокультурном подходе к исследуемому феномену. Так, англо-протестантская идентичность американцев своеобразна, у них отсутствует отождествление с территорией, страной, скорее возникает идентификация с политическими и государственными институтами, поэтому патриотизм совершенно иначе осмысливается американскими теоретиками не как естественно возникшее чувство любви к родине, а как политическая вера, целенаправленно сформированная [7].

По Кейтебу, патриотизм сам по себе бесполезен, он выгоден лишь в инструментальном смысле. Действительно, патриотизм часто используется в политике как привлекательная интегративная ценность, но этот факт не влияет на существование истинного принципа патриотизма. Противоречивость концепции Кейтеба в том, что, с одной стороны, он пытается определить универсальный принцип патриотизма как идеал, а с другой — заключает о его деструктивности и инструментальном использовании как свойства, вытекающих из его природы.

Принцип патриотизма не может быть сведен к некоему теоретическому постулату, т. к. речь идет о любви, имеющей определенное универсальное значение и разнообразные формы своего проявления.

Поэтому определение патриотизма через любовь к своей стране требует осмысления феномена любви как принципа и как абстракции, если следовать логике Дж. Кейтеба. Очевидно, что представленная конструктивистская концепция патриотизма ограничивает исследуемый феномен социально-политическими и государственническими рамками, акцентируя особое внимание на абстрактной сущности государства и политических институтов.

Патриотизм в концепции Дж. Кейтеба — это любовь к стране, политическим институтам, но

не к родине как религиозно-культурному и национальному идеалу, ценности демократии и индивидуализма являются основополагающими и заменяющими в определенной степени патриотическое мировоззрение.

В таком контексте концепция патриотизма как социокультурной ценности Н.А. Бердяева «обнажает» методологическую ограниченность конструктивистской трактовки патриотизма как согражданства и конституционного патриотизма.

Патриотизм, по Н.А. Бердяеву, аксиологически обусловлен, причем критерием истинного патриотизма выступает инстинкт исторической правдивости, связанный с божественным предназначением России и необъяснимой верой в нее. Любовь к родине не нуждается в оценках, она естественна, возникает вне зависимости от достижений России, не выносит торга и искусственности [9].

Первичность любви к отечеству несомненна для Бердяева, так как не требует обоснований, а сама представляет собой великую ценность. Изначальная первичная сущность любви к отчизне проявляет себя в способности бескорыстного служения России, а общий долг служения становится главным критерием духовной силы народа.

Н.А. Бердяев критикует положение о зависимости патриотизма только от государственно-политического момента, считая, что это изменяет сущность национального чувства, превращая его в нечто условное и договорное. Государственное и социальное начала не могут превосходить национальное, патриотическое чувство, т.к. в данном случае очевидна взаимосвязь действия и желаемого результата, в итоге — защита родины становится предметом политического торга. Бердяев считает недопустимым торг в любви, или тогда речь нужно вести не о любви к родине, а лишь о любви к социальному или политическому строю, что не совместимо с целостным восприятием отечества.

Особого внимания заслуживает тезис Н.А. Бердяева о нескольких типах патриотизма, возникающих в эпоху трансформации российской политической и социальной систем.

Патриотизм в политике — это всегда пересечение сфер этического и политического, взаи-

модействие которых вызывает определенные сомнения и дискуссии, поэтому Н.А. Бердяев подчеркивал в этом взаимодействии религиозный момент как определяющий. Вера в Бога придает политике подчиненный характер, и политический патриотизм в этом случае может иметь единственную возможную форму — служение отчизне верой и правдой — ради высшей божественной справедливости. Родина не абстрактна, она конкретна, национальна, культурно и религиозно обусловлена, что влияет на ее политические и государственные формы.

Сфера политики является чуть ли не единственным фактором, оказывающим реальное воздействие на происходящие события, поэтому можно вести речь о либеральном, социалистическом, национальном, неоевразийском политических проектах, каждый из которых создавал и предлагал разный образ будущего России и всевозможными средствами воздействовал на массовое сознание — в этом и заключается специфика взаимодействия патриотизма и политики.

Однако подобное конструирование патриотизма на уровне политики, значительно обедняет его истинную сущность, сводя к эффективности политических технологий. Сами условия диктуют новые правила политической игры, создавая социальный запрос на новый патриотизм. Отсюда, выходя на уровень политики, патриотизм не просто встраивается в идейно-политическую конструкцию как очередная политическая ценность, а становится самостоятельным идеологическим проектом.

Политологический анализ патриотизма как формы самоопределения российского общества переходного периода подводит к необходимости утверждать, что патриотизм обнаруживает себя в единстве трех основных типов социально-политической идентификации: государственном, национальном, личностном.

Идеократическое измерение патриотизма как формы общегражданской идентификации служит выражением его интеграционных и консолидационных возможностей в условиях модернизации сложносоставных обществ с нарушенной национальной идентичностью.

Русская национально-патриотическая идентичность традиционно обеспечивалась сильной государственностью, ее социокультурная

легитимация как политического патриотизма отличается особым цивилизационным статусом, не допускающим политизации этничности и отчасти реализующим свой интеграционный потенциал путем встраивания в общий социокультурный контекст самобытных культур и их ценностных ориентаций.

Патриотизм как форма идентификации обнаруживает свою политическую природу в конфликтных условиях российского переходного общества. Поляризация патриотизма обусловлена нарушением баланса этнонациональной и гражданской идентичности, социокультурной легитимацией форм разрешения конфликта национальных интересов и ценностей в рамках сохранения традиционной национально-государственной идентичности.

Литература

[1] Ильин И.А. О грядущей России. — М.: Воениздат, 1993. — С. 45–57.

[2] Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. — Мюнхен, 1958.

[3] Романовский В.К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. — Н. Новгород, 2010. — С. 45.

[4] Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи [Электронный ресурс]. — URL: http://www.vehi.net/deprofundis/struve.html#_ftn1

[5] Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. — Томск: Водолей, 2000. — С. 23.

[6] Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Париж: YMCA-PRESS, 1983.

[7] URL: http://fictionbook.ru/author/sergeyi_sergeevich_stepanov/vek_psihologii_imena_i_sudbyi/read_online.html?page=10.

[8] URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pol/emik3.html

[9] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C1%E5%F0%E4%FF%E5%E2,%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9_%C0%EB%E5%EA%F1%E0%ED%E4%F0%EE%E2%E8%F7

УДК 14:008

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и экономических дисциплин Уфимского филиала ФГБОУ ВПО
«Московская государственная академия водного транспорта»
e-mail: suleimanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель секции физической
культуры и безопасности жизнедеятельности
Уфимской государственной академии искусств
им. Загира Исмагилова
e-mail: BulatRussia@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В данной статье авторы обращаются к проблеме творчества как форме самореализации личности и в соответствии поставленной проблематикой рассматривают историко-философский аспект данной темы. В различных направлениях философской мысли авторы исследуют такое явление как творчество, которое является неотъемлемым компонентом человеческой деятельности, направленной на преобразование окружающего мира и самого человека.

Ключевые слова: личность, деятельность, творчество, самореализация, преобразование природы человека, духовный потенциал.

Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы. Обнаружение своего творческого акта не есть крик боли, пассивного страдания, не есть лирическое излияние. Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены творчеством. Творчество по существу есть выход, исход, победа.

Творчество — не допускается и не оправдывается религией, творчество — само религия. Творческий опыт — особый религиозный опыт и путь, творческий экстаз — потрясение всего существа человека, выход в иной мир. Творческий опыт так же религиозен, как и молитва, как и аскеза.

Н. Бердяев

На наш взгляд, более адекватному пониманию творчества может способствовать анализ его осмысления в истории философии. Домарксовские мыслители рассматривали творчество в контексте основных философских проблем. Они анализировали его как объективную и субъективную реальность, созидание мира, рассматривали связь творчества с деятельностью человека.

В различных философских направлениях творчество понималось неоднозначно. Формирование представлений о нем связано с решением вопроса о начале, которое в зависимости от материалистического или идеалистического мировоззрения рассматривалось материальным, объективным или идеальным (духовным), субъективным. Эти характеристики не исчерпывают полного понимания начала.

Сложная и многообразная структура природной и социальной действительности, осмысливаемая не только через основной вопрос философии, определяет необходимость выделения также природного и социального, созидательного и разрушительного, общечеловеческого и классового, коллективного и индивидуального начала.

Между тем наличие нескольких оснований для выделения различных творческих начал не снимает необходимости теоретического осмысления творчества в тесной связи с решением основного вопроса философии. Домарксовские мыслители вели поиск материального или духовного начала мира. Идеалисты понимали духовное начало в качестве созидательной творческой силы. Материалисты искали творческое начало в самой материи. Родоначальник Милетской школы Фалес полагал, что началом (архэ) всех вещей является материальное начало. Творчество в учении милетцев, понимаемое как возникновение конкретных вещей, есть порождение материального, телесного начала, являющегося общим для всего реально существующего мира.

Гераклит Эфесский, полагавший, что мир не создан ни богом, ни человеком, что «он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» [1, с. 275], искал начало мира в конкретно телесном. Огонь, по мнению Гераклита, находится в вечном движении и изменении, переходит из одного состояния в другое, благодаря борьбе противоположностей, которая и является источником развития. Поэтому творение нового как созидание имеет своим началом не просто телесную основу или сущность, а противоречие как объективный процесс.

В этот период древнегреческой философии творчество трактовалось как производящее, самореализующееся начало, которое понималось, во-первых, как внешняя движущая сила, материальный фактор созидания и, во-вторых, как источник движения.

Внесли определенный вклад в философское понимание творчества пифагорейцы, считавшие число началом всего существующего. Постановка вопроса о количественной стороне мира связана у них с признанием идеального первоначала мироздания. При этом

следует напомнить, что идеалистическим представлениям о творчестве в античной философии предшествовали мифологические взгляды, согласно которым созидательное начало в мире — это боги и полубоги. Поэтому творчество понималось в качестве сверхъестественной силы.

Ксенофан, полагавший, что в основе единства мира находится мысль, и при этом называвший материальный мир богом, подчеркнул наличие продуктивной способности в человеческой духовной деятельности (воображения), заявив, что боги есть творения человека. На творческое начало человеческого разума указывал Зенон. Эмпедокл, разделявший традиции ионийской и италийской школ, в понимании миротворчества отказался от строгого монизма элеатов, выдвинув плюралистическую точку зрения на проблему начала. По его мнению, все состоит из четырех начал: огня, воздуха, воды и земли, которые движутся двумя противоположными силами — любовью и ненавистью, поочередно властвующими над миром.

Материалистические представления о творчестве были развиты Демокритом, отвергавшим идеалистические взгляды о разумном творце мироздания. Он считал, что мир находится в движении не в результате действия сверхъестественных причин, а в соответствии с объективными законами, присущими самой природе. По мнению Демокрита, в основе творчества людей находятся природные способности. Он признавал, что творчество проявляется в совместной деятельности людей, в их общении. Существенную роль в развитии творческих способностей Демокрит отводил обучению и опыту человека.

Своеобразной реакцией на натурфилософию античных материалистов о творчестве явились взгляды Сократа, поставившего вопрос о существовании нравственного творчества. Сократ сосредоточил внимание на изучении формирования у человека способности к продуктивному, творческому мышлению, вопросов творческого духовного роста личности. Воспитательная деятельность, представляющая собой процесс непрерывного общения с людьми, должна способствовать формированию мысли о социально общей природе твор-

чества личности, о творчестве как продукте взаимодействия людей.

Особое значение для понимания творчества представляет учение Платона, по мнению которого, идеи выступают в качестве первого начала мироздания. Они представляют собой причину и образец всех вещей, опредмечиваются в конкретно-чувственной форме, являясь, таким образом, активными творческими началами. Условием созидательной функции бытия является второе начало — материя как бесформенный вид, почти небытие. Отсюда мир вещей, порождаемый идеями — активным и созидательным началом, и материей — пассивным началом, представляет собой единство противоположностей — бытия и небытия, неизменного и изменчивого. Выдвигая идею богов, творящих как сами идеи, так и предметы путем вкладывания идей в материю, Платон тем самым поставил вопрос о субъекте созидательной деятельности. Он рассматривает творчество и деятельность в связи друг с другом.

Платон рассматривал творчество как переход из небытия в бытие, как создание новых предметов. В диалоге «Пир» он говорит: «Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей — их творцами» [13, с. 135]. Учение Платона содержит рациональную идею о творчестве как всеобщем процессе созидательной деятельности. Он угадал, что творческая человеческая деятельность не является произвольной, не соотносящейся с законами мироздания.

Определенный вклад в осмысление творчества внес Аристотель, который наделил природу целесообразностью, считая при этом, что целесообразное творчество природы происходит бессознательно. Создают вещи, по мнению Аристотеля, активные формы, вносимые в пассивную материю. Вечной причиной мирового процесса, вечным перводвижателем мира он признавал бога как деятельный разум. Однако бог, без которого не может быть движения, не творит мир. Аристотель различал творческое и деятельное начало. «Творческое начало, — писал он, — находится в творящем, будь то ум, искусство или некоторая способность, а деятельное начало — в деятеле как его ре-

шение, ибо сделанное и решенное не одно и то же» [2, с. 117]. Творчество рассматривалось им как порождение предмета, которое является внешним по отношению к создателю.

В период разложения рабовладельческого общества меняются представления о творчестве. В условиях господства церкви и религиозной идеологии в философии формируются представления о боге как творце. Творчество рассматривается как активный процесс реализации его воли. Понятия «бог» и «творение» становятся основными теологическими понятиями. У неоплатоников, в патристике и схоластике используются идеи Платона и Аристотеля. Христианская идеология заимствует у Платона идею активности бога. Высказывается идея духа как животворящего начала. Разрабатываются идеи о творении мира богом, непрерывного творения, мировой души, заключающей в себе все индивидуальные души. Материя рассматривается как пассивная, воспринимающая вечные идеи. Патристика формулирует идеи монотеизма, трансцендентного (разумом не познаваемого) бога, его абсолютной способности к сотворению мира. Материя в учении отцов церкви уже не существует как второе начало, а является созданием бога.

Борьба реализма и номинализма в западно-европейской схоластике способствовала в известном смысле последующему осмыслению проблемы соотношения общего и отдельного в процессе творческой человеческой деятельности. Учение номинализма логически вело к опровержению церковной догмы о первичности духа и вторичности материального мира. Фома Аквинский, активно боровшийся с номинализмом, понимал, что для укрепления религии одной лишь ссылки на авторитет бога явно недостаточно. Поэтому он подчеркивал, что человеческий разум в качестве частицы божественного разума обладает достаточной силой, чтобы рационально доказывать бытие бога. Бог же согласно его учению есть чистая форма — источник всех форм, началами по отношению к материальным вещам.

Согласно христианству люди осуществляют творчество истории, но в качестве участников реализации замысла бога. Воля человека согласно религиозным воззрениям, будучи изначально ущербной, способна лишь к ограничен-

ной активной творческой деятельности в жестких рамках, определяемых замыслами бога. Отсюда принижение роли человеческого творчества, которое, по мнению церковных идеологов, не может сравниться с божественным творением.

Эпоха Возрождения существенным образом меняет представления о творческой деятельности. В отличие от средневековой философии мыслители Возрождения начинают рассматривать историю как результат человеческого творчества, не обусловленного божественными замыслами. Творчество рассматривалось в это время также в натурфилософском плане. В материалистическом пантеизме Дж. Бруно бог отождествляется с природой. Признавая источником всего качественного многообразия бытия не бога, а материю и рассматривая бытие с позиций гилозоизма и панпсихизма, Дж. Бруно считал, что природа полна бессознательного творчества. Человеческое же творчество лишь уподобляется природе.

Философия Нового времени имеет важное значение для осмысления творчества, поскольку ее представители подчеркивали продуктивную мощь человеческого разума и роль знания в творческой деятельности. Ф. Бэкон, выдвинувший тезис «Знание есть сила» и полагавший, что «мы столько можем, сколько мы знаем», в своем учении об идолах (призраках) высказал мысль о необходимости устранения иллюзий, созданных людьми и препятствующих познанию истины, адекватному отражению действительности, иначе говоря, он высказал идею устранения духовных стереотипов. Т. Гоббс в своих социологических воззрениях, стремясь обосновать происхождение государства не как творение бога, а как следствие взаимодействия людей, подчеркнул роль социально-политической творческой деятельности людей, не зависимой от божественных замыслов.

Существенный вклад в понимание творчества был внесен немецкой классической философией. Ее родоначальник И. Кант полагал, что творчество как продуктивная способность воображения находится в самой основе познания. Он показал, что наряду с индивидуальным сознанием существует сознание вообще (трансцендентальное сознание), которое функ-

ционирует в рамках каждого индивидуального сознания, и тем самым выдвинул предпосылку для осмысления проблем связи духовного творчества человеческого рода и индивида, общечеловеческого и индивидуального творчества.

И.Г. Фихте распространил понятие творческой деятельности на весь мир и вместе с тем показал деятельную сторону индивида. Субъект у Фихте есть активное, непрерывно действующее начало, производящее объект. Абсолютное «Я» — сознание вообще является изначальной первичной творческой силой. Оно связано с эмпирическим «Я» — сознанием индивидуума. Само абсолютное «Я» есть противоречивое единство субъективного и объективного («Я» и не «Я»), диалектическое взаимодействие которых создает реальные явления и предметы. Субъективное и объективное являются двумя моментами творческой деятельности абсолютного «Я». Следовательно, Фихте поставил проблему потенциальной творческой активности субъекта.

Т. И. Ойзерман пишет, что у Фихте творчество «творит не только мир явлений, но и весь универсум, а благодаря этому также самого себя» [12, с. 199].

Велика заслуга в осмыслении творчества Гегеля, который считал, что абсолютная идея, будучи духовной субстанцией, составляющей сущность и первооснову всех конкретных предметов, первоначалом всего сущего, выступает в качестве субъекта творения мира. Гегель рассматривал проблему творческой деятельности человека. По его мнению, в истории реализуется позитивное творчество людей. Он дал высокую оценку творческой роли народа в историческом развитии, хотя и считал деятельность народа неосознанной. Отмечая творческий характер, человеческого разума в превращении возможности в действительность, Гегель основной признавал духовную деятельность. Он дал позитивную оценку роли творческого труда в жизни общества

Таким образом, следует подчеркнуть, что на всем протяжении развития философской мысли осуществлялось исторически конкретное осмысление творчества как перехода из небытия в бытие, полагания во вне, созидания мира, образования предметов явлений,

процессов. Осмысление творчества определялось основными задачами, решаемыми философами. Его понимание было связано с исследованием проблем соотношения бытия и сознания, бесконечного и конечного, общего и единичного, субъекта и объекта в контексте общих проблем развития мира его познания, деятельности субъекта, места человека в мире и его познавательных возможностей, вопросов культуры.

Не случайно диапазон этого понимания оказался широк: от осмысления творчества как созидания мира до характеристики конкретных видов и форм творческой человеческой деятельности. Такое осмысление творчества необходимо учитывать в процессе современного его исследования.

Существенным недостатком домарксистской философии в понимании творчества явился разрыв творчества и отражения. Творческий характер сознания был достаточно хорошо изучен идеализмом, однако его представители не признавали за сознанием способности отражать окружающий мир, поскольку последний, по их мнению, создан духовным началом. В противоположность идеалистам материалисты видели сущность сознания в отражении объективного мира, но при этом они недооценивали его творческий характер. Понимание отражения как творческого процесса, творческого характера сознания и практики, их диалектики было дано впервые в марксистской философии.

Следует подчеркнуть, что понимание творчества как сотворения мира сверхъестественным началом (идеалистический креационизм) умаляет роль человеческого творчества. К этому же приводит сведение творчества к одному из атрибутов природного начала. Справедливое признание творчества социальным, человеческим феноменом не должно ограничиваться пониманием его как творчества только лишь некоторых совокупных субъектов или отдельных выдающихся индивидов. «Отлучение» от творчества широкой массы людей или принижение значимости их творчества, игнорирование массовой способности к творчеству приводят к оценке человека как «винтика», подрывают у людей уверенность в своих позитивных преобразующих силах, способствуют

формированию веры в сверхъестественное, суеверий, предрассудков, забитости и культа личности, унижают человека.

На наш взгляд, прежде всего имеет важное мировоззренческое и методологическое значение понимание творчества в качестве процесса безграничного, непрерывного созидания нового. Творчество рассматривалось в системе субъектно-объектных отношений, где реализуются творческие возможности людей. Важное значение имеет признание домарксовскими философами связи творчества и деятельности.

Классики марксизма раскрыли природу творчества народных масс и личности. Вопросы творчества решались ими в аспекте целостного осмысления общественно-исторического процесса, в основе которого лежит творческая деятельность людей.

В марксистско-ленинской философии творчество и деятельность людей рассматриваются в неразрывном единстве. Всякое творчество есть социальная деятельность, но не всякая деятельность людей является творческой, то есть создающей новое. Поэтому понятие человеческой деятельности шире, чем творчества. Творчество — это существенный компонент такой деятельности людей, в процессе и результате которой создается новое. В творческой деятельности возникают и реализуются уникальные, оригинальные идеи человека, его способности и талант.

В социально-философской мысли проблема творчества также нашла должное внимание в работах отечественных мыслителей, и прежде всего, в трудах великого русского мыслителя Н.А. Бердяева.

В первом томе своей «Истории русской философии» характеризуя русскую философию, В.В. Зеньковский на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий: «она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [9, с. 18].

В центре творчества Н.А. Бердяева (1874–1948), одного из видных религиозных философов XX в., стоит проблема человека, человеческого, многие аспекты человеческой бытийственности. «Трудно отыскать в истории философии мыслителя, который так напряженно

и с такой остротой переживал бы последние, предельные вопросы человеческого существования», — отмечает современный исследователь его творчества [8, с. 3]. «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека — это значит в то же время поставить проблему свободы, творчества, личности, духа и истории», — писал религиозный мыслитель [3, с. 19].

Данные темы, а вместе и ними и вся социальная проблематика освещаются Бердяевым с позиций разработанной им оригинальной философской концепции христианского персонализма. Отмечая экзистенциалистический и эсхатологический характер своей философии, Бердяев писал: «Я верю лишь в метод экзистенциально-антропоцентрический и духовно-религиозный» [7, с. 5].

Крупный историк философии, профессор Лондонского университета Фредерик Чарльз Коплстон в своей «Истории философии. XX век» отмечал: «...следует упомянуть русского философа Николая Бердяева, который считает себя истинным экзистенциалистом, провозглашая не только, что „дух есть свобода“, но также и что „вне христианства нет свободы и царит детерминизм“. Для Бердяева свобода не является естественной для человека, она есть нечто, чего нужно добиться, и добиться ее можно, только вступив в порядок бытия, высший по отношению к естественному порядку» [10, с. 143].

С этих позиций во всей социальной философии Бердяева звучит и тема творчества. Необходимо еще раз подчеркнуть, что эта тема освещается им с точки зрения «христианского персонализма (от лат. *persona* — личность), теистического направления современной философии, признающего личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности — бога» [15, с. 472–473].

Отмечая в себе противоречивое сочетание «аристократического понимания личности, свободы и творчества и социалистического требования утверждения достоинства каждого человека», Бердяев писал: «Мне одинако-

во близки Ницше и Лев Толстой. Я очень ценю К. Маркса, но также Ж. де Местра и К. Леонтьева, мне близок и мною любим Я. Беме, но также близок Кант» [5, с. 5].

К 1912 году ориентация Бердяева на православную церковь исчерпывает себя, и он обращается к средневековой германской мистике (Мейстер Эккхарт, Ангелус Силезиус, Якоб Беме), в которой находит основание для своего учения об «антроподицее» в творчестве и через творчество. В феврале 1914 г. Бердяев закончил книгу «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», обозначившую переломный этап в его философской биографии именно в ней Бердяев впервые заявил себя как оригинальный мыслитель. Оригинальность мыслителя чувствуется и в стиле его изложения: «В литературной манере Бердяева есть некоторые трудности, часто читателю трудно уловить, отчего данная фраза следует за предыдущей: порой кажется, что отдельные фразы можно было бы легко передвигать с места на место, настолько неясной остается двух рядом стоящих фраз» [9, с. 343].

Центральным положением «смысла творчества» стала идея откровения человека в ходе совместного с Богом продолжаемого творения (теургии). Здесь безусловна перекличка с учением о «Богочеловечестве» Вл. Соловьева и темой «активного апокалипсиса» Н.Ф. Федорова [14, с. 56]. Но своеобразие Бердяева выражается в том, что его «теургия» включает аспект «свободы», оставленный без внимания его предшественниками.

Творчество, по Бердяеву, есть способ позитивного самоопределения «свободы» не как выбора и самоопределения личности в мире, а как «безосновной основы бытия», над которой не властен Бог-творец.

Современное понимание творчества как высшей формы активности и ключевой деятельности человека, создающей новые материальные и духовные ценности, расширяющей и преобразующей среду его обитания; способности к созданию новых реальностей и одновременно к самосозданию имело у Бердяева иной смысл. Наиболее полно природу творчества, и именно с позиций своей христианско-персоналистической философии, он представил в сочинении, указанном выше — «Смысл

творчества: Опыт оправдания человека», которая «имеет уже задачи систематические» [9, с. 342]. «В жизненном источнике этой книги и этой религиозной философии заложено совершенно исключительное, царственное чувствование человека, религиозное осознание Антропоса как Божественного Лица... Много писали оправданий Бога, теодицей. Но наступает пора писать *оправдание человека — антроподицею*» [6, с. 24].

Отмечая персоналистский поход Бердяева к сущности творчества, С.Н. Малявин отмечает: «Философ пишет о персонализме, как о качестве, противоположном индивидуализму, который естественен и банален... Индивиды лишь воспроизводят себе подобных и редуцируют общественные отношения, тогда как личности творят и персонифицируют. Все приведенные факты восхождения мировой истории связаны непосредственно с персонализмом и личностями, утверждает Бердяев. Главное отличие личности от индивида в творческом акте первого. Творчество присуще творцу, впервые оно явилось в акте Творения. Личность продолжает творческий акт, руководясь исключительно божественным прецедентом, для нее не существует трафарета, всякое действие для него ново» [11, с. 98–99].

Уже во «Введении» Бердяев приступает к анализу творчества с точки зрения рассмотрения духа человеческого. «Дух человеческий — в плену, — пишет мыслитель. — Плен этот я называю „миром“, мировой данностью, необходимостью» [6, с. 17]. «„Мир“ этот — не космос, это некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живого. И истинный путь — это путь духовного освобождения от „мира“, освобождение духа человеческого из плена необходимости. Это движение в духе, а не в „миру“». Упадочному раздвоению мыслей и расслабленному равнодушию к добру и злу нужно решительно противопоставить мужественное освобождение духа и творческий почин. «Ужас, боль, слабость, гибель должны быть побеждены творчеством» (курсив авт.) [6, с. 18], — отмечает Бердяев. Творчество по существу есть выход, исход, победа. Путь творческий — жертвенный и страдательный, но он всегда есть освобождение от подавленности. Бердяев на-

зывал себя «сыном свободы» и подчеркивал в другой книге: «Я основал свое дело на свободе» [7, с. 254].

По мысли Бердяева, творческая активность человека не имеет своего священного писания, пути ее не открыты свыше человеку. В деле творчества человек как бы предоставлен самому себе, оставлен с собой, не имеет прямой помощи свыше. И в этом, по его мнению, сказалась великая премудрость Божья. «Мы чувствуем *священный авторитет умолчания Евангелия о творчестве*, — отмечает Бердяев. — Божественно-премудро это абсолютное молчание священного писания о творчестве человека. И разгадка премудрого смысла этого молчания есть разгадка тайны о человеке, есть акт высшего самосознания человека. Лишь не достигший высшего самосознания человек ищет оправданий творчества в священном писании и священных указаний о путях творчества, т. е. хочет подчинить творчество закону и искуплению» [6, с. 89–90].

Антропологический смысл творчества раскрывается Бердяевым в следующем суждении. Если бы пути творчества были оправданы и указаны в Священном писании, то творчество было бы послушанием, т. е. не было бы творчеством. Понимать творчество как послушание последствиям греха, как исполнение закона или как искупление зла, т. е. как откровение ветхозаветное или откровение новозаветное, значит отвергать тайну творчества, значит не знать смысла творчества. То, что тайна творчества и пути его сокрыты в Священном писании, в этом — премудрый эзотеризм христианства. Тайна творчества по существу своему эзотерична, она не откровенна, она — сокровенна. Открываться свыше могут лишь закон и искупление, творчество — сокрывается. Откровение творчества идет не сверху, а снизу, это — откровение антропологическое, не теологическое. «И Бог ждет от человека *антропологического откровения творчества*, — подчеркивает мыслитель, — *сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества*» [6, с. 90].

По мнению Бердяева «в творчестве снизу раскрывается божественное в человеке, от свободного почина самого человека, а не

сверху» [6, с. 91]. В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве, заложена в человеке, как печать его богоподобия, как знак образа Творца. *«Принудительное откровение творчества, как закона, как наставления в пути, противоречило бы Божьей идее о свободе творца, отображающего Его божественную природу»* [6, с. 90–91], — пишет мыслитель.

Далее Бердяев более категоричен, утверждая, что если бы было откровение свыше о творчестве, откровение, запечатленное в священном писании, то не нужен и невозможен был бы свободный творческий подвиг человека.

Исходя из своего понимания свободы человека Бердяев подчеркивает: *«Человекоподобие Бога в едиnorodном сыне и есть уже вечная основа самобытно-свободной природы человека, способной к творческому откровению»* [6, с. 92]. *«Творчество — не оправдывается религией, творчество — само религия»* [12, с. 100], — отмечает Бердяев. Творческий опыт — особый религиозный опыт и путь, творческий экстаз — потрясение всего существа человека, выход в иной мир. Творческий опыт также религиозен. Как и молитва. Как и аскеза. Творческий опыт — самобытен, у него свои бездонно глубокие корни, он не произведен.

«Мы стоим перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдать свое творчество» [6, с. 101], — отмечает далее Бердяев. В творческом акте должно быть внутреннее самооправдание, и всякое внешнее его оправдание бессильно и унизительно. Человек оправдывает себя перед творцом не только искуплением, но и творчеством. В тайне творчества открывается бесконечная природа самого человека и осуществляется его высшее назначение.

«Человеческая природа, — подчеркивает Бердяев, — творческая, потому что она есть образ и подобие Бога — Творца... Человеческая природа, сознающая свою самость, свое самостоятельное и свободное бытие, должна

вечно существовать лишь как творческая. Творящая человеческая природа окончательно оправдывается перед творцом не своим угашением, а творческим своим выражением. Человек должен абсолютно *быть*» [6, с. 102].

Последнее суждение Бердяева органически переплетается с представлениями современного мыслителя — Эриха Фромма, немецкого социолога, философа, социального психолога, психоаналитика, представителя Франкфуртской школы, одного из основателей неотрефрейдизма и фрейдомарксизма: «Человек не может жить без веры. Решающим для нашего и следующего поколений является вопрос о том, будет ли это иррациональная вера в вождей, машины, успех, — или рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности» [17]. В своей работе «Иметь или быть» он также указывает: «Важнейшей предпосылкой для возникновения у человека ориентации на „бытие“ (модуса бытия) является свобода и независимость, а также наличие критического разума. Главным признаком такого состояния духа является активность не в смысле деятельности, в смысле внутренней готовности к продуктивному использованию человеческих потенциалов. „Быть“ означает давать выражение всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми (в большей или меньшей степени) наделен каждый из нас» [16, с. 138].

По мнению Бердяева, человеческая природа, искупленная и спасенная от зла, имеет положительное человеческое содержание и положительную человеческую задачу. Таким содержанием и задачей может быть лишь творчество. Очищенный, просветленный, творческий экстаз осуществляет назначение человека. Таким образом, антроподицею, т. е. оправдание человека Бердяев выводит через его творческую деятельность.

Обращаясь к творчеству Н.А. Бердяева, Зеньковский отмечает в нескольких местах своей работы: «...его интересы простирались во все стороны, хотя в основе его очень богатого и разностороннего творчества всегда лежала моральная тема... Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист... Романтизм Бердяева окрашен прежде всего моралистически» [9, с. 343–

345]. Соотношение творчества и морали предстает у Бердяева в упомянутой книге «Смысл творчества» и более поздней работе — «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947).

Бердяев в своих размышлениях отрещивается от традиционной христианской морали, считая, что христианская мораль смирения и послушания недостаточна, в ней не все ценности жизни раскрываются. Духовная работа смирения и послушания — лишь моменты пути. Цель, которую должен ставить перед собой человек и все человечество в целом — творчество новой жизни, потому что христианство, как религия искупления, не выполнило и не выполняет своей миссии — оно не раскрыло и не может раскрыть морального творчества.

«Творчество жизни оправдывают христианской моралью лишь путем безграничного насилия над Евангелием, — пишет Бердяев. — В моральном сознании нового человечества есть творческие ценности, которые не были раскрыты в христианской морали. Эти творческие ценности говорят о восхождении человека, и от них труднее отказаться, чем от опустившегося рационализма, мешающего принять догматы и таинства — от этих ценностей не должно отказываться» [6, с. 226].

Новую творческую мораль нельзя основать на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного — в ней открывается серафическая (высшая ангельская — *авт.*) природа человека. Поэтому путь христианской морали — через жертву к творчеству, через отречение от мира сего и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни.

В настоящее время человечество, по мысли Бердяева, переживает моральный кризис, который имеет в своей основе положительную тенденцию — в нем прорывается жажда морального творчества, морали как творчества. «Кризис морализма, — поясняет он, — бунт против закона морального послушания есть также предвзвешивание новой мировой эпохи, эпохи творческой. В жизни моральной, как и в жизни познавательной, художественной, половой, новый человек жаждет творить новую жизнь, а не только нести послушание последствиям греха, не только приспособляться к условиям этого мира» [6, с. 230]. Прежняя

мораль, подобно всякому закону, скорее избличала зло, чем творила высшую правду жизни. Ныне мораль перерастает уже закон послушания, избличающий зло и приспособляющийся к его условиям. Мораль хочет быть творчеством высшей правды жизни и высшего бытия.

В чем сущность морального кризиса, — задается вопросом мыслитель. Кризис в моральной природе проявляется в противоречии общественной морали, которая следует навязанным стереотипам поведения через следование закону и морали индивидуальной, призванной ставить высшие цели. «Сущность эта (морального кризиса — *авт.*), — указывает Бердяев, — прежде всего в революционном переходе, от сознания, для которого мораль есть послушание срединно-общему закону, к сознанию, для которого мораль есть творческая задача индивидуальности... Но высшая задача человека — творчество новой жизни. Творчество есть проход через тайну индивидуальности. Творческая мораль не есть исполнение закона, она есть откровение человека. И это откровение человека в моральном творчестве — всегда индивидуально-качественное, а не срединно-общее [6, с. 231–232].

Новая творческая мораль должна быть построена на мужественности и на заботе о творческом восхождении. Вечное трусливое дрожание за свою душу, присущее природе религиозного человека прежних времен, унижает его и уничтожает образ Божий в человеке. От ужаса человек готов отказаться от всех творческих ценностей, лишь бы не погибнуть. Как и две морали Бердяев противопоставляет массовое, нивелированное общинно-общественное творчество неповторимому автономному индивидуальному творчеству. «Всякое понижение ценности, качества, индивидуальности, творчества, — отмечает он, — во имя среднеобщинного, количественного, во имя благополучия, устройства и распределения есть грех перед Богом и перед божественным в человеке... И поистине, грядущая в мире творческая мораль, знаменующая великую моральную революцию, — не демократическая, а аристократическая мораль, ибо творчество все в качестве, а не в количестве, в ценности, а не благополучии, в индивидуальном, а не в средне-общем,

в восхождении, а не в распределении, в организме, а не в механизме. Аристократизм — морально-революционен, демократизм — морально-консервативен» [6, с. 233–234].

Дальнейшие рассуждения Бердяева о связи творчества и морали можно свести к следующему положению. Прежняя мораль — мораль послушания выполнила свою миссию, она должна быть преодолена, поскольку в человеке должно совершиться творческое откровение космоса. «Рыцарь свободного духа» (как называли Бердяева друзья и недоброжелатели) указывает, жизнь в творчестве возможна лишь в Духе: «Только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, освободит от тяжести исключительно отрицательного самосознания. В этике творчества будет вдохновение новой, не бывшей еще жизни. Это — жизнь в Духе. А не в мире, жизнь, духовно свободная от реакций на мир и мирское. Из этики творчества вытекает и новая оценка общественности. Новая творческая жизнь не может двигаться ни вправо, ни влево по линии „мира“, а лишь ввысь и вглубь по линии Духа» [6, с. 239].

Творческий экстаз раскрывает мир последней, сокровенной реальности. Прозревается прорывающееся из иного плана мира, то, чего нет в «мире сем», в природной действительности. Творчество человека творит самую жизнь, иной мир. «Природа должна быть очеловечена, освобождена, оживлена и одухотворена человеком. Только человек может расколдовать и оживит природу, так как он сковал и омертвил ее» [6, с. 68].

В творчестве Бог и человек объединяются. Мир есть Богочеловеческое дело. Теургическое творчество приводит к более реальному миру, чем природная действительность. Познавательное отношение в философии всегда считалось приоритетным. Познание — акт дерзновения. Человек меряется своими силами со вселенной и в акте познания хочет возвыситься над ограниченностью и массивностью мира [6, с. 58].

По Бердяеву, человек познавателью живет в двух мирах: в мире первичном, экзистенциальном, и в мире объективированном, вторичном. Творчество человека свидетельствует о принадлежности человека к двум ми-

рам, о призванности человека к царственному положению в мире. Но и самое существование «я» есть уже творческое усилие, творческий синтезирующий акт. Человек творит свою личность и в творчестве выражает свою личность. В самосозидании «я», личности человеческий дух совершает творческий акт синтеза. Нужно творческое усилие духа, чтобы не допустить разложения «я», раздвоения и распада на части личности. Человек не только призван к творчеству как к действию в мире и на мир, но он сам есть творчество и без творчества не имеет лица. Человек есть микрокосм и микротеос. Образ человека есть творческое единство. «Человек есть существо, — пишет Бердяев, — преодолевающее себя и преодолевающее мир, в этом его достоинство. Но это преодоление есть творчество. Тайна творчества есть тайна преодоления данной действительности, детерминированности мира, замкнутости его круга. В этом смысле творчество есть трансцендирование... Творчество не есть только придание более совершенной формы этому миру, оно есть также освобождение от тяжести и рабства этого мира. Творчество не может быть лишь творчеством из ничего, оно предполагает материал мира. Но в творчестве есть элемент из „ничего“, т. е. из свободы иного мира. Это значит, что самое главное и самое таинственное, самое творчески новое идет не от „мира“, а от духа» [4, с. 507].

Бердяев представляет человека сотворцом всего сущего наряду с Всевышним. Мир, пишет он, творится не только Богом, но и человеком, он есть Богочеловеческое дело. Он подчеркивает экстатический характер творчества, его таинственный смысл. «Творческий экстаз есть выход из времени этого мира, времени исторического и времени космического, он происходит во времени экзистенциальном... Творчество всегда носит индивидуально-личный характер, но в нем человек не один. Человеческое творчество не только человеческое, оно — богочеловеческое. В этом таинственность творчества. В нем происходит трансцензус, в нем разрывается замкнутость человеческого существования. Творческий акт есть акт, совершаемый человеком, и в нем человек чувствует превышающую его силу» [4, с. 509].

В своих философских интуициях Бердяев указывает на неразрывную и, сказать более, взаимодействующую связь свободы и творчества. «Творческий дар благодатный, — пишет философ, — творческая свобода просветленная... Противоречивость и парадоксальность творческого состояния заключается в том, что человек в момент творческого подъема чувствует себя как бы одержимым высшей силой, демоном, и вместе с тем чувствует необыкновенную свободу, вольность. В творчестве, и особенно в искусстве, в поэзии, есть что-то от воспоминания об утерянном рае» [4, с. 510–511].

Творческий акт, по Бердяеву, эсхатологичен, в нем сказывается невозможность довольствоваться этим миром. В нем кончается этот мир и начинается иной мир. Таково всякое творческое состояние человека, хотя бы в нем не создавалось никаких продуктов. Значение творческого состояния для внутренней жизни человека в том, что оно означает преодоление подавленности, приниженности, вызванных тяжестью этого мира, и достижение подъема. Поэтому творчество говорит о преодолении этого мира, преодолении этого бытия, о возможности расковыивания его, освобождения и преображения.

Бердяев проводит связь — параллели и различия — творческого художественного процесса с продуктивным воображением в сновидении. «В сновидении возникают образы, — пишет он, — которые не вызываются непосредственно впечатлениями внешнего эмпирического мира, но связаны с тем, что хранилось в глубине подсознательного. Сновидческое состояние не зависит от восприятий и образов чувственного мира в данный момент, но это состояние не активное, а пассивное. Состояние подавлено и почти парализовано. Человек в сновидении может быть совершенно раздавлен прошлым. В творчестве же возникают образы, которые не определяются творческим миром или определяются им через творческое преображение. Но они приносят с собой освобождение от подавленности прошлого, от накопившихся в подсознательном впечатлений и травм, от ранений прошлого... В творчестве всегда действует не только подсознательное, но и сверхсознательное, движение вверх» [4,

с. 511–512]. В своих рассуждениях о связи творчества и сновидения Бердяев предвосхищает многое из того, что изучается и предстоит изучить психологам, социологам, философам, всем тем, кому интересны тайны сокровенного человеческого бытия.

По мнению Бердяева, творчество осуществляется по линии восходящей и по линии нисходящей. Восходящая линия — это творческий акт на взлете вверх, к иному миру. Но он встречает затруднение, сопротивление в материи этого мира, в ее «бесформенности, массивности, тяжести, в дурной бесконечности», окружающей со всех сторон творца. Человек как творящий субъект поставлен перед миром объективации (объективным миром), и результаты творческого акта должны войти в этот мир объективации. В этом трагедия творчества, в том, что человек связан условностями этого мира, его стереотипами, навязанными обстоятельствами. В этих рассуждениях Бердяев — полнейший экзистенциалист. Истинное (первичное, как указывает мыслитель) творчество происходит вне объективированного мира, во времени экзистенциальном, в мгновении настоящего, не знает прошлого и будущего. «Творческий акт есть нуменальный, но он создает продукт, принадлежащий феноменальному миру» [4, с. 513].

В заключение, отмечая сущность философии Бердяева, укажем, что она — человеческая. Мудрость всегда человеческая. Но Бердяев источает особое тепло, умеет возбудить интеллектуальное волнение, сопереживание своим интуициям о судьбе личности, экзистенциальной, бытийственной стороне жизни человека.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к тому, что деятельность человека всегда предполагает не только усвоение социального опыта накопленного предшествующими поколениями, но привнесение нового с учетом изменившихся социально-исторических условий, которые предъявляют человеку нестандартные решения сложнейших жизненных задач, что несомненно требует творческого подхода, и особенно это важно в настоящее время, когда востребована новая модель экономической деятельности — создание наукоемких технологий и перехода к инновационной экономике.

Литература

- [1] Антология мировой философии: в 4 т. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. — Ч. 1. — 576 с.
- [2] Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. — М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. — 348 с.
- [3] Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание. В кн.: Бердяев Н. О русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова., А.И. Новикова. — Свердловск: Издание Уральского ун-та, 1991. — Т. 2. — Ч. 2. — 345 с.
- [4] Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация. В кн.: Бердяев Н.А. Дух и реальность / вступ. ст. и сост. В.Н. Каляжного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. — 680 с.
- [5] Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Царство духа и Царство Кесаря. — М.: Республика, 1995. — 375 с.
- [6] Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. — 676 с.
- [7] Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
- [8] Блюменкранц М.А. Романтик духа // Самопознание: Сочинения. — М.: ЭКСМО — Пресс; Харьков: Фолио, 1999. — 624 с.
- [9] Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — Т. 1. — 544 с.
- [10] Коплтон Ф. История философии XX век / пер. с англ. П.А. Сафронова. — М.: Центрополиграф, 2002. — 269 с.
- [11] Малявин С.Н. История русской социально-философской мысли: пособие для вузов. — М.: Дрофа, 2003. — 256 с.: ил.
- [12] Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. — М.: Мысль, 1982. — 320 с.
- [13] Платон. Сочинения: в 3 т. — Т. 2 / ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1970. — 382 с.
- [14] Русская философия. Малый энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1995. — 624 с.
- [15] Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1989. — 815 с.
- [16] Фромм Э. Иметь или быть / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. — М.: Астрель, 2010. — 314 с.
- [17] URL: fromm/hpsy/ru/biogrspy/

УДК 14:008

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и экономических дисциплин Уфимского филиала
ФГБОУ ВПО «Московская государственная
академия водного транспорта»
e-mail: suleimanov1957@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕЛИГИИ И ИСКУССТВА

В статье рассматривается влияние религии на искусство и искусства на религию.

Ключевые слова: религия, искусство, духовная жизнь общества, символ, образ.

*Искусство — это сотрудничество Бога с художником,
и чем меньше художника, тем лучше.
Андре Жид*

Известно, что на протяжении длительной исторической эпохи искусство было тесно связано с религией. Его сюжеты и образы в значительной степени заимствовались из религиозной мифологии, его произведения (скульптуры, фрески, иконы) включались в систему религиозного культа. Многие защитники религии утверждают, что она содействовала развитию искусства, оплодотворяла его своими идеями и образами. В этой связи встает вопрос о подлинном соотношении искусства и религии, о характере их взаимодействия в истории культуры.

Тема данной работы является достаточно сложной и многоплановой, поэтому авторы, осознавая это, не претендуют на ее полное, детальное рассмотрение, и ограничиваются лишь некоторыми аспектами данной проблемы, наиболее важными на наш взгляд. Нам в данной работе необходимо показать, как влияет религия на искусство, и наоборот, искусство на религию.

Религия и искусство на протяжении многих веков человеческой истории (как неписанной, так и писанной), так или иначе, соприкасались друг и другом. Это обусловлено тем, что как религиозная, так и искусствоведческая сфера общественных отношений имеют своей целью воздействие на сознание и деятельность как отдельно взятой личности, так и общества

в целом. «Искусство — форма мышления. Без которого человеческое сознание не существует, как не существует сознания с одним полшарием» [6, с. 400], — отмечает Ю.М. Лотман.

Для того чтобы рассмотреть проблему взаимодействия и взаимовлияния религии и искусства необходимо, прежде всего, разобраться с понятиями «религия» и «искусство».

Религия — это «мировоззрение и поведение отдельного индивида, группы, общности, которые определяются верой в существование сверхъестественного. Религия представляет собой один из наиболее важных социальных институтов, включающих систему социальных норм, ролей, обычаев, верований и ритуалов (культа), предписаний, стандартов поведения, организационных форм. На протяжении большей части человеческой истории она играла решающую роль при конструировании человеком социальной реальности и была наиболее эффективным и распространенным средством легитимации (объяснения и оправдания) и поддержания социального порядка» [9, с. 444].

Понятие «искусство» может быть представлено в нескольких определениях. Возьмем то определение искусства, которое нам представляется интересным с социологической точки зрения: «Искусство целесообразно представлять как определенный культурный код, бази-

рующийся на эстетических, образных принципах построения связей человека с окружением, на основе которого профессиональные художники в символической форме решают задачи, возникающие в области этих связей» [9, с. 174].

Если брать такую сторону определения искусства как профессиональная деятельность, то следует отметить, что она направлена на построение образных форм, представленных в виде особых артефактов — произведений искусства. В этой связи известный культуролог Ю.М. Лотман отмечал: «Искусство — одна из разновидностей моделирующей деятельности» [6, с. 387].

Антропологические предпосылки как религиозной деятельности, так и деятельности в области искусства составляют определенные свойства человека. Они проявляются в следующем:

1) в отношениях с окружением (как с социальным, так и природным);

2) в упорядочивающей реакции на неопределенность ситуации;

3) в представлении неопределенной ситуации в образной форме:

– в религиозной сфере — в образе Бога, сверхъестественных сил и т. п.

– в искусстве — в художественных образах.

4) внешнее представление образов в виде символов, которые могут стать объектами коммуникации в процессах социального взаимодействия.

Говоря о содержании религиозной деятельности и деятельности в сфере искусства, можно сослаться на слова современного исследователя: «Тесное взаимопроникновение, подчас даже слияние искусства и религии на протяжении длительного исторического периода, особенно в эпоху средневековья, объясняется в значительной мере некоторыми общими особенностями эстетической и религиозной деятельности, искусства и религии, которые следует учитывать, ни в коей мере не игнорируя при этом принципиальных, коренных различий между ними» [11, с. 8].

Поскольку социальная значимость религии и искусства определяется необходимостью для людей определить свои отношения с окружением в системах разделяемых представле-

ний и способностью придавать им внешнюю образную форму, постольку эта информация в виде образов и представлений) оказывается в обществе и культуре специально упорядоченной, а соответствующие виды деятельности и публичная представленность их результатов — особым образом институционализированными. Функциональные основания и символические способы выражения такого порядка составляют специфический код религии и искусства.

Взаимосвязь религии и искусства объясняется их сущностными характеристиками, структурными компонентами и функциями. Сущностные характеристики религии и искусства, как мы полагаем, были даны в тех дефинициях, которые приводились выше, поэтому назовем их структурные компоненты и функции.

Основными структурными компонентами религии являются:

– церковь;

– культ;

– религиозные заповеди и нравственные нормы;

– верования;

– молитва;

– поведение и отношения [1, с. 11–14].

Религия выполняет такие функции как:

– компенсаторная;

– интегративная;

– регулирующие-контролирующая;

– экзистенциальная (смысложизненная);

– политическая [1, с. 11–14].

Всемирно-историческое назначение искусства — воспринимать мир во всей его полноте, сохранять целостность личности, культуры и жизненного опыта человечества.

Функции искусства:

1. Общественно-преобразующая (искусство как деятельность). Искусство — творение художественной реальности и преобразование реального мира в соответствии с идеалами художника. Например, поработанный исландский народ создавал саги, в которых жили и действовали вольнолюбивые и мужественные герои-богатыри. В сагах народ духовно осуществлял свои помыслы о свободе и независимости. Мечты народа об освобождении от власти татаро-монгольского ига отражены в русских былинах. Эротизм кино и романов

XX в. во многом определил сексуальную революцию 60–70 годов.

2. Компенсаторная (искусство как утешение).

Воспринимая художественное произведение, люди разряжают внутреннее напряжение и волнение, порожденные реальной жизнью, и хотя бы частично компенсируют монотонность повседневности. Компенсаторная функция имеет три основных аспекта:

- отвлекающий (гедонистически-игровой и развлекательный);
- утешающий;
- способствующий духовной гармонии человека (собственно компенсаторный).

Жизнь современного человека полна конфликтных ситуаций, напряжения, перегрузок, неосуществившихся надежд, огорчений. Искусство способно утешить человека, увести его в мир грез. Своей гармонией оно дает человеку равновесие, порой помогающее ему удержаться на краю пропасти, дает возможность жить дальше.

3. Познавательная (искусство как знание и просвещение) Философия Платона и Гегеля считала искусство низшей формой познания истины, проявляла недоверие к познавательным возможностям искусства. Однако они огромны, их нельзя заменить иными сферами человеческой духовной жизни. Из романов Ч. Диккенса можно узнать о жизни английского общества больше, чем из сочинений всех историков, экономистов, статистов той эпохи, вместе взятых. Формула воды H_2O , но в ней нет прелестного журчания ручья, напоминающего голос любимой, нет лунной дорожки на поверхности моря, нет таких бурлящих волн как на картине И.В. Айвазовского «Девятый вал». Конкретно-чувственное богатство и сотни свойств воды остаются за пределами научного обобщения.

Особенно велика роль искусства в познании духовного мира человека. Оно проникает в самые глубины психологии личности, раскрывает сложнейшее взаимодействие мыслей, чувств, воли, раскрывает источники и побудительные мотивы действий и поступков людей.

4. Коммуникативная (искусство как общение). На коммуникативности искусства осно-

вывается его современное рассмотрение как знаковой системы. Искусство имеет свои условности. Многие виды искусства (музыка, живопись, танец) не требуют для их понимания перевода на другие языки. Искусство сближает людей, позволяет им лучше узнать друг друга (культурный обмен между странами).

5. Воспитательная искусство как катарсис). Искусство формирует целостную личность. Воздействие искусства ничего общего не имеет с дидактическим нравоучительством, оно проявляется подсознательно. «Искусство, — подчеркивает Ю.М. Лотман, — обладает высочайшей нравственной силой» [6, с. 402]. Аристотелевская теория катарсиса состоит в том, что показывая героев, прошедших через тяжкие испытания, искусство заставляет людей сопереживать им и этим как бы очищает внутренний мир зрителей и читателей. Человек обогащается опытом других людей и быстрее и качественнее вырабатывает собственные ценностные установки.

6. Эстетическая (искусство как формирование творческого духа и ценностных ориентации). Искусство формирует художественный вкус, способности и потребности человека, пробуждает его творческое начало.

7. Гедонистическая (искусство как наслаждение). Эстетическое наслаждение имеет особый духовный характер, и еще древние греки отличали его от плотских удовольствий. Художественное творчество доставляет людям радость постижения красоты и художественной правды.

Также по праву, принадлежащим искусству, можно выделить функции: внушающую, информационную, анализирующую, предвосхищения.

Назвав основные функции религии и искусства, мы полагаем выделить отдельно такие функции религии как компенсирующая, интегративная и экзистенциальная (смысло-жизненная).

Из простого перечисления этих функций следует, что религия, по сути, выполняет те же функции что и искусство, но лишь в рамках той или иной религиозной доктрины, религиозного вероисповедания. Если искусство, как элитное, так и, особенно, массовое, предполагает охват всего общества, то религия, в первую

очередь, своих адептов, т. е. людей, исповедующих ту или иную религиозную веру.

Духовная культура, формируясь в течение веков и тысячелетий, ориентировалась на выполнение, по крайней мере, двух социальных функций — выявление объективных законов бытия и сохранение целостности социума. Иначе говоря, речь идет о познавательной функции, которую реализует в системе духовной культуры наука (отчасти и искусство), и функции общелогической, регулятивной, которую выполняют политическая, правовая и моральная культура, религия, искусство. Эти элементы духовной культуры осуществляют «теоретическое» и «практическо-духовное» освоение действительности. Какое место в этом освоении занимает религия? Ограничимся рассмотрением взаимодействия религии с искусством, моралью и наукой.

Религия — весьма многогранное, разветвленное, сложное общественное явление, представленное различными типами и формами, самыми распространенными из которых являются мировые религии, включающие многочисленные направления, школы и организации.

В истории культуры особое значение имело возникновение трех мировых религий: буддизма, христианства и ислама. Эти религии внесли существенные перемены в культуру, вступив в сложное взаимодействие с различными ее элементами и сторонами.

Во взаимодействии с искусством религия обращается к духовной жизни человека и по-своему интерпретирует смысл и цели человеческого бытия. Искусство и религия отражают мир в форме художественных образов, постигают истину интуитивно, путем озарения, можно сказать условно. Условность в религии (с точки зрения рационализма, а не с позиции самого верующего) — в ее мифологизированной форме. «Условность в искусстве, — указывает Ю.М. Лотман, — реализация в художественном творчестве способности знаковых систем выражать одно и то же содержание разными структурными средствами» [6, с. 74]. Они немислимы без эмоционального отношения человека к миру, без его развитой образной фантазии. Но у искусства существуют более широкие возможности образного отраже-

ния мира, выходящие за пределы религиозного сознания.

Исторически взаимодействие искусства и религии осуществлялось следующим образом. Для первобытной культуры была характерна нерасчлененность общественного сознания, поэтому в древности религия, представлявшая собой сложное переплетение тотемизма, анимизма, фетишизма и магии, была слита с первобытным искусством и моралью, все вместе они явились художественным отражением природы, окружающей человека, его трудовой деятельности (охоты, земледелия, собирательства) [10, с. 376–403].

Сначала, очевидно, появился танец, представлявший собой магические телодвижения, имеющие целью задобрить или утешить духов. Затем родилась музыка и мимическое искусство. Из эстетической имитации процессов и результатов труда постепенно развилось изобразительное искусство, направленное на умиловивление духов. «Вера в искупляющие божества доставляет содержание его (человека — авт.) религиозному искусству», — отмечает авторитетнейший исследователь истории искусства К. Верман [3, с. 18].

Огромное влияние религия оказала на античную культуру, одним из элементов которой явилась древнегреческая мифология. Из мифов мы узнаем об исторических событиях того времени, о жизни общества и его проблемах. Так, гомеровский эпос считается важным первоисточником в изучении древнейшего периода греческого общества, о котором нет других свидетельств.

Древнегреческие мифы послужили почвой для возникновения античного театра. Пробразом театральных представлений были празднества в честь очень популярного и любимого в Греции бога Диониса. Во время празднеств выступали хоры наряженных в козы шкуры певцов, которые исполняли особые гимны — дифирамбы (от греч. *dithyrambos* — песня козлов). Из них и возникла позже греческая трагедия. Из сельских празднеств с шуточными песнями и плясками родилась трагическая комедия. Древнегреческая мифология оказала большое влияние на культуру многих современных европейских народов. К ней обращались Леонардо да Винчи, Тициан, Рубенс,

Шекспир, Моцарт, Глюк и многие другие композиторы, писатели и художники.

Библейские мифы, в том числе главный миф о богочеловеке Иисусе Христе, были самыми притягательными в искусстве. Живопись веками жила трактовками рождества и крещения Христа, тайной вечери, распятия, воскресения и вознесения Иисуса. «Не было в истории христианского искусства — как западного, так и восточного — периода, пусть даже самого краткого, когда бы не создавались Его изображения», — отмечает А. Майкапар [7, с. 14]. На полотнах Леонардо да Винчи, Крамского, Ге, Иванова Христос представлен как высший идеал Человека, как идеал чистоты, любви и всепрощения. Такая же нравственная доминанта преобладает в христианской иконописи, фресках, храмовом искусстве.

Храм — это не только место богослужения, это — крепость, символ силы и независимости государства (города), исторический памятник. Так, самая древняя церковь в Ленинградской области — церковь св. Георгия в Старой Ладоге — была построена в честь победы над шведами, осадившими Ладогу в 1164 году, и посвящена святому Георгию, покровителю ратных дел. Главный храм Пскова — Троицкий собор — был символическим выражением столичных функций Пскова как независимой вечевой республики. Памятник утверждения Киевского государства, главный христианский храм Киева Софийский собор был построен Ярославом Мудрым в XI в. на месте, где была одержана победа над печенегами. В роскошной обстановке, среди драгоценного убранства и художественных произведений мирового значения здесь происходили торжественные церемонии посвящения в великие князья и в высшие иерархические чины, приемы послов. Здесь находилась кафедра киевских митрополитов. В Софийском соборе была создана первая на Руси библиотека, велось летописание [8].

Таким образом, храмы, являясь культовыми сооружениями, имели большое культурное значение: в них воплотилась история страны, традиции и художественные вкусы народа.

Для каждого храма древнерусские мастера находили свое единственное архитектурное решение. Умея точно выбрать лучшее место в ландшафте, они добивались его гармонич-

ного сочетания с окружающей природой, что усиливало выразительность храмовых сооружений. Примером может служить самое поэтическое творение древнерусского зодчества — церковь Покрова в излучине реки Нерли на Владимиро-Суздальской земле.

Религия, являясь богатым, многовековым пластом мировой культуры, оказала огромное влияние на литературу. Она оставила миру Веды, Библию и Коран.

Веды — это обширный фонд идей, ценнейший источник древнеиндийской философии и различных знаний. Здесь речь идет о творении мира, вводятся многие понятия (космология, теология, гносеология, мировая душа и др.), определяются практические пути преодоления зла и страдания, обретения духовной свободы. Отношение к Ведам определило авторитет, и разнообразие древнеиндийских философских школ (веданты, сакхи, йоги и др.). На почве Вед возникла и вся древнейшая индийская культура, подарившая миру Махабхарату и Бхагавадгиту — одну из наиболее популярных частей Махабхараты, где речь идет о нравственном аспекте индуизма, о внутренней свободе, о добре, зле и справедливости. Здесь же развивается учение о йоге как системе практического совершенствования тела, души и духа [2, с. 161–361].

Библия является памятником древнееврейской литературы (Ветхий завет) и раннехристианской литературы (Новый завет). В Ветхий завет включены хроникально-законодательные книги, сочинения народных проповедников, а также собрания текстов, относящихся к различным поэтическим и прозаическим лаврам — религиозная лирика, размышления о смысле жизни (книги Иова и Екклесиаста), сборник афоризмов (книга Притчей Соломона), свадебные песни, любовная лирика (книга «Руфь» и книга «Есфирь»). В Библии нашли отражение жизнь народов Древнего Средиземноморья — войны, соглашения, деятельность царей и полководцев, быт и нравы того времени. Поэтому Библия является одним из крупнейших памятников мировой культуры и литературы. Без знания Библии многие культурные ценности остаются недоступными. Большую часть художественных полотен эпохи классицизма, русскую иконопись и философию невозможно

понять без знания библейских сюжетов, значительной частью восходящей к Ветхому Завету, являющемуся памятником древнееврейской культуры. «Поэтому всякий обзор еврейского искусства есть обзор всемирного, каким оно видится глазами евреев», — отмечает в этой связи И. Корн [5, с. 7].

Коран включает в себя исламское учение о судьбах мира и человека, содержит собрание обрядовых и юридических установлений, назидательных рассказов и притч. В Коране представлены древнеарабские обычаи, арабская поэзия, фольклор. Литературные достоинства Корана признаны всеми знатоками арабского языка. «Если бы не арабы, современная европейская цивилизация никогда бы не приобрела тот характер, который позволил ей преодолеть все фазы эволюции; и хотя нет ни единой сферы человеческой деятельности, в которой бы не ощущалось решающее влияние исламской культуры, нигде оно не выражено так ярко, как в естественных науках и научном духе. Этот дух был внесен в европейский мир арабами», — отмечает историк Р. Блифолт [4, с. 19].

Роль религии в истории мировой культуры заключалась не только в том, что она даровала человечеству «священные» книги — источники мудрости, доброты и творческого вдохновения. Религия оказала немалое влияние на художественную литературу разных стран и народов. Возьмем, к примеру, христианство и русскую литературу. Потеряв ориентиры в суетном мире, в хаосе относительных ценностей, русские авторы издавна стали обращаться к христианской морали и позднее к образу Христа как идеалу этой морали. В древнерусской литературе (в житиях святых) подробно описывали жизнь святых, подвижников, праведников-князей. Христос еще не выступал в качестве литературного персонажа: слишком велики были священный трепет и благоговейное отношение к образу спасителя. В литературе XIX в. Христа тоже не изображали, но в ней появляются образы людей христианского духа и святости: у Ф.М. Достоевского — князь Мышкин в романе «Идиот», Алеша и Зосима в «Братьях Карамазовых»; у Л.Н. Толстого Платон Каратаев в «Войне и мире». Как это ни парадоксально, литературным персонажем Христос

впервые стал в советской литературе. А. Блок в поэме «Двенадцать» впереди объятых ненавистью и готовых на смерть людей поставил Христа, образ которого, очевидно, символизирует надежду людей на очищение и покаяние хотя бы когда-нибудь, в будущем. Позднее Христос появится в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» под именем Иешуа, у Б. Пастернака — в «Докторе Живаго», у Ч. Айтматова — в «Плахе», у А. Домбровского — в «Факультете ненужных вещей».

Писатели обратились к образу Христа как идеалу нравственного совершенства, спасителю мира и человечества. В образе Христа писатели увидели и то общее, что выпало на его долю и что переживает наша эпоха: предательство, преследование, неправый суд. В такой обстановке человек устал жить и изувечился. Обесценивая жизни, страх перед гибелью породили в его психике трусость, лицемерие, покорность, предательство.

Когда люди теряют духовные ориентиры, порывают с вечными ценностями и начинают жить только сиюминутными проблемами, заботясь о пище, одежде, жилье, тогда культура и общество неизбежно оказываются в кризисе. Так было на закате античности, так было в конце прошлого века, так происходит и сейчас. Выход из тупика — в нравственном возрождении людей, которое всегда совершалось на духовной, в том числе религиозной основе.

Подводя итог всему выше сказанному отметим, что взаимосвязь и взаимовлияние религии и искусства вполне объективно и это обусловлено их социальной природой, функциями, которые они выполняют, воздействием на личность и общество и при этом оно находит свое отражение в религиозизации искусства или же эстетизации религии.

Литература

[1] Ахмедов Р.М. Религиоведение: Курс лекций / Р.М. Ахмедов, Р.Ю. Рахматуллин, Т.Ф. Сулейманов. — Уфа: ОН и РИО МВД РФ, 2005.

[2] Бхагавад-гита, как она есть. — 3-е изд., испр. — М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2005.

[3] Верман К. История искусства всех времен и народов. — Т. 1. Искусство первобытных племен, народов дохристианской эпохи и населения Азии и Африки с древних веков до XIX столетия. — М.: АСТ, 2001.

[4] Коран / пер. смыслов и комент. В. Прохоровой. — 5-е изд., доп. и перераб. — М.: Аванта+, 2001.

[5] Корн И. Иудаизм в искусстве. — Мн.: Белфакс, 1998.

[6] Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПБ, 2005.

[7] Майкапар А. Новый Завет в искусстве: Очерки иконографии западного искусства. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

[8] Половинкин А.И. Православная духовная культура. — М.: ВЛАДОС-Пресс, 2003.

[9] Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. — М.: Норма — ИНФРА-М, 1998.

[10] Токарев С.А. Ранние формы религии. — М.: Политиздат, 1990.

[11] Угринович Д.М. Искусство и религия: теоретический очерк. — М.: Политиздат, 1982. — С. 8.

CONTENTS

THEORETICAL AND CONCEPTUAL FOUNDATION OF FEDERALISM IN THE CONTEXT OF SUBJECTIVITY OF REGIONS

GAIKUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Sciences, Candidate of Law,
Professor, the Head of the Political Science Chair of Bashkir State University*

DEMYANENKO Yuri Anatolievich,

*Candidate of Sociological Sciences, Rector of Pskov State University,
applicant for the Doctor's degree of the National and
Federative Department of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

INTEGRATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A POLITICAL PROCESS

The features of federative modernization of Russia (integration of the subjects of the Federation, creation of federal districts) are considered in this article. According to the authors' opinion, federative modernization should have scientifically reasonable nature; it should be system-defined, based on the principles and valuable priorities that are clear to the society. The reasonable thing in this context is to develop a road map of federative modernization of Russia.

Key words: *federative modernization, integration of subjects, federalism, federal districts, power vertical.*

GLINSKAYA Irina Yuryevna,

*Doctor of Political Sciences, Associate Professor
of People's Friendship University of Russia*

TERRITORIAL BRANDING AS A MECHANISM OF RUSSIA'S BRAND FORMATION

The article «Territorial branding as a mechanism of Russia's brand formation» is devoted to the marketing technologies used for the promotion of regions, cities, towns. It's necessary to develop them before starting to create the brand of Russia. The author gives some examples of branding in Karelia, Vologda oblast, Mordovia, Kostroma oblast etc. to show the new trends, such as agricultural, ecological and ethnic tourism. The development of regional brands gives a good impetus to create the national brand «Russia».

Key words: *brand, territorial branding, agricultural, ecological and ethnic tourism.*

EUROASIAN OUTLOOK AND POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS IN THE 20TH CENTURY

VAKHITOV Rustem Rinatovich,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
the lecturer of the Philosophy Chair of Bashkir State University*

RUSSIA AS A EURASIAN CIVILIZATION

The questions of existence of the Eurasian civilization taking into account the analysis of climatic conditions, features of cultural life and historical traditions of the people living in Russia are considered in the article.

Key words: *Eurasian civilization, eurasianism, geographical space, place of development.*

MINAKOV Pavel Anatolyevich,

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Law Chair
of the Institute of Comprehensive Business Safety and Security
of Bashkir State University*

SOME PROBLEMS OF FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL STATE IN MODERN RUSSIA

The concept of the constitutional state used in the struggle for human rights is considered in the article. Special attention is paid to the problem of separation of powers and to the need to put the state activity under the society control.

Key words: *constitutional state, government, legal restrictions, human rights.*

FONARYOV Mikhail Alexeyevich,

*Research worker of the Problems of National,
Federal and International Relations Research Department
of the Center of Political and Legal Researches
of Eurasian Scientific Research Institute of Law (Ufa)*

COLLAPSE OF THE SOVIET UNION AND TRANSFORMATION OF THE EURASIAN COMMONWEALTH: NEW ACTUALS

Collapse of the USSR and formation of the Eurasian Union testifies the repeating political phenomena in the form of Eurasian integration and disintegration. The repeating phenomenon raises the question of a certain regularity of political processes. The politological analysis of transformation of the Eurasian commonwealth and definition of the role of the Russian Federation in it is carried out in this article.

Key words: *Soviet Union, Eurasian Union, transformation, eurasianism, integration, disintegration, CIS, vector, geopolitics, language.*

ODERIJ Andrej Vladimirovich,

*Research worker of the Department of Research
of Problems of National, Federative and International Relations
of the Center of Political and Legal Researches
of Eurasian Scientific Research Institute of Law, Ufa*

INTERETHNIC TOLERANCE AS A BASIS OF MULTINATIONAL STATES

In today's Russia there is a close connection between religion and nationality. Very often religious traditions allow to support, keep and increase the national. At the same time the preservation and enhancement of the national is impossible without tolerant relations in the society. Interethnic tolerance as a basis of multinational states is examined in this article.

Key words: *tolerance, ethnos, nation, interaction, force, values, spiritual culture.*

YAMATIN Andrej Dmitriyevich,

*applicant of the Political Science Chair
of Bashkir State University*

POLITICAL OPPOSITIONS IN MODERN RUSSIA: SUBJECTIVE FACTOR

The concept «political opposition» characterizes the acting specific subject (agent) of the conflict, and also the form of its political activity, i. e. the counteraction to the dominating subject, its position and politics. The subjective factor of formation of political opposition is considered and its essential characteristic is revealed in this article.

Key words: *politics, opposition, power, state, democracy, conflict, subject, agent, phenomenon, measurement.*

TERRITORIAL DIFFERENTIATION AND REGIONALIZATION IN THE MODERN WORLD

IZGINA Radmila Eduardovna,

*Applicant of the Constitutional Law Chair
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

THEORETICAL AND CONCEPTUAL GROUNDS OF FEDERALISM IN THE CONTEXT OF SUBJECTIVITY OF THE REGIONS

The article is devoted to the contemporary condition of the Russian federalism. The author analyses the phenomenon of political subjectivity and reveals key trends in the development of federative relations in the Russian Federation.

Key words: federalism, centralization, decentralization, political subjectivity of the regions, representation of the regional interests.

SADYKOV Vener Nailevich,

Applicant of the Political Science Chair of Bashkir State University

FEDERAL DISTRICTS AS TERRITORIAL FUNDAMENTALS OF MODERN REGIONAL POLICY

Formation of modern Russian statehood revealed two obvious problems, i.e. the combination of wide independence of the subjects of the Russian Federation with need of preservation of the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. The political potential of the federal districts in territorial transformation of modern Russia is investigated in this article.

Key words: federal districts, federation, region, subject, integration, transformation, regional policy.

Zimina Ekaterina Vladimirovna,

post-graduate of the Political Science Chair of Bashkir State University

FEATURE OF INTERETHNIC DIALOGUE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE TRANSFORMATIONAL PROCESS OF THE INTERNAL POLITICAL ORDER OF THE MODERN EGYPTIAN STATE

The problems of interethnic confrontation of the Coptic and Islamic population within the framework of the revolutionary transformation of internal political structure of the Arab State of Egypt are considered in the article. The regions of traditional dissemination of Islam in the world suffer difficult period in the development, addressing the fundamental principles of religion or political philosophy. Influence of the Islamic factor to the transformation of the world processes is indisputable. On the example of the examined state of Middle Eastern coordinate system it may be observed how the religious extremism is used in the political aims.

Key words: revolution, transformation, Islamists, protest potential of masses, Middle Eastern system of coordinates, Copts, extremism, Muslim fundamentalism, manipulation with social movements.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERREGIONAL INTEGRATION

VALIULLIN Vadim Rimovich,

*Graduate student of the Political Science Chair
of Bashkir State University*

TOLERANCE AND POLITICAL CORRECTNESS AS INSTRUMENTS OF INTERETHNIC INTERACTION IN FEDERATIVE RUSSIA

Political correctness is a reverse side of tolerance in the interethnic relations; it sets formal bases of interethnic cooperation. However the principles of tolerance and political correctness contradict sometimes. This article is devoted to the problem of compatibility of the principles of tolerance and political correctness in modern Russia.

Key words: *tolerance, political correctness, dialogue, cooperation, ethnos, federative relations, culture, crisis, self-damage, ideology, democracy, liberalism.*

MUKAYEV Rustam Ildarovich,

*Applicant of the State Law Chair
of Bashkir State University*

ETHNOPOLITICAL, SOCIAL AND ECONOMIC FEATURES OF THE SUBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Russia as a federative state has a number of signs making its constitutional legal status: territory, sovereignty, population, government, tax system, etc. Ethnopolitical, social and economic features of the Russian regions are considered in this article.

Key words: *federalism, subjects, ethnopolitics, political science, nation, ethnoses, sovereignty, territory.*

**RUSSIA AND KAZAKHSTAN:
POLITICAL AND LEGAL, ECONOMIC
AND SOCIOCULTURAL ARGUMENTS
OF COOPERATION**

UNBAYEVA Ayna Sinimirovna,

*Representative of the Trade Mission of the Kazakhstan Republic
in the Bashkortostan Republic*

**GREETING OF THE PARTICIPANTS OF INTERNATIONAL PANEL DISCUSSION
«RUSSIA AND KAZAKHSTAN: POLITICAL AND LEGAL, ECONOMIC
AND SOCIOCULTURAL ARGUMENTS OF COOPERATION»
Ufa, July 31, 2013**

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

**RESOURCE PROVIDING OF A PERSON
FOR THE SAKE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Sciences, Candidate of Law,
Professor, the Head of the Political Science Chair
of Bashkir State University*

**TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN-KAZAKHSTAN RELATIONS
AT THE FORMER SOVIET UNION AREA**

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
the Dean of the Law Department, the Head of the Trade Union and Labor Law Chair
of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

**TO THE QUESTION OF INTERNATIONAL INTEGRATION IN THE CONDITIONS
OF GLOBALIZATION: RUSSIA AND KAZAKHSTAN**

PRIORITY PROJECTS OF THE INTEGRATION COOPERATION OF RUSSIA AND BELARUS

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

GREETING TO PARTICIPANTS INTERNATIONAL PANEL DISCUSSION «PRIORITY PROJECTS OF THE INTEGRATION COOPERATION OF RUSSIA AND BELARUS» Ufa, September 12, 2013

RUSSIA AND BELARUS: GEOPOLITICAL PARTNERS AND HISTORICAL NEIGHBOURS

SAMOJLENKO Nicolay Nikolayevich,

*Chairman of the Youth Public Chamber of State Assembly
of the Bashkortostan Republic — Kurultay*

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF YOUTH PARLIAMENTARISM

The experience of creation of the youth parliaments of the legislative (representative) authorities as the most effective, agreeable to the tasks and principles of development of the youth parliamentary movement is considered in the article. The scientific analysis of the existing experience of youth representative structures in different regions is given.

Key words: youth parliaments, youth policy, initiative, youth socialization.

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
the Dean of the Law Department, the Head of the Trade Union and Labor Law Chair
of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

SOCIAL AND POLITICAL FEATURES OF THE EURASIAN INTEGRATION IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY

RUDMAN Mark Naumovich,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Law Chair
of the Institute of Comprehensive Business Safety and Security
of Bashkir State University*

BACK TO THE FEDERATION, FORWARD TO THE FEDERATION

The matters of right of the Belarusian state to the «free and independent» country development as a sovereign subject of policy are considered in the article. The reasons which caused an aggravation of relations between the Orthodoxy and the Catholicism are revealed. Positive historical and cultural, military and historical experience of cooperation of Russia and Belarus is analyzed.

Key words: *statehood, world outlook culture, civilization process, federalism.*

MINAKOV Ilya Pavlovich,

*Student of the Sociology and Philosophy Department
of Bashkir State University*

FORMATION OF LEGAL CULTURE OF THE YOUTH IN MODERN RUSSIA

The assessment of legal culture of the youth is given in the article. The criteria of definition of the level of the legal culture, the main directions of increase of the legal culture are considered.

Key words: *legal culture, right, legal relationship, sense of justice, legal behavior.*

SPIRITUAL, MORAL AND POLITICAL BASIS OF STATEHOOD

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,
*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Sociology and Management Department
of Moscow State Automobile and Road Technical University*

REGIONAL IDENTITY IN THE COORDINATES OF HISTORY AND MEMORY

The article examines the formation of new identities, one of which is regional. Its expression occurs as a result of a long process, which has its roots in the national history and culture of everyday life, and the peculiarities of the political and administrative-territorial mechanism of the government. All this contributes to the development of regional special memory acting as a component of the regional identity.

Key words: *identity, region, regional integration, history, citizenship.*

SOYEGOV Muradgeldi,
*Doctor of Philological Sciences, Professor,
member of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
senior research worker of the National Institute of Manuscripts
of the Academy of Sciences of Turkmenistan*

FIVE FROM SEVENTY EIGHT (Concerning Turkmen soldiers of the 112th Bashkir cavalry division, awarded the titles of the Heroes of the Soviet Union)

The article is devoted to the description of heroic acts of soldiers of 112th Bashkir cavalry division formed in Ufa in December 1941 in the days of the Great Patriotic War in 1941–1945. In this division many representatives of the Turkmen people carried out their solemn duty. Five from them, namely Annagylych Atayev, Berdimyrat Dovletjanov, GylychniyazAzalov, Mulki Bayramov and Tachmammet Niyazmammedov were awarded high titles of the Heroes of the Soviet Union for the heroisms shown in fights against the fascist aggressors.

Key words: *the Native land, war, fight, protection, heroism, death, rear, victory.*

BENINA Larisa Ivanovna,
*Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Political Sciences Chair of Bashkir State University*

FOUR LAYERS OF THE RUSSIAN POLITICAL CULTURE: ORIGIN OF FORMATION

The ideological prerequisites of formation of contradictory subcultures within the framework of political culture of the Russian society are considered in the article. On the example of ideological tendencies of the 19th century the contradictions in views on the ways of development and historical prospects of Russia, contained in the works of thinkers of conservative and archaic, western-liberal, radical antietatistic and socialistic directions are analyzed.

Key words: *political culture, political subcultures, type of political culture, layer of political culture.*

MINEEV Yevgeny Mikhailovich,
*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Political Science and History Chair
of Bashkir State University*

TRADITIONALISM OF SPIRITUAL BASES OF THE STATE AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF NATIONAL SAFETY OF RUSSIA

Strengthening of the national safety of the Russian state and the society requires revival of its traditional spiritual principles, of the positive image of the state and its moral authority by means of mass media, the termination of artificial stimulation of the complex of national inferiority of the Russians, stimulation of the interest to high culture (especially the national one) and denial of separate liberal and democratic values causing serious damage to the national safety of Russia.

Key words: *national safety, international relations, interfaith relations, patriotic views, traditionalism in the ideologies of the state, liberal and democratic values, spiritual safety of the society.*

SAITOVA Eliana Ferdinandovna,
Applicant of the Political Science Chair of Bashkir State University

TRANSIT OF THE RUSSIAN FEDERAL STATEHOOD: FROM THE USSR TO RUSSIA

The way of new Russia to the federalism which has begun in June, 1990 with adoption of the Declaration of State Sovereignty of RSFSR is considered in the article. The most important historical milestones for Russia on this way became: the Declaration of State Sovereignty of RSFSR of June 12, 1990, the Federative treaty (1992) and the Constitution of the Russian Federation (1993). It is proved that the transitivity in the Russian conditions was accompanied (and it continues to be accompanied!) by instability and crisis phenomena in various spheres of the state and political life.

Key words: *collapse of the USSR, the Russian statehood, federalism, federative structure, the Constitution of Russia of 1993, stages of formation and development of federalism in Russia, political transformation.*

KARIMOV Ruslan Ramilevich,

*Applicant of the Political and Social Sciences
and Philosophy Chair of the Bashkir Presidential Academy
of Public Service and Administration*

PATRIOTISM AS A FORM OF CIVIL IDENTIFICATION OF RUSSIANS

The thesis of multilevelness and multiaspectness of patriotism as of a backbone consolidating basis of the Russian transitional society is proved in the article, the connection of patriotism with the state as of a political form of the fatherland is established.

Key words: patriotism, ethnos, nation, love, homeland, design, balance, culture, system.

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
the Head of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair
of Ufa Branch of Moscow State Academy of Water Transport*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,

*Candidate of Historical Sciences, senior lecturer
of the Physical Training and Life Safety Section
of Zagir Ismagilov Ufa State Academy of Art*

CREATIVITY PROBLEM IN THE HISTORY OF PHILOSOPHICAL THOUGHT

In this article the authors advert to the creativity problem as to a form of self-realization of a person and in compliance to the set problems they consider historical and philosophical aspect of this topic. In various directions of philosophical thought the authors examine such phenomenon as creativity which is an integral component of the human activity directed on transformation of the world around and the person himself.

Key words: person, activity, creativity, self-realization, human nature transformation, spiritual potential.

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
the Head of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair
of Ufa Branch of Moscow State Academy of Water Transport*

DIALECTICS OF RELATIONSHIP OF RELIGION AND ART

The influence of religion on art and of art on religion is considered in the article.

Key words: religion, art, spiritual life of society, symbol, image.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках:**

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5х6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2013. № 4 (20)

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Сдано в набор 6.11.2013. Подписано в печать 27.11.2013.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 20,92. Уч.-изд. л. 21,64.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 1500 экз. Заказ 76

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.bist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21